

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИЧНОСТНЫЕ СМЫСЛЫ

Асмолов А.Г., Битюцкая Е.В., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Ушаков Д.В.

Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева 5

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ждан А.Н., Соколова Е.Е.

Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева 23

Мазилев В.А., Сленко Ю.Н.

Созидательная личность: А.Н. Леонтьев и отечественная психология 46

ОТ ФИЛОСОФИИ К ПСИХОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Лекторский В.А.

Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования 67

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Аллахвердов В.М.

Взлёт и трагедия А.Н. Леонтьева: сквозь марксизм к звездам 84

Гусев А.Н., Скотникова И.Г.

Вклад общепсихологической теории деятельности в развитие субъектной психофизики 99

Иванников В.А.

Проблема сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева 124

Субботский Е.В.

Живая субъективность и культурно-исторический метод: границы применимости 133

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нуркова В.В., Взорин Г.Д., Березанская Н.Б., Подоровская С.А.
Иерархическая регуляция непроизвольной памяти: включенность в деятельность, уровневые эффекты и судьба фоновых стимулов . . . 154

Разживин В.А., Ковалев А.И., Разживин А.П.
Психофизический анализ возникновения кожной чувствительности к световому воздействию 183

ИЗ АРХИВА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Леонтьев А.Н.
«Самозавещание» (предисловие Д.А. Леонтьева) 202

Леонтьев А.Н.
Заметки к диссертации А.Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» (предисловие А.Г. Асмолова) 208

ПАМЯТИ А.И. ДОНЦОВА (15.10.1949 — 08.03.2023) 215

CONTENT

PERSONAL MEANING

- Asmolv A.G., Bityutskaya E.V., Bratus B.S., Leontiev D.A., Ushakov D.V.***
Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey
Nikolayevich Leontiev 5

LIFE AND ACTIVITY

- Zhdan A.N., Sokolova E.E.***
Deed, Thought, and Word of Alexey Nikolaevich Leontiev 23
- Mazilov V.A., Slepko Yu.N.***
Creative person. A.N. Leontiev and Soviet psychology 46

FROM PHILOSOPHY TO PSYCHOLOGY OF THE FUTURE

- Lektorsky V.A.***
Psychological theory of activity by A.N. Leontiev and current cognitive
studies 67

THEORETICAL REFLECTIONS

- Allakhverdov V.M.***
A.N. Leontiev's rise and tragedy: per Marxism ad astra 84
- Gusev A.N., Skotnikova I.G.***
Psychological theory of activity: contribution to the development of
subject-oriented psychophysics 99
- Ivannikov V.A.***
The problem of consciousness in the early works of A.N. Leontiev 124
- Subbotsky E.V.***
Living subjectivity and cultural-historical method: limits of applicability 133

EMPIRICAL STUDIES

Nourkova V.V., Vzorin G.D., Berezanskaya N.B., Podorovskaya S.A.
Hierarchical regulation of involuntary memory: involvement into activity, LOP effects, and the fate of background stimuli 154

Razzhivin V.A., Kovalev A.I., Razjivin A.P.
Psychophysical analysis of the skin sensitivity to light exposure: a pilot study 183

FROM THE ARCHIVE OF A.N. LEONTIEV

Leontiev A.N.
“Self-testament” 202

Leontiev A.N.
On A.G. Asmolov’s thesis “On the role of set in the structure of activity” 208

IN MEMORY OF A.I. DONTSOV (30.09.1947–10.12.2022) 215

ЛИЧНОСТНЫЕ СМЫСЛЫ

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева

А.Г. Асмолов¹, Е.В. Битюцкая^{✉1}, Б.С. Братусь^{1,2}, Д.А. Леонтьев¹,
Д.В. Ушаков^{1,3}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

² Российский православный университет святого Иоанна Богослова,
Москва, Российская Федерация

³ Институт психологии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Резюме

Актуальность. Статья приурочена к 120-летию со дня рождения классика мировой психологии Алексея Николаевича Леонтьева. Юбилей основателя научной школы и факультета психологии стал для авторов этой статьи значимым поводом рефлексии «задачи на смысл» о личности Леонтьева, его теории и ее современных воплощений.

Цель статьи — научная рефлексия значения личности А.Н. Леонтьева и его общепсихологической теории деятельности для современной психологической науки; репрезентация смыслов юбилейного выпуска журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология».

Результаты. «Поле смыслов», связанных с А.Н. Леонтьевым, раскрывается через анализ культурно-исторического, жизненного и научного контекстов. Выделены взаимосвязанные линии деятельности А.Н. Леонтьева: *научная* (разработка фундаментальной теории, предполагающей целостное представление о человеке), *социальная* (воспроизводство среды интеллигентов) и связанная с этим *эмоциональная* сторона (создание своеобразного «поля напряжения», которое притягивало людей к этой интеллектуальной среде и порождало особую университетскую атмосферу свободы и новых разнообразных идей на факультете психологии МГУ). Показаны переключки теории деятельности с современными научными представлениями.

Выводы. Подход А.Н. Леонтьева является полисемантическим, переключаясь с рядом подходов более позднего времени. Возможно, этим объясняется

множественность его интерпретаций в современных контекстах психологической науки. Он сохраняет свою значимость как ресурс ответов на вопросы, которые ставятся психологией сегодня, через много десятилетий после ухода его создателя.

Ключевые слова: теория деятельности А.Н. Леонтьева, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, деятельность, сознание, личность, образ мира, значение, личностный смысл.

Для цитирования: Асмолов А.Г., Битюцкая Е.В., Братусь Б.С., Леонтьев Д.А., Ушаков Д.В. Диалоги о/в поле смыслов: к 120-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 5–22. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

PERSONAL MEANINGS

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev

**Alexander G. Asmolov¹, Ekaterina V. Bityutskaya^{✉1},
Boris S. Bratus^{1,2}, Dmitry A. Leontiev¹, Dmitry V. Ushakov^{1,3}**

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Russian Orthodox University of St. John the Theologian, Moscow, Russian Federation

³ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Abstract

Background. The paper is associated with the 120th anniversary of the birth of Alexey Nikolaevich Leontiev, acknowledged classic of the world psychology. This anniversary of the founder of a scientific school in psychology and of the department of psychology at Moscow State University has given rise to reflections on the “task for meaning” of Leontiev’s personality, his theory and its modern implementations.

Objective. The study is a professional reflection on the importance of A.N. Leontiev's personality and his activity theory approach for the psychological science of these days as well as the explication of meanings implied in the special thematic issue of this journal.

Results. "The field of meanings" associated with A.N. Leontiev is being revealed through the analysis of cultural-historical, life and scientific contexts. The intertwined lines of A.N. Leontiev's life activity are singled out: the scientific one (a fundamental theory, suggesting a holistic concept of human being), the social one (restoring intellectual environment), and the closely connected to the latter, emotional one (creating a specific "field of tension" which attracted colleagues toward this intellectual environment and generated a specific university atmosphere of freedom and diverse new ideas at the department of psychology at MSU. Dialogues and interactions of the activity theory approach with some theoretical approaches of our days are explicated.

Conclusion. Having much in common with more recent approaches, A.N. Leontiev's approach is a polisemantic one. This fact may serve as an explanation to the plurality of its interpretations in the present-day contexts within psychological science. The approach remains a significant resource of answers to the questions posed in psychology today, many decades after its creator passed.

Keywords: A.N. Leontiev's activity theory, department of psychology at Lomonosov Moscow State University, activity, consciousness, personality, image of the world, meaning, personal meaning.

For citation: Asmolov, A.G., Bityutskaya, E.V., Bratus, B.S., Leontiev, D.A., Ushakov, D.V. (2023). Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev. *Lomonosov Psychology Journal*, 2(46), 5–22. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-13>

А.Г. Асмолов:

Дорогие друзья!

Мы обладаем возможностью еще раз встретиться с Алексеем Николаевичем Леонтьевым в его разных образах и разных ипостасях. В одной из своих небольших рефлексий, посвященных беседам с Владимиром Тендряковым, Алексей Николаевич говорит о том, что

надо написать завещание и пояснить смысл своих работ¹. При этом он также неоднократно замечал, что в жизни необходимо «оглянуться», «остановиться» и решить особую «задачу на смысл».

Обсуждение такой даты, как 120-летие со дня рождения А.Н. Леонтьева — это приглашение к осмыслению разных решений задач на смысл каждым, в чьем сознании живут идеи А.Н. Леонтьева. И подготовленные для юбилейного выпуска журнала *Вестник Московского университета* статьи — это и есть решение разных задач на смысл, поставленных теми, кто согласен с А.Н. Леонтьевым или кто продолжает с ним яростный диалог и спор.

Но каждый раз спор с А.Н. Леонтьевым — это доказательство *полисемантической природы подхода А.Н. Леонтьева*: его жизни и его исследований. Поэтому для каждого — свой Леонтьев. Каждый продолжает диалоги с А.Н. Леонтьевым в своей собственной личной жизни и в своей научной биографии. Поэтому, если мы в преддверии выпуска нашего журнала скажем несколько слов о том, какой смысл для каждого имеют идеи и личность А.Н. Леонтьева, мне кажется, это будет и ценно, и важно, и понимаемо. Это поможет найти «общие психологические подлежащие» — вспомним Л.С. Выготского в беседах об А.Н. Леонтьеве.

Д.В. Ушаков:

Подхватывая идею, какой смысл имеет А.Н. Леонтьев для нас сегодня, я бы сказал о двух сторонах: одна — научная, другая — социально-личностная.

Научная сторона такая. Исходный корень психологии немецкий — это психология, которая пыталась создать общую концепцию человека. С определенного момента появился конкурирующий проект — американский. Он прикрывался именем бихевиоризма, но фактически прелесть бихевиоризма состоит не в отбрасывании сознания, а в том, что науку можно поставить на конвейер: один делает одну деталь, ставит на конвейер, следующий к ней что-то приделывает и так далее. Таким образом строится хорошая технологичная экспериментальная психология. И эта хорошая технологичная экспериментальная психология, в том числе в результате социальных событий — прихода в Германии к власти Гитлера, Второй мировой войны и т.д. — постепенно стала мейнстримом, стала господствовать

¹ «Самозавещание» (А.Н. Леонтьев, настоящий номер *Вестника Московского университета*. Серия 14. Психология).

в мировой психологии, оставляя лишь осколки исходного немецкого корня.

Таким осколком была и отечественная психология. Алексей Николаевич — один из тех людей, кто закладывал основы нашей психологии. Его идеи — это *идеи целостные*, целостного представления о человеке. Сегодня этап конвейерной науки — замечательной и четкой — тем не менее подходит к своему логическому завершению, потому что она приводит к образу *фасеточного человека*. То есть к такой ситуации, когда мы имеем множество, сотни видений человека, но не имеем одного видения. Мы сейчас находимся у предела, когда возникают проблемы, например, для разработки макропсихологии или для совмещения с тем, что делает искусственный интеллект. Во всех случаях нужно целостное видение. Поэтому сегодня мы опять нуждаемся в целостных концепциях, и классические отечественные работы наполняются новым смыслом.

Социальная или личностная сторона связана с таким понятием, как интеллигенция. Факультет психологии в советское время был социальной машиной по производству интеллигенции. На факультет поступали люди из городов и весей, из различных слоев общества, а заканчивали интеллигенты. Интеллигенция — это, на мой взгляд, такой слой, который, в отличие от интеллектуалов, не просто перерабатывает информацию, а переживает, создает смыслы или эмоционально размечает интеллектуальное поле.

А.Н. Леонтьев обладал способностью *интеллектуального обольстителя*. Он умел обольщать интеллектуальными проблемами и через это создавать эмоционально насыщенное интеллектуальное поле. Интеллигенция есть там, где существует господствующая идеология, и как то, что по отношению к этой господствующей идеологии занимает позицию внутреннего противостояния. Алексей Николаевич обладал способностью говорить такие вещи, которые, с одной стороны, вроде могли подходить под господствующую идеологию, но, с другой стороны, указывали на некоторые тайные, почти эзотерические смыслы. Тем самым создавалось *поле напряжения*, которое всасывало людей, втягивало в интеллектуальную среду. Благодаря силе интеллектуального обольщения А.Н. Леонтьева, его втягивающему полю создалась интеллектуальная атмосфера и возможность порождения новых разнообразных идей на факультете. Сейчас, конечно, обстановка совершенно другая. Сейчас мы это перестаем чувствовать, мы чувствуем по-другому. Но потребность в интеллек-

туальном обобщении по-прежнему очень велика, поскольку без него нет настоящей науки.

Поэтому А.Н. Леонтьев всегда больше того, что им написано, он тот, кто смог разжечь большое интеллектуальное пламя.

А.Г. Асмолов:

Дмитрий Ушаков выделил невероятно важные вещи: Леонтьев как представитель мира интеллектуальных обобщителей, а тем самым, постановщиков проблем. Это намного шире, чем тот Леонтьев, с которым связывается деятельностный подход. При этом надо четко понимать, что сам Леонтьев часто говорил: «Да нет у меня деятельностного подхода, за меня эти слова произносятся. Я просто ищу метод познания мира через нахождение тех или иных ценностных систем координат». В этом смысле сказанное очень точно: Леонтьев за пределами деятельностного подхода — это огромное *поле смыслов*.

Б.С. Братусь:

Воистину — человек уходит, а следы его остаются. Они остаются от любого, но часто очень быстро стираются суетой. Однако когда речь идет о таком крупном человеке и ученом, как Алексей Николаевич Леонтьев, то мы видим, что следы его деятельности остаются надолго, продолжаясь тропами и дорогами уже современного нам движения бытия.

Д.А. Леонтьев:

Смысл как след деятельности в опыте, как говорила Е.Ю. Артемьева.

Б.С. Братусь:

Спасибо, не удивлен, что мы оцениваем комплементарно. И чем дальше мы отходим от этой фигуры, тем больше она предстает целостной, очищенной от временных наслоений. Согласен с Дмитрием Ушаковым, который говорил о двух взаимосвязанных линиях рассмотрения — *социальной и научной*.

Если говорить о первой линии, то я бы повторил, что Алексей Николаевич сделал, казалось бы, невозможное — в номенклатурное и жесткое советское время он создавал на нашем факультете достаточно свободную университетскую атмосферу. Несмотря на физическую subtilность (не телосложение, а, скорее, теловычитание)

у Леонтьева была «широкая спина», за которой мы могли заниматься весьма разнообразной тематикой.

Недаром было сказано и слово «обольщение». Иначе трудно понять, как он, с его выразительно интеллигентными манерами, лицом, речью, утрированными жестами мог улаживать хитрые бюрократические дела, ходить в ЦК КПСС, добиваться своего у чиновников, умело переигрывать их. Как заметил однажды Дмитрий Леонтьев, — грань между номенклатурными интересами и интересами науки проходила по самому Леонтьеву или, как говорил Артур Владимирович Петровский, «он все время чувствовал, что за ним — пограничная полоса, что за ним — психология, которую надо защищать» (цит. по: Соколова, 2003, с. 26). Оставаясь душой на стороне науки, он безошибочно чувствовал, когда и в чем необходимо уступить сейчас партийно-чиновничьему миру. Делал он это внешне изящно, легко, как человек, настолько владеющий приемами игры, что способен был даже получать удовольствие от ее процесса. Этакое построение интриги в духе Дюма. Недаром Галина Михайловна Андреева сказала как-то, что «ему очень шел французский язык» (Леонтьев хорошо знал французский и любил Францию).

Теперь немного о научной стороне. Действительно, хорошо помню, что на последних заседаниях кафедры в разговорах с сотрудниками Алексей Николаевич говорил о том, что хотел бы успеть написать книгу, где разъяснит действительную суть того, что он хотел сказать в своих научных работах, дать объяснение их общего сквозного смысла — того, что за ними стоит.

К сожалению, этого Алексей Николаевич не исполнил. И вполне понятно почему: множество неотложных дел факультета, создание Института психологии в системе Академии наук, поддержание международных связей, проведение съездов, конгрессов и прочее¹.

Кроме того, не будем забывать, что развитие психологии в советский (в данном случае Леонтьевский) период — это бег если не в кандалах, то в мешках — скованный и ограниченный. Как говорил

¹ Откладывание на потом оформления метафизического и смыслового итогов касается большинства ушедших от нас гигантов, начиная с Л.С. Выготского, не говоря уже о череде их современных последователей. Замечательным исключением является вышедшее недавно собрание сочинений Виктора Михайловича Аллахвердова (Аллахвердов, 2021), в котором последний, седьмой том, целиком посвящен смысловой рефлексии своей научной жизни, исполненной в свободной и вальжной форме, с отступлениями в философию, культурологию, историю. Да послужит этот опыт благим примером для остальных собратьев по психологическому цеху.

Петер Тульвисте в своих воспоминаниях о Леонтьеве, — «его способ жизни был парадоксален: с одной стороны, это человек, который мыслил настолько свободно, насколько вообще может быть, а с другой стороны, в жестких рамках, которые были поставлены и насколько я знаю, он из этих рамок не выходил (это идеологические рамки того времени)» (Тульвисте, 2003, с. 178). В.П. Зинченко как-то специально сравнивал тексты, написанные Леонтьевым в одно и то же время для себя и для печати: «Это два разных человека. Один официальный, другой — думающий и свободный» (Зинченко, 2003, с. 177).

Беру на себя смелость сказать, что едва ли не центральной темой для Леонтьева всегда была психология личности. Но она, как известно, требует свободных нравственных размышлений, не терпящих идеологических кандалов. В письме к Л.С. Выготскому в 1932 г. он писал о личности как субъекте развития, предлагал ставить вопрос об исследовании «псих[ологической] культуры личности (свободы!) и отсюда этические проблемы» (Леонтьев А.Н., 2003, с. 134, сохранены выделения автора).

«Но, — комментирует это место письма Алексей Алексеевич Леонтьев, — эти проблемы вскоре вошли в нашей стране в черный список. И только в записных книжках и в отдельных фразах, прорвавшихся в публикации самых последних лет жизни, мы встречаем волнующую Леонтьева проблему личности не как объекта формирующих воздействий, но как активного, свободного и ответственного субъекта собственного развития» (Леонтьев А.А., 2003, с. 33–34).

Приведу в заключение одну из таких «прорвавшихся в публикации фраз». Это дневниковая запись от 8 августа 1974 года, публикуемая в этом выпуске журнала¹: «Психология личности есть психология **драматическая**. Подпочва и центр этой драмы — борьба *жизни* личности против своего духовного разрушения. Эта борьба исторически не уничтожается. Суть в том, что существуют эпохи ее заострения. Сейчас мы вступаем (вступили?) в такую эпоху».

Слова, согласитесь, написанные словно сегодня. Дело за малым — за конкретным осуществлением того направления психологии личности, для которого духовное возрождение и спасение, равно как борьба против духовного разрушения и гибели станет центральной, смыслообразующей, теоретической и практико-ориентированной задачей.

¹ «Самозавещание» (А.Н. Леонтьев).

А.Г. Асмолов:

Борис Братусь блестяще сказал об очень многих вещах. О том, что А.Н. Леонтьев подарил многим из нас не просто идеи, а пользуясь термином Александра Владимировича Запорожца, — внутреннюю моторику, которая передавала наш смысл в наших движениях, те ценностные установки, которые делают нашу личность.

Е.В. Битюцкая:

Обсуждаемая в наших диалогах тема *научной и социальной линий* для меня тоже важна. Хотя у меня нет личных воспоминаний, но есть личностные смыслы: я знакома с Алексеем Николаевичем через «рукопожатия» кафедры общей психологии МГУ, к слову, — крупного детища и «следа» Алексея Николаевича. Для меня он незримо присутствует рядом каждый раз, когда на кафедре проводится научное обсуждение. При этом тема «*Для каждого — свой Леонтьев*», о которой говорил Александр Григорьевич, явно звучит. Почему это так? Вероятно, потому что общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева — это теория верхнего, фундаментального уровня, которая дает возможность строить на ее платформе теории, предполагающие проверку гипотез эмпирическим путем (Корнилова, 2023). В результате каждый, кто разрабатывает верифицируемую теорию на основе теории верхнего уровня, предлагает свои осмысления в контексте изучаемого предмета.

Ярким примером является «*образ мира*» — одна из самых поздних концепций А.Н. Леонтьева, в рамках которой ставится проблема восприятия объективного мира (Леонтьев, 1979). Это понимание развивается в серии работ учеников и последователей А.Н. Леонтьева, которая активно пополняется до сих пор. Перечислю лишь некоторые имена: оригинальное развитие идей образа мира в разное время представили С.Д. Смирнов, В.П. Зинченко, Г.М. Андреева, Е.Ю. Артемьева, А.Г. Асмолов, В.В. Петухов, Ф.Е. Василюк, А.Н. Поддьяков...

Отмечу, что А.Н. Леонтьев подчеркивал значимость развития «*жизненной психологии*», и «*образ мира*» эвристичен для современной психологии жизненных ситуаций, потому что дает возможности:

1) изучать личность в живом взаимодействии с ситуацией и тем самым решить проблему дихотомии диспозиционных и ситуационных детерминант поведения, поскольку образ мира и есть та основа, которая объединяет эти факторы;

2) разработать «интегральное описание ситуации» (оборот Н.В. Гришиной¹), большая потребность в котором имеется в современной психологии;

3) учесть «культурный контекст и особенности активности субъекта познания при построении его представления о реальности» (Дорохов, Гусев, 2019, с. 55);

4) рассмотреть изменения образа или динамику, которая может пониматься как «встречное движение» субъекта навстречу стимулам (Смирнов, 1985), как «живое движение» и внутренняя картина действий (Зинченко, 1991), как изменения в образе мира в результате социальных изменений (Андреева, 2013).

Если мы говорим о целостном, системном анализе взаимодействия «человек—ситуация», то что является системообразующим фактором? Поиск ответа на этот вопрос позволяет увидеть оригинальность и дальновидность подхода А.Н. Леонтьева. Например, при изучении стрессовых ситуаций в мировой психологии зачастую акцент делается на копинг-стратегиях как непосредственных поведенческих и когнитивных ответах/реакциях на стрессовый стимул. При этом копинг-поведение рассматривается как центральный фактор психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и т.п. Но если описать взаимодействие человека и трудной ситуации в опоре на концепцию образа мира, то мы получаем многоуровневую структуру, содержащую: а) систему представлений человека о мире и себе в мире (которую можно сравнить со своеобразной призмой, сквозь которую человек смотрит на жизненные ситуации), б) опосредствованные культурой модели преодоления трудных ситуаций («присвоенные» и имеющиеся в опыте), в) компоненты актуального образа (включая чувственные образы, значения и личностные смыслы относительно ситуации). Также становится возможным описание динамики образа и тех компонентов, которые остаются относительно стабильными. При таком ракурсе представления о копинг-стратегиях встроены в *целостный образ* ситуации, само же совладание с трудностью оказывается следствием функционирования этого образа. Прогностическое значение имеет «поведение» системы, а не копинг-стратегии сами по себе. А системообразующим фактором являются личностные смыслы и связанные с ними цели человека.

¹ Н.В. Гришина отмечает: «Ситуация как регулятор активности человека скорее требует целостных, интегральных описаний. Человек реагирует на возникающий у него целостный образ ситуации, который становится основой ее понимания и, соответственно, определяет поведение человека» (Гришина, 2022, с. 180–181).

Наши опросы на больших выборках показывают, что люди, описывая содержание воспринимаемой трудной ситуации, говорят не столько о событийном контексте и внешних условиях, сколько о внутренних переживаниях. Многие из этих описаний можно отнести к «задачам на смысл» (А.Н. Леонтьев) и «поиску смысла» (В. Франкл), переживанию «невозможности реализовать внутренние необходимости» (Ф.Е. Василюк).

Образ мира как система, определяющая оптику субъективного восприятия ситуации, позволяет сместить исследовательские акценты с «совладающего поведения» на изучение того, что опосредствует взаимодействие личности и ситуации — образ ситуации в сознании человека. Отчасти в этом состоит целостность подхода и прогрессивность «образа мира» А.Н. Леонтьева.

А.Г. Асмолов:

Весьма значим ход, связывающий деятельностный подход со стратегиями совладания и жизненными ситуациями. Встает вопрос о связи подобных стратегий с образом мира. И это, на мой взгляд, весьма оригинальная перспектива исследования. Будущее покажет.

Я буду благодарен, если вдруг у Дмитрия Леонтьева родилась возможность лаконичной рефлексии.

Д.А. Леонтьев:

Все сказанное было о разном. Я попробую замкнуть тем, с чего начинали, а именно: вернуться к смыслу, к тому, что нет деятельностного подхода как такового, а есть что-то другое, есть поиск ответов на вопросы. *У каждого времени — свои вопросы.* Соответственно, в каждое время смысл этих поисков тоже меняется, потому что *меняются контексты.* В те времена, когда эта теория строилась, она имела один смысл. Сегодня она имеет другой смысл, потому что контекст сегодня другой, чем 50 лет назад, когда эта теория создавалась и развивалась. Тогда она отвечала на одни вопросы, сейчас она отвечает уже на другие вопросы. Вопросы изменились, мир изменился. Тексты остались теми же, а контексты изменились. Личностный смысл определяется, как известно, контекстом.

Какой правильный ответ на вопрос о «задаче на смысл» в теории Алексея Николаевича и в контексте его идей? Говорим ли мы про тот смысл, который она имела тогда, когда она создавалась или сегодня, когда мы это читаем и обсуждаем? И тот и другой смыслы — реальны. И тот и другой смыслы — существуют.

Если мы претендуем на обоснование того, что этот подход и сегодня актуален, нам надо говорить про его смысл в контексте сегодняшних вопросов, сегодняшних контекстов. Что означает «в современном мире»? Мир очень сильно изменился, это уже не мир больших теорий, не мир глобальных споров.

Я писал в свое время про *закрытый перелом*, который отделяет современную психологию от несвоевременной (Леонтьев Д.А., 2018). Я нигде в литературе не встречал описания этого явления — того, что примерно в начале 1970-х годов все в психологии радикально изменилось. И в частности, главное изменение, которое произошло тогда, — это то, что раньше психология структурировалась по школам, был период феодальной раздробленности. Каждая научная школа была самодостаточна: в ней был свой язык, своя иерархия, своя система социализации. Начиная с 1970-х годов происходит размывание границ между школами и выход на единые общие критерии, единую общую систему, единые общие иерархии, единые общие оценки, единый общий язык. По сути дела, любые концепты и понятия мы можем отличить: относятся ли они к допереломному периоду или послепереломному периоду. В допереломный период любое понятие «работает» и имеет конкретный смысл только в рамках школы. В послепереломном периоде оно важно, нужно всем исследователям, независимо от того, где и с кем они работают. И если я хочу, чтобы то, что я сделал, было важно и имело смысл сейчас и сегодня, я должен стараться, чтобы оно имело смысл не только для тех, с кем я работаю и с кем мы априори друг друга хорошо понимаем изначально, а для всех. Сейчас так устроена наука, после 1970-х годов. Это и есть то, что называется «современная психология». Поэтому, рассказывая за рубежом про идеи Алексея Николаевича, про теорию деятельности, я пытаюсь найти то, что это дает для современного сегодняшнего мира. Единственный вариант, в котором теория деятельности оказывается совершенно несъедобна — это в собственном соку.

Обнаруживаются удивительно интересные переключки с теорией потока М. Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2011) — единственной теорией счастья, которая рассматривает *счастье как порождение деятельности*. Переключки с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, которая сейчас является «общим местом» в мировой психологии — я уже писал про параллели между континуумом внутренней—внешней мотивации в теории самодетерминации и идеей личностного смысла у А.Н. Леонтьева (Леонтьев Д.А., 2016а).

Говоря о роли этих идей сегодня, мы должны прийти к сегодняшнему контексту и должны по сути дела пересоздать, переописать заново деятельностный подход, перенести его из того контекста, в котором он создавался, в контекст сегодняшнего дня. И тогда мы будем поняты и сами поймем то, что сейчас делается, через призму этого подхода. То есть должны быть ответы на те вопросы, которые поставлены не нами, поставлены позже, ставятся сейчас. Алексей Николаевич *предвосхищает те вопросы, которые ставятся сегодня*. И в этом значение подхода. В частности, этот подход составляет важную часть *функциональной парадигмы* последних десятилетий — системы взглядов, исходящих из первичности взаимодействия с миром и непрерывности изменений, в противоположность аристотелевской парадигме, ставящей во главу угла неизменные сущности вещей (Леонтьев Д.А., 2016б). А.Н. Леонтьев отвечал на вопросы свои, но эти идеи отвечают и на вопросы другие, на вопросы сегодняшние. Это то, что мне кажется самым главным.

А.Г. Асмолов:

Друзья, было бы сейчас наивно, если бы я сказал: «а теперь подытожим». При обсуждении Алексея Николаевича Леонтьева сама характеристика «подытожим» бессмысленна. В связи с этим и к нашим обсуждениям, и к предлагаемому Вестнику полностью относится замечательная фраза польского мыслителя и мастера афоризмов Ежи Леца: «Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым». И то, что мы обсуждаем, доказывает: Леонтьев был беспредельно земным мастером понимания мира. И его уникальность — в его незавершенности, как сейчас было сказано всеми нами. Его уникальность — в том, что он был мастер искусства понимания сложности мира.

Сегодня хотелось бы сделать шаг к тому, чтобы хоть в какой-то степени уменьшились барьеры между разными научными школами и приостановился драматичный процесс превращения исследователей в «пограничников», оберегающих вотчины своих школ. Опасно, когда научные школы вырождаются в секты и, как точно заметил Дмитрий Леонтьев, начинают «вариться в собственном соку».

А.Н. Леонтьев, будучи мудрым политиком, играл с «системой» и отстаивал свободную психологию в мире несвободы. Он владел эзоповым языком и умел вести диалоги с «административными людьми системы» из мира несвободы. Именно поэтому важно вспомнить, как

благодаря поступкам Леонтьева в истории нашей науки сохранялись школы, имеющие иные позиции. Приведу лишь несколько примеров.

Первое событие. Начало 1950-х годов: попытка уничтожения школы психологии установки Дмитрия Николаевича Узнадзе. Обращение государевых людей к Леонтьеву с предложением дать идеологическую критику школы Узнадзе. В ответ на это предложение Леонтьев делает все, чтобы школа Узнадзе продолжила существование. Он не выполняет прямого указания Жданова о том, что должен быть произведен разгром школы психологии установки. После этого, как рассказывала мне Маргарита Петровна (жена А.Н. Леонтьева), он собрал вещи, сидел и ждал, чтобы быть готовым, когда за ним придут.

Второе событие. Леонтьев, когда создавался факультет психологии, сделал все, чтобы появились два факультета, вместе, одновременно, в один день. Леонтьев и Лурия, беседа с Ананьевым и Мясищевым, сделали все, чтобы появился факультет психологии Ленинградского университета.

Третье событие. В нашей психологии часто говорят об оппозиции между школой Сергея Леонидовича Рубинштейна и Алексея Николаевича Леонтьева. Между ними не раз были дискуссии. Леонтьев не был святым. Я еще раз подчеркиваю, что в истории этих дискуссий было разное. Но только что Екатерина Битюцкая говорила о трудных жизненных ситуациях как ситуациях невозможности, развивая идеи Федора Ефимовича Василюка. Я приведу лишь одну из таких ситуаций, которая произошла за неделю-две до 21 января 1979 г. (его ухода из жизни), когда я был в больнице у Алексея Николаевича.

Когда он очнулся после некоторого забытья, он поглядел на меня и сказал: «Понимаете (он всегда говорил на Вы, обращаю на это внимание) как сейчас важно осознать, что произойдет с факультетом психологии. Для этого мне бы очень важно было поговорить с тем, кто это четко понимал: ради чего появляется психология. Мне бы очень хотелось переговорить и услышать ответы на эти вопросы от Сергея Леонидовича Рубинштейна». Эти слова были произнесены буквально за 8–10 дней до его ухода из жизни.

Нам важно сохранить неканоничность и незавершенность идей Алексея Николаевича Леонтьева. Подготовленный Вестник порождает (повторяю слова Дмитрия Ушакова) *поле смыслов* и оставляет всех — в год 120-летия Алексея Николаевича Леонтьева — в ситуации феномена Зейгарник, в ситуации «эффекта прерванного действия» деятельностного подхода.

Литература

- Аллахвердов В.М. Собрание сочинений: в 7 т. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Гришина Н.В. Самоизменения: ситуационные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 2. С. 172–185. doi: 10.21638/spbu16.2022.206
- Дорохов Е.А., Гусев А.Н. О возможности изучения ментальных моделей пользователей компьютера: от когнитивных карт к образу мира // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2019. № 3. С. 47–65. doi: 10.11621/vsp.2019.03.47
- Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 162–179.
- Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2023.
- Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. М.: МГУ им. Ломоносова, 2003.
- Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности. Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Н. Соколовой. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев Д.А. «Закрытый перелом» 1970-х как веха в истории научной психологии. История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей / Под ред. И.Т. Касавина, Т.Г. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко: в 6 т. Т. 3. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2018.
- Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016а. № 2. С. 3–18.
- Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016б. № 3. С. 3–15.
- Смирнов С.Г. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Издательство Московского университета, 1985.
- Соколова Е.Е. А.Н. Леонтьев и его время глазами очевидцев // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 22–29.
- Тувльвисте П. Удовольствие от интеллекта // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 175–180.
- Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина Нон-Фикшн, 2011.

References

- Allakhverdov, V.M. (2021). Collected works in seven volumes. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Andreeva, G.M. (2013). An image of the world or the real world? *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3, 33–43. (In Russ.).
- Grishina, N.V. (2022). Self-changes: situational determinants. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 12 (2), 172–185. doi: 10.21638/spbu16.2022.206 (In Russ.).
- Dorokhov, E.A., Gusev, A.N. (2019). On the possibility of studying computer users's mental models: from cognitive maps to the "image of the world". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 47–65. (In Russ.).
- Zinchenko, V.P. (2003). Yes, a very controversial figure. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 162–179. (In Russ.).
- Zinchenko, V.P. (1991). Worlds of consciousness and the structure of consciousness. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 2, 15–36. (In Russ.).
- Kornilova, T.V. (2023). Experimental psychology (1st part). M: Yurait. (In Russ.).
- Leontiev, A.A. (2003). The life and creative path of A.N. Leontiev. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (1979). Psychology of the image. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 3–13. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (2003). Formation of psychology of activity. Early works. In A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.N. Sokolova (Eds.). M.: Smysl. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2018). The "Closed fracture" of 1970s as a milestone in the history of scientific psychology. In I.T. Kasavin, T.D. Sokolova, V.A. Lectorsky, E.O. Trufanova, V.A. Mazilov, V.F. Petrenko (Eds.), *History and philosophy of science in the era of change*, 3 (pp. 56–59). M.: Izd-vo "Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk". (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2016a). A.N. Leontiev's concept of motive and the issue of the quality of motivation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 3–18. (In Russ.).
- Leontiev, D.A. (2016b). Existentialist approach in the contemporary psychology of personality. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3, 3–15. (In Russ.).
- Smirnov, S.D. (1985). Psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Sokolova, E.E. (2003). A.N. Leontiev and his time through the eyes of eyewitnesses. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 24 (1), 22–29. (In Russ.).
- Tulviste, P. (2003). Pleasure from intelligence. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of a Practical Psychologist)*, 1–2, 175–180. (In Russ.).
- Csikszentmihalyi, M. (2011). *Flow: The Psychology of Optimal Experience*. M.: Smysl; Alpina Non-Fiction. (In Russ.).

Поступила: 30.01.2023

Получена после доработки: 12.02.2023

Принята в печать: 07.03.2023

Received: 30.01.2023

Revised: 12.02.2023

Accepted: 07.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Григорьевич Асмолов — академик РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, agas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

Екатерина Владиславовна Битюцкая — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, bityutskaya_ew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>

Борис Сергеевич Братусь — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; декан факультета психологии Российского православного университета святого Иоанна Богослова, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9890-2667>

Дмитрий Алексеевич Леонтьев — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, dmleont@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Дмитрий Викторович Ушаков — академик РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; директор Института психологии Российской академии наук, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9716-1545>

ABOUT THE AUTHORS

Alexander G. Asmolov — Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, agas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

Ekaterina V. Bityutskaya — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, bityutskaya_ew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>

Boris S. Bratus — Correspondent member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Dean of the Faculty of Psychology, St. John Russian Orthodox University, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9890-2667>

Asmolov, A.G., Bityutskaya, E.V., Bratus, B.S., Leontiev, D.A., Ushakov, D.V.
Dialogues on/in the field of meanings: to the 120th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev
Lomonosov Psychology Journal. 2023. Vol. 46, No. 2

Dmitry A. Leontiev — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, dmleont@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Dmitry V. Ushakov — Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, kop-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9716-1545>

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

УДК 159.9

Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева

А.Н. Ждан¹, Е.Е. Соколова^{✉1}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ ees-msu@mail.ru

Резюме

Актуальность. В статье представлены важнейшие события творческой биографии А.Н. Леонтьева (1903–1979), проанализированы некоторые моменты созданной им психологической теории деятельности. Актуальность обращения к наследию А.Н. Леонтьева и его школы определяется реализованной в нем методологии психологических исследований, альтернативной господствующим в современной мировой науке подходам к изучению сознания.

Целями работы были выделение тех моментов психологической теории деятельности, которые нашли свою успешную реализацию в «высокоорганизованной практике», и обсуждение ряда дискуссионных вопросов культурно-деятельностной психологии.

Источниками исследования, историко-психологического по жанру и методам, выступили не только известные работы А.Н. Леонтьева, его соратников и оппонентов, но и некоторые архивные материалы, в том числе те, которые ранее не были введены в научный оборот.

Результаты. Предложено новое решение проблемы соотношения Слова и Дела, ставшей в свое время предметом дискуссий Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева и обсуждаемой до сих пор в современной литературе.

Утверждается, что учение А.Н. Леонтьева о формах связи значений и смыслов в структуре сознания вошло составной частью в методологические основы «педагогики свободы», ориентированной на формирование культуры мышления обучающихся и их личностное развитие; приведены примеры реализации подобной педагогики в обучении студентов на факультете психологии МГУ. На основе изучения личных писем из семейного архива представлены некоторые новые подробности административно-организационной деятельности А.Н. Леонтьева во время Великой Отечественной войны.

Выводы. В качестве ближайших задач историко-психологического изучения творческого наследия А.Н. Леонтьева следует назвать: 1) анализ эмпириче-

ских исследований его школы в 1940-е и последующие годы; 2) системное изучение вклада данной школы в практическую психологию; 3) создание полной и подробной хронологии жизни и творчества А.Н. Леонтьева; 4) написание учебно-методических пособий для обучающихся психологии с разъяснением сложных положений теории деятельности А.Н. Леонтьева и противоречий в ней, а также с научными комментариями к его работам с учетом социокультурного контекста их создания.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, Харьковская школа, деятельность, сознание, значение, смысл, факультет психологии МГУ.

Для цитирования: Ждан А.Н., Соколова Е.Е. Дело, Мысль и Слово Алексея Николаевича Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 23–45. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

LIFE AND ACTIVITY

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

Deed, Thought, and Word of Alexey Nikolaevich Leontiev

Antonina N. Zhdan¹, Elena E. Sokolova^{✉1}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

[✉]ees-msu@mail.ru

Abstract

Background. The article presents the most important events in the scientific biography of A.N. Leontiev (1903–1979). Some aspects of his psychological theory of activity are being analyzed. The relevance of addressing the heritage of A.N. Leontiev and his scientific school is determined by the implemented methodology of psychological research, which is an alternative to the approaches to the study of consciousness that dominate in modern world science.

Objectives of the paper were to highlight those aspects of psychological theory of activity that were successfully implemented in “highly organized practice” as well as to discuss some controversial issues of cultural-activity psychology.

Method. Well-known works of Leontiev, his colleagues, and opponents served as sources for the study, historical and psychological in genre and methodology. Some archive materials, including those that have not been previously introduced to scientific community were used as well.

Results. A new solution to the problem of the relation between Word and Deed, which was debated by L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev and is still being debated in the modern literature, is proposed. It is stated that Leontiev's doctrine on the forms of connection between meanings and senses in the structure of consciousness was included in the methodological foundations of "pedagogy of freedom", seeking to develop a culture of thinking and personal growth in students. The examples of the realization of this pedagogy in teaching students at the Faculty of Psychology of Moscow State University are presented. Studying personal letters from the family archives provided some new details about Leontiev's administrative and organizational activities during the Great Patriotic War.

Conclusion. The immediate tasks of the historical and psychological study of Leontiev's contribution are to: 1) analyze the empirical research of his school in the 1940s and the following years; 2) study systematically the contribution of this school to practical psychology; 3) create a complete and detailed chronology of A.N. Leontiev's life and work; 4) develop teaching aids for psychology students with the explanation of the complex issues and contradictions in A.N. Leontiev's activity theory as well as with scientific comments on his works, within the socio-cultural context of their creation.

Keywords: A.N. Leontiev, L.S. Vygotsky, Kharkov School, activity, consciousness, meaning, sense, Faculty of Psychology, Moscow State University.

For citation: Zhdan, A.N., Sokolova, E.E. (2023). Deed, Thought, and Word of Alexey Nikolaevich Leontiev. *Lomonosov Psychology Journal*, 46(2), 23–45. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-14>

Точка зрения психологии есть точка зрения жизни,
и психология не смеет ее покидать.

А.Н. Леонтьев

Введение

Очередной — уже 120-летний — юбилей Алексея Николаевича Леонтьева дает прекрасный повод вновь обратиться к некоторым составляющим его научного наследия, значимым для современной психологии, а также коснуться моментов жизненного пути классика отечественной психологии в сложных социокультурных условиях советского времени. Из всех возможных линий анализа созданной им и его школой общепсихологической теории деятельности, которые могут представлять интерес не только для профессионалов, но и для новичков в психологии, мы выбрали линию, связанную с весьма

распространенной критикой данной теории за ее «абстрактность» и отсутствие применимости к решению практических задач.

Между тем теория деятельности школы А.Н. Леонтьева (равно как и культурно-деятельностная психология в целом) изначально создавалась в процессе размышления над путями решения жизненно важных проблем. Более того, многие развиваемые данной школой теоретические положения нашли свою реализацию в жизни ее участников. Именно поэтому мы представим неизбежные в «юбилейных» статьях подробности биографии Алексея Николаевича Леонтьева в тесной связи с создававшейся им и его единомышленниками системой идей. Источниками настоящего исследования выступили не только известные работы ученого, его соратников и оппонентов, но и некоторые архивные материалы, в том числе те, которые ранее не были введены в научный оборот.

Начало: Дело или Слово?

В свое время единомышленник А.Н. Леонтьева философ Э.В. Ильенков, интерпретируя наследие Б. Спинозы в духе «деятельностного» (а не созерцательного, как было принято считать в советское время) материализма, подчеркнул, что к выводу о деятельностной природе познания мог прийти только человек труда, каковым был Б. Спиноза, «знавший цену и своего и чужого труда, работы умных человеческих рук» (Ильенков, 1991, с. 105). Аналогичное можно сказать и об Алексее Николаевиче Леонтьеве. Общепсихологическая теория деятельности, справедливо связываемая с его именем, была создана человеком, которому с детства была знакома работа «умных человеческих рук».

Родившись 5(18) февраля 1903 года в интеллигентной московской семье, мальчик с ранних лет обнаружил интерес к технике, который получил свое развитие в реальном училище. «Мои родители думали, — писал много позже в своей незаконченной автобиографии Алексей Николаевич, — что я стану инженером» (цит. по: Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 16). Особенно его привлекало конструирование аэропланов, причем он строил свои модели самостоятельно, поскольку в реальном училище никаких кружков по авиамоделированию не было. Впоследствии это увлечение определенным образом скажется на особенностях проводимых им исследований еще в ранний период становления деятельностного подхода в психологии: так, в 1930-е гг. А.Н. Леонтьев вместе со своими коллегами проводит психологические исследования детских интересов и возможностей их

формирования, в частности, на материале конструирования детьми авиамodelей во Дворце пионеров и октябрят г. Харькова и в Парке культуры и отдыха им. М. Горького в Москве.

Практически во всех работах А.Н. Леонтьева — начиная с самых первых его научных исследований — отчетливо проглядывает еще одна важнейшая интенция ученого: он всегда стремился не просто «связать психологию с жизнью», а с самого начала изучать психологию человека в реальных условиях его деятельности, выступающей, по известному выражению А.Н. Леонтьева, «единицей жизни». Этот интерес к жизненной психологии возник у него еще в юности: Первая мировая война, затем революционные события и гражданская война привели, как говорил сам ученый, к тому, что «технические интересы как-то сами собой исчезли и возникли проблемы философские» (цит. по: Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 16), которые и побудили А.Н. Леонтьева в начале 1920-х годов поступить на факультет общественных наук (ФОН) Московского университета.

В 1920-е годы из всех наиболее «жизненных» проблем психологии А.Н. Леонтьева привлекали прежде всего аффекты, о чем свидетельствуют, в частности, сохранившиеся в его семейном архиве три текста, посвященные данной тематике, датируемые 1923 и 1925 годами (Психологическая теория деятельности..., 2006, с. 352). Первый текст представляет собой нечто вроде курсовой работы, написанной А.Н. Леонтьевым под руководством Г.И. Челпанова еще в период обучения на факультете общественных наук, и посвящен реферативному изложению системы идей У. Джеймса, включая его теорию эмоций. В двух других текстах (1925-го года), созданных А.Н. Леонтьевым уже в период сотрудничества с Л.С. Выготским, представлены изложение и анализ учения об аффектах в трудах Б. Спинозы, любимого философа «Моцарта психологии». В этот же период молодой ученый принимает активное участие в исследованиях «аффективных реакций», которые проводит его друг А.Р. Лурия. Тогда-то и обнаружилось, что «умные человеческие руки» позволили А.Н. Леонтьеву самостоятельно создавать различные экспериментальные установки, о чем с некоторым удивлением и восхищением говорили впоследствии многие его соратники и ученики.

Во второй половине 1920-х гг. А.Н. Леонтьев, как известно, проводит экспериментальные исследования высших психических функций (на материале памяти и внимания) в соответствии с развиваемыми в этот период школой Л.С. Выготского положениями культурно-исторического подхода. Результаты этих исследований,

представленные главным образом в его книге «Развитие памяти» (Леонтьев, 1931), внесли существенный вклад в дальнейшее развитие этого подхода в плане смещения интереса от изучения знаков в их инструментальной функции к значению как «внутренней стороне» знака и к развитию значений в онтогенезе. Однако уже в начале 1930-х гг. А.Н. Леонтьев вступает в серьезную полемику со своим учителем, став лидером Харьковской школы, в которой разрабатывалась новая (альтернативная, как тогда казалось, программам Л.С. Выготского) научная программа: «практическая деятельность и сознание». Нам представляется, что одним из оснований такого поворота был неизбывный интерес А.Н. Леонтьева к Делу, практике в целом, о чем он сам говорил в своей устной биографии (Психологическая теория деятельности..., 2006, с. 375).

Дискуссии между А.Н. Леонтьевым и Л.С. Выготским касались прежде всего отношений Дела и Слова. Несмотря на то, что разные аспекты этих дискуссий хорошо представлены в литературе, остановимся на некоторых их моментах в контексте решения поставленной в культурно-деятельностной психологии «сверхзадачи» — сделать психологию жизненной. В завершении своего труда «Мышление и речь» Л.С. Выготский писал (как бы отвечая на упреки критиков в «словоцентризме» его системы): «Слово было не вначале. Вначале было дело. Слово образует скорее конец, чем начало развития. Слово есть конец, который венчает дело» (Выготский, 1982, с. 360). В «Материалах о сознании» (рукописи, датируемой 1940–1941 гг.) А.Н. Леонтьев, видимо, излагая ту же мысль Л.С. Выготского, отмечал: «В начале было дело (затем стало слово и в этом все дело!)» (Леонтьев, 1994, с. 40). Много лет спустя А.Н. Леонтьев, по воспоминаниям Б.С. Братуся, начинал доверительный разговор на данную тему с воспроизведения известной фразы из «Фауста» Гете: «Вначале было дело». Затем, после паузы, говорил тоном выше и веселее: «Но дело было и потом». Выдержав еще одну паузу, с лукавой улыбкой делал вывод: «И в этом-то все и дело!» (Братусь, 2013). Именно разное решение проблемы соотношения Слова и Дела, по мнению Б.С. Братуся (равно как и других многочисленных критиков А.Н. Леонтьева), и развело двух ученых в начале 1930-х гг.

Между тем исследования, проводимые в возглавляемой А.Н. Леонтьевым Харьковской школе, показали, что научные программы двух разных коллективов ученых — новообразованной школы и «московской группы» Л.С. Выготского — были не альтернативны, а до-

полнительны: это было движение «с разных сторон» в рамках одного направления (Интервью..., 2013).

В начале, действительно, было Дело в самом прямом значении этого слова. В частности, в исследованиях В.И. Аснина и А.Н. Леонтьева было показано, что развитие у детей «практических обобщений» на ранних стадиях онтогенеза предвосхищает развитие речевого дискурсивного мышления, а овладение орудием означает присвоение индивидом общественно выработанного способа его употребления, то есть системы соответствующих операций. А.В. Запорожцем и Г.Д. Луковым была убедительно доказана роль практической деятельности самого ребенка в развитии его рассуждений о свойствах вещей. На материале усвоения школьниками закона Архимеда П.И. Зинченко экспериментально опроверг точку зрения Л.С. Выготского на различие путей формирования житейских и научных понятий, показав, что для формирования последних также необходима организация соответствующей практической деятельности субъекта. В исследованиях Г.Д. Луковым детских игр с «переименованием» была доказана гипотеза о том, что осознание слова определяется развитием его употребления в деятельности (Соколова, 2023, с. 100–112, 132–137).

Однако то, что затем «стало Слово — и в этом все дело», не менее убедительно доказано в других исследованиях харьковчан. Так, например, А.В. Запорожцем было показано, что, хотя первичное обобщение происходит в предметно-практическом действии и посредством него и лишь затем носителем — «причалом» — значения становится предметно отнесенное слово, для превращения практического действия в умственное действие, осуществляемое во внутреннем плане, совершенно необходимо дать внешне-речевое выражение вещам и понятиям (там же, с. 121–124). Впоследствии данные идеи найдут свое мощное развитие в теории и практике планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина: как известно, необходимыми этапами формирования действий во внутреннем плане являются этапы «громкой речи» и «внешней речи про себя».

В то же время оказывается верной и третья формула («но Дело было и потом»), ибо внутренняя форма деятельности, опосредствованная Словом, — это тоже деятельность, которая имеет особые свойства и направлена на решение иных задач, но тем не менее сохраняющая все характеристики деятельности вообще. Внутренняя деятельность, впоследствии говорил Д.Б. Эльконин в дискуссии

1969 года, «*есть тоже деятельность. Она осуществляет такие же задачи, она так же построена, как внешняя, физическая трудовая деятельность*» (Дискуссия..., 2004, с. 338), и имеет аналогичные «составляющие» — ориентировочную (собственно психическую) и исполнительную.

Как нам представляется, сохраняющееся у некоторых психологов убеждение в противостоянии друг другу «словоцентристской» и «деятельностно ориентированной» психологии зиждется на весьма узком понимании самой деятельности, то есть на ее сведении лишь к внешне-практической форме. К примеру, Б.С. Братусь, утверждая в указанной ранее статье, что за Словом стоит «общение, аффект, знак», отказывает в этом Делу (деятельности); более того, он считает, что может быть «принципиальная возможность свободы и автономности от деятельностной бытийной обусловленности» (Братусь, 2013, с. 20). В таком случае деятельность неправомерно сводится к каким-то примитивным ее формам, не опосредствованным Словом и не несущим в себе «высших смыслов». В работах самого А.Н. Леонтьева и его соратников это совершенно не так: деятельностью следует называть, согласно А.Н. Леонтьеву, и решение нравственных задач, воплощающееся, в частности, в человеческих поступках.

Столь же диалектически разрешается в школе А.Н. Леонтьева и поставленная Л.С. Выготским проблема соотношения «аффекта» и «интеллекта». Соглашаясь с высказываниями своего учителя о том, что за сознанием лежит жизнь, А.Н. Леонтьев тем не менее не может принять понимание Л.С. Выготским сути этой «жизни» как «жизни аффектов» как таковых, ведь аффект, подчеркивает ученый в «Материалах о сознании», — не «*движущая сила*» (Леонтьев, 1994, с. 40). Этой силой, утверждает он в «Методологических тетрадах» (писавшихся в 1938–1942 гг.), выступает мотив как вещь, ставшая предметом моей деятельности (изначально практической), который в этой деятельности приобретает для меня смысл, «выступает для меня как смысл» (там же, с. 185).

Именно поэтому, по мнению А.Н. Леонтьева, для решения проблемы соотношения «аффекта» и «интеллекта» следует вернуться к изучению самой деятельности, особенностей ее различных типов, видов и форм, ее структурных уровней и смыслов как «следов» этой деятельности, и тогда психология может сомкнуться «с проблемами человеческой *этики*. Она становится наукой о жизни человека.

И в этом пафос нашего пути. Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле — омега психологии!» (там же, с. 210)¹.

Уже в харьковский период развития школы А.Н. Леонтьева были проведены исследования мотивов детей в реальных условиях их жизни (например, ранее упомянутые нами исследования детских интересов в парке имени М. Горького в Москве и во Дворце пионеров г. Харькова, которые были нацелены не только на диагностику уже имеющихся мотивов, но и на их формирование путем организации соответствующей деятельности детей). В 1930-е гг. были осуществлены также исследования Г.Д. Лукова, П.И. Зинченко, Т.О. Гиневской и др., в которых получило существенную разработку понятие смысла как субъектно-объектной реальности и как «следа» (результата) деятельности. Уже тогда для психологов школы А.Н. Леонтьева стало очевидным, что изучение отдельных психических процессов и движений ребенка вне контекста определенной, значимой для него деятельности является методологической ошибкой.

Подобные идеи нашли свое блестящее подтверждение во время Великой Отечественной войны на материале, говоря словами Л.С. Выготского, «высокоорганизованной» практики, а именно практики восстановления движений у раненых в госпитале поселка Коуровка. Конечно, в этот период А.Н. Леонтьев уже не мог с прежней интенсивностью заниматься теоретическими и экспериментальными исследованиями, зато раскрылись его организаторские таланты как человека Дела в сложных условиях военного времени.

Устроитель людей и дел

Несомненные организаторские способности А.Н. Леонтьева проявились уже в самом начале Великой Отечественной войны, когда коллектив сотрудников Психологического института, обнаружив 16 октября 1941 года отсутствие руководства (напомним, что этот день стал началом большой паники и массового бегства населения из прифронтовой Москвы), избрал его 20 октября того же года и.о. директора (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 83). После утверждения его на этом посту Наркомпросом А.Н. Леонтьев пошел к тогдашнему ректору университета Б.П. Орлову и добился от него, чтобы Психологический институт вернули университету. О данном

¹ В 1972 году, в интервью М.Г. Ярошевскому, А.Н. Леонтьев убежденно говорил, что Л.С. Выготский, если бы он прожил хотя бы еще десять лет, возвратился бы к «исходному движению», а именно к движению от дела к слову, от деятельности к переживанию (Интервью..., 2013, с. 15).

периоде своей жизни он впоследствии писал Н.Г. Морозовой: «теоретически я не работал, старался зато всю эксплуатировать свои организаторские таланты (в обычное время я ленился это делать)...» (Морозова, 1983, с. 261). Эти таланты особенно пригодились А.Н. Леонтьеву, когда он сделался, по его же словам, «эвакуатором»: организовал эвакуацию сотрудников МГУ и Института в Ашхабад, выехав из Москвы 11 декабря 1941 года с последней группой.

Узнав о неожиданном предписании перевести университет из Ашхабада в Свердловск, А.Н. Леонтьев с горечью признавался в письме Н.Г. Морозовой от 18 июня 1942 г.: «опять придется отложить науку неизвестно на сколько месяцев...» (там же, с. 263). 11 февраля 1943 года он писал в своем дневнике, что чувствует «усталость от ложного, внутренне мне не свойственного образа жизни. Я не могу и не должен выступать в роли администратора, организатора, устроителя людей и дел. <...> После войны хочется совсем перейти на внутреннюю, без административных функций, работу. Нужно сделать 2-ой том, м<ожет> б<ыть>, переделать немного и 1-ый том. Нужно сделать это дело жизни» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 362)¹.

В момент написания процитированного нами текста дневника А.Н. Леонтьев был также руководителем Восстановительной клиники, организованной 6 сентября 1942 года под Свердловском, в поселке Коуровка. Мечтая сбросить с себя, как пишет далее Леонтьев в своем дневнике, «это административное дело», он тем не менее заключает: «Но так нельзя. Нужно стряхнуть с себя это состояние. Я буду делать госпиталь и сделаю его, и вытяну воз Института» (там же).

Из личных писем, хранящихся в семейном архиве А.Н. Леонтьева, можно узнать, какую бурную деятельность (письменные запросы, официальные вызовы, телеграммы, звонки в соответствующие инстанции и пр.) А.Н. Леонтьев развивал в этот период, чтобы, например, заполучить к себе своих друзей и соратников — П.Я. Гальперина (из госпиталя в Тюмени) и А.В. Запорожца (из госпиталя в поселке

¹ Во второй половине 1930-х гг. А.Н. Леонтьев задумал и начал разрабатывать грандиозный проект создания общей теории развития психики, которая должна была быть изложена в трех томах в качестве докторской диссертации (степень «кандидата биологических наук» была присуждена А.Н. Леонтьеву без защиты диссертации Ученым Советом Всесоюзного института экспериментальной медицины в 1936 г.). По совету Б.М. Теплова он представил к защите первый том; сама защита диссертации А.Н. Леонтьева на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) состоялась в мае 1941 года, а написанные к этому времени материалы ко второму и третьему томам пропали в 1942 г. в Свердловске при ограблении склада, где они временно хранились.

Кисегач Челябинской области), поскольку руководители этих учреждений не хотели отпускать ценных сотрудников.

В письме от 12 ноября 1942 года П.Я. Гальперин, мечтая вновь «работать вместе», как в Харькове, и ожидая от А.Н. Леонтьева вызова, констатирует, что «начальство меня не отпустит добровольно — это настолько очевидно, что я и разговаривать с ним не буду», и просит А.Н. Леонтьева проделать «всю операцию <...> так и в таком темпе, чтобы оно, начальство мое, не успело принять контрмеры путем переговоров с Свердловском». К сожалению, телефонный звонок А.Н. Леонтьева вышестоящему руководству (о чем Гальперин сообщает в письме А.Н. Леонтьеву от 21 декабря 1942 года) раздался в тот момент, когда начальник госпиталя в Тюмени был на приеме у этого руководства и, как с горечью констатирует П.Я. Гальперин, «всё поломал». Петр Яковлевич пишет далее, что начальник госпиталя его «и страшал, и прельщал. Я твердо заявил ему, что оставаться здесь не хочу, что ему нет смысла меня удерживать, что хотя он и м.<ожет> это сделать, но работника во мне не получит, потому что я буду ждать только времени, когда моя неволя закончится и все равно уйду, что дело в объективном положении вещей <...>. Я же безоглядно хочу работать у тебя и с тобой и поэтому твоя открытка меня много обрадовала. Итак, сохрани пока за мной отведенное место в плане и в Коуровке (так?). <...> Весь твой П.Г.»

Аналогичные трудности возникли и с переводом А.В. Запорожца из госпиталя в Кисегаче в Коуровку. 19 октября 1942 года он писал А.Н. Леонтьеву, что, после определенной договоренности с А.Р. Лурией об отъезде, он [Лурия] «стал жалеть, что я уезжаю, и всячески уговаривать меня остаться. В конце концов мы все же с ним договорились, и он взял на себя уладить с начальством вопрос о моем отъезде. На другое утро он сказал мне, что все в порядке, но когда мы с ним пошли к начальнику, то все оказалось далеко не так, как ему представлялось <...>. Словом, он не хочет меня отпускать. <...> Напиши мне, как мне вести себя в этой ситуации». Письмо от 6 ноября 1942 года содержит ту же просьбу А.В. Запорожца о содействии: «Очень здорово было бы, если бы ты поднажал оттуда, это здесь бы помогло. <...> Очень уж хочется быть вместе».

Собрав замечательную команду (в нее входили, кроме уже упомянутых П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца, также Т.О. Гиневская, С.Я. Рубинштейн, Я.З. Неверович, А.Г. Комм, В.С. Мерлин и др.), А.Н. Леонтьев возглавил всю исследовательскую работу по психологическим и психофизиологическим механизмам восстановления

движений у бойцов с повреждениями верхних конечностей, которая позволила выработать новые эффективные формы терапии. Теоретической основой этой работы были не только идеи культурно-деятельностной психологии, но и положения физиологии активности Н.А. Бернштейна. Для коррекции и перестройки движений рук после ранений необходимо было включить их в специально организованную осмысленную для больного деятельность, мотивы, цели и задачи которой позитивно влияли на восстановительный эффект.

Подобная работа была продолжена затем в Москве, после возвращения сотрудников Психологического института, в созданной в 1944 году при кафедре психологии МГУ психофизиологической лаборатории, работавшей в сотрудничестве с ЦИТО. Результаты исследований и практической работы в этом направлении нашли свое отражение в монографии А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения» (1945).

Резэвакуация сотрудников МГУ из Свердловска в Москву была осуществлена столь же организованно, как и их эвакуация из Москвы в 1941 г. В письме от 12 июля 1943 года П.Я. Гальперин сообщал жене Леонтьева Маргарите Петровне: «У А.Н. страшно много адм.-хоз. дел по ликвидации имущества <...> и по резэвакуации остатков кадров Ун-та. И не меньше — по налаживанию работы лабораторий и мастерских Коуровки. Он очень устает и порой это остро чувствует. Правда, он необыкновенно быстро оправляется и снова начинает действовать».

Возвратившись в Москву, А.Н. Леонтьев продолжает — параллельно различным линиям своей научной и педагогической работы — выступать все в той же роли «устроителя людей и дел», став заведующим лабораторией (затем Отделом) детской психологии Психологического института, уже в сентябре 1943 года собирая «под свое крыло» всю пятерку учеников Л.С. Выготского: Л.И. Божович, Л.С. Славина, Н.Г. Морозова, А.В. Запорожец работают в Психологическом институте, Р.Е. Левина — в Институте дефектологии.

От подобной административно-организационной деятельности, осуществляемой А.Н. Леонтьевым ради сохранения психологической науки и людей этой науки, он так и не смог отказаться и после войны, что не могло не ограничивать его возможности в плане занятий теоретической и экспериментальной работой. Тем не менее именно в послевоенное время Леонтьев активно работает над оформлением системы идей психологии деятельности в своих печатных трудах. Уже в 1947 году выходит его книга «Очерк развития психики». Осенью

1948 года в Психологическом институте проходила долгая дискуссия по «Очерку», которая чрезвычайно интересна тем, что в устных докладах позиции выступающих были гораздо более четко эксплицированы, нежели допускалось в то время в печатных изданиях¹. Из всех линий полемики А.Н. Леонтьева со своими оппонентами, освещавшихся уже в той или иной степени в критической литературе, мы остановимся на одной, но весьма значимой для него линии, имеющей отношение к проблемам теории и практики обучения и воспитания школьников, то есть опять-таки к жизненной психологии.

От педагогики необходимости к педагогике свободы

В дискуссии по «Очерку развития психики» вопрос соотношения обучения и воспитания был поднят в связи с представленной в книге А.Н. Леонтьева, равно как и в других его работах того времени, концепцией структуры сознания. В своих выступлениях в дискуссии А.Н. Леонтьев защищал положение о том, что значение и смысл как составляющие, или моменты, сознания имеют «разную основу, разное происхождение и изменяются по разным законам» (Леонтьев, 1947а, с. 82). Если значение как момент индивидуального сознания является результатом вычерпывания из общественного сознания «элементов» обобщенного отражения действительности и «кристаллизацией» соответствующих операций, то за личностными смыслами стоят мотивы деятельности субъекта².

Согласно А.Н. Леонтьеву, именно смыслы и стоящие за ними мотивы и обуславливают «известную избирательность по отношению к значениям», когда человек может усвоить те или иные понятия и идеи настолько глубоко, что «они становятся для него действительными, глубоко своими личными <...>. По отношению же к другим понятиям, идеям, знаниям у него может оказаться “глухое ухо” или они

¹ Тексты двух выступлений А.Н. Леонтьева в указанной дискуссии, тщательно сверенные со стенограммами, снабженные комментариями и предисловием одного из авторов настоящей статьи (Е.Е. Соколовой), были введены в научный оборот в коллективной монографии: Культурно-историческая психология..., 2023.

² В эти годы сотрудниками возглавляемого А.Н. Леонтьевым Отдела детской психологии Психологического института (А.В. Запорожцем, Н.Г. Морозовой, З.М. Истоминой, З.В. Мануйленко и др.) проводятся многочисленные эмпирические исследования мотивации детей, результаты которых были опубликованы затем в ряде изданий, адресованных не только научной общественности, но и учителям и воспитателям. В 1945 году А.Н. Леонтьев был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР, в 1950 г. стал действительным членом этой Академии, а в 1953 г. получил медаль К.Г. Ушинского за цикл работ по детской психологии.

могут даже приобрести для него совершенно посторонний, а иногда и противоположный их содержанию смысл» (Научный архив..., 1948, л. 224). Без знаний, говорил А.Н. Леонтьев, невозможно воспитать человека, но «нужна почва для того, чтобы знания, воспринимаемые ребенком, были действенными; и эта почва есть правильно организованная жизнь ребенка, школьника» (там же, л. 233). В противном случае человек может на словах проповедовать «великие идеи», а сам вести себя в соответствии с совершенно иными принципами. Очевидно, что такая позиция предполагала радикальное изменение взглядов на методы обучения и воспитания детей.

Оппоненты А.Н. Леонтьева, сторонники традиционной (учебно-трансляционной) системы обучения и воспитания в советской школе, считали, что отношения смысла и значения у А.Н. Леонтьева «перевернуты». Так, Н.А. Менчинская утверждала, что «справедливо обратное положение: смысл порождается, в основном, исторически сложившимися “значениями” — знаниями, отражающими действительность» (Научный архив, 1948, л. 133). А вопрос о мотивах, по ее мнению, может вставать лишь после овладения школьником определенными знаниями, и учитель должен выработать у учащихся «правильное» эмоциональное отношение к ним и превратить их в защищаемые убеждения.

Однако сформированное путем трансляции строго определенных значений мировоззрение могло существенно расходиться с теми впечатлениями, которые люди получали в реальной жизни, что, в свою очередь, приводило к дезинтеграции в их сознании значений и смыслов. Но именно «практика жизни» и способствовала тому, чтобы рано или поздно сложившееся к этому времени мировоззрение человека перестроилось, причем зачастую «скачкообразно» (Леонтьев, 1994, с. 43–45). Правда, согласно А.Н. Леонтьеву, «усвоенные человеком значения, представления, мысли вовсе не изменяются сами по себе, автоматически, как только они теряют почву в объективных условиях жизни. Они могут сохранить для человека силу предрассудков, иногда требующих упорной борьбы для того, чтобы развенчать их в его сознании» (Леонтьев, 1947а, с. 115).

Таким образом, в работах А.Н. Леонтьева и представителей его школы разрабатывались совершенно иные методологические основания воспитания и обучения, нежели те, которые были приняты в официальной педагогике того времени. Эти две противоречащие друг другу системы идей и практик были впоследствии метко названы «педагогикой свободы» и «педагогикой необходимости». Результатом

педагогических воздействий в рамках последней было формирование лишь «социального индивида» (в терминологии учеников А.Н. Леонтьева В.В. Петухова и В.В. Столина) со строго определенной системой взглядов, который фактически был лишен персональной ответственности за свои поступки. В таком случае, утверждал А.Н. Леонтьев, «самые лучшие внушенные нами воспитаннику намерения могут стать у него такими намерениями, о которых было сказано: добрыми намерениями вымощена дорога в ад» (Леонтьев, 1947б, с. 6).

В отличие от «педагогика необходимости», «педагогика свободы» предполагает создавать условия для рождения собственно личности в самом узком и точном смысле этого слова, которая, обладая критическим мышлением, сама на свой страх и риск принимает решения, определяясь в своих отношениях к миру, обществу и собственной жизни. При этом ни в коем случае не следует считать данное самоопределение социально обусловленным: как говорил еще Л.С. Выготский, «индивидуальное личностное — не *contra*, а высшая форма социальности» (Выготский, 1986, с. 54). Конечно, лежащая в основе «педагогика свободы» теория личности, контуры которой сложились у А.Н. Леонтьева уже к 1940-му году, не могла найти тогда свое полноценное и развернутое изложение в печати в силу известных социокультурных условий. Однако проницательные читатели работ А.Н. Леонтьева второй половины 1940-х гг. увидели в них некоторые намеки на важнейшую категорию психологии личности — категорию поступка. Так, выступавший в дискуссии 1948 года Н.И. Жинкин в конце своего доклада сделал следующий вывод: «Алексей Николаевич подходит близко к одной проблеме — проблеме поступка. <...> Я думаю, что дальнейшие исследования заставят его заняться этой проблемой и приведут к положительным результатам» (Научный архив, 1948, л. 113).

Вершина жизни

С конца 1960-х гг., когда публикация основных положений теории личности А.Н. Леонтьева стала возможна, ученого по-прежнему заботили практические вопросы образования и воспитания человека. Проделав мощную работу по организации факультета психологии как отдельного подразделения МГУ и став его деканом в 1966 г., А.Н. Леонтьев пытался реализовать методологию «педагогика свободы» в тех рамках, какие задавались тогдашней системой обучения. Это и резкое противостояние системе зазубривания, заучивания в полном соответствии с ильенковской формулой «школа должна учить

мыслить»¹, и организация с 1967 года летних психологических школ (ЛПШ), где студенты факультета психологии МГУ вместе с преподавателями могли в совершенно неформальной обстановке учиться ставить и пытаться решать вопросы, как говорил сам А.Н. Леонтьев, не по-обывательски, а по-научному, обсуждая при этом не только научные, но и интимные, житейские, а также общественно-политические проблемы по принципу «контroversы между тем, что они слышат, и между тем, что они видят, противоречия, которые имеются в жизни — обыкновенно реальные противоречия» (Леонтьев, 2004). При этом А.Н. Леонтьев специально следил за тем (и требовал этого от преподавательского состава ЛПШ), чтобы ни одно высказывание, ни одна мысль участников школы не стала предметом хотя бы легкого высмеивания и тем более осуждения, стараясь найти, по его словам, «в неверно поставленном вопросе верное зерно. Здесь культивировалось уважение ко всякому мнению, к мысли» (там же).

И все это происходило на фоне громадной административной работы А.Н. Леонтьева, прежде всего, на посту декана факультета психологии и заведующего кафедрой, не говоря уже о его деятельности в Академии педагогических наук, в Обществе психологов и в других организациях. Про этот период жизни А.Н. Леонтьева как «устроителя людей и дел» вспоминали очень многие его ученики. «Он был в первую очередь, — подчеркивал Б.М. Величковский, — гениальный администратор и организатор психологической науки» (Величковский, 2003, с. 146). Называя «вершиной жизни» А.Н. Леонтьева 1966 год, Б.М. Величковский имел в виду не только огромный вклад А.Н. Леонтьева в создание факультета психологии МГУ, но и организацию и проведение в том же году XVIII Международного психологического конгресса в Москве с 4-мя тысячами участников, который стал, по общему мнению, одним из лучших в мировой психологии. Еще одним «делом своей жизни» сам А.Н. Леонтьев называл созданный в 1977 году журнал «Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология».

Хотя организационно-административные дела А.Н. Леонтьева занимали много времени, его научная работа тем не менее про-

¹ Обучение ни в коем случае, утверждал А.Н. Леонтьев, не должно превращаться в тренировку памяти как таковой (ибо «многознание уму не научает», как говорил еще Гераклит), и поэтому предлагал разрешить пользоваться школьникам и студентам на контрольных работах и даже на экзаменах различными справочниками, чтобы педагог убедился не в том, помнит ли обучающийся ту или иную дату или формулу, а в том, понимает ли он их смысл.

должалась, о чем свидетельствуют, например, коррекция им текста последующих изданий книги «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1959), удостоенной в 1963 г. Ленинской премии, выход в свет монографии «Деятельность. Сознание. Личность» (Леонтьев, 1975), удостоенной, в свою очередь, Ломоносовской премии, не говоря уже о статьях и выступлениях, в которых не только подводились итоги сделанному в его школе, но и выделялись сложные моменты, неясности и противоречия в системе идей психологии деятельности. Особенно интересной в этом отношении является ставшая теперь известной дискуссия 1969 года, в которой принимали участие соратники и одновременно «внутренние оппоненты» А.Н. Леонтьева (П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин) и в которой «темные» и спорные моменты психологии деятельности оказались особенно ясно выделены и проанализированы всеми участниками дискуссии.

Лекции, которые А.Н. Леонтьев продолжал читать студентам факультета психологии МГУ, производили на сидящих в аудитории неизгладимое впечатление. Лектор завораживал их своей артистичностью, импровизациями и в то же время строгой логикой изложения обсуждаемой темы, методологической насыщенностью лекций, сложностью их содержания и языка. Об этом последнем вспоминали многие его тогдашние студенты и сотрудники, однако у подготовленных слушателей на лекциях А.Н. Леонтьева возникало ощущение, что он вводит тебя в лабораторию своей мысли, побуждает к самостоятельным размышлениям, к повторному и более продуманному чтению психологической и философской литературы, формирует особую культуру мышления.

На посту декана факультета психологии А.Н. Леонтьев оставался до своей кончины 21 января 1979 года. Многие выпускники созданного им факультета стали известными учеными и работают не только в России, но и во многих странах мира.

Вместе с тем творческое наследие А.Н. Леонтьева в настоящее время практически перестало изучаться и, что еще более печально, использоваться как методологическое основание для эмпирических и практико-ориентированных исследований. Во многом это обусловлено, как отмечал еще А.А. Леонтьев, «квазинаучной» критикой общепсихологической теории деятельности в перестроечные и постсоветские годы (особенно за ее марксистские корни) и подменой сложных построений этой теории их «двойником-карикатурой» (Леонтьев, 2001, с. 98).

Однако марксизм марксизму рознь. Историко-психологические и методологические исследования последних лет позволили сделать вывод, что А.Н. Леонтьев и его школа ориентировались на аутентичный марксизм, а не на его редуцированный и выхолощенный вариант, известный под названием «диамата», основным вопросом которого стал вопрос о первичности/вторичности материи и сознания при их фактически абсолютном противопоставлении. В этом проглядывал дуализм картезианства; от картезианства был унаследован и постулат непосредственности в психологии, с которым школа А.Н. Леонтьева боролась на всем протяжении ее истории. Неслучайно еще Л.С. Выготский настаивал на «оживлении спинозизма» (как антипода картезианства) в «так называемой» марксистской психологии, и это «оживление», на наш взгляд, произошло как раз в школе А.Н. Леонтьева. В работах одного из авторов настоящей статьи (Соколова, 2019) было показано, что общепсихологическая теория деятельности имеет в своей философской основе не только гегельянство и аутентичный марксизм, но и спинозизм.

Данное обстоятельство делает изучение наследия А.Н. Леонтьева и его школы весьма актуальным: по нашему мнению, деятельностно ориентированная психология бросает методологический вызов тем направлениям современной науки, которые гласно или негласно базируются на картезианстве, ставшем, по утверждению Л.С. Выготского, источником разнообразных дихотомий в психологии.

Заключение

В настоящей статье были затронуты некоторые важнейшие события творческой биографии классика советской психологии А.Н. Леонтьева и представлен анализ отдельных ключевых идей созданной им и его школой общепсихологической теории деятельности в контексте их значимости для решения задач «высокоорганизованной практики» — практики жизни. Однако, несмотря на уже имеющиеся разнообразные историко-психологические и методологические исследования творческого наследия как самого А.Н. Леонтьева, так и представителей созданной им школы, многие его аспекты остаются не изученными в должной мере.

Так, к примеру, в литературе до сих пор системно не представлен анализ многочисленных эмпирических исследований школы не только в общей психологии, но и в других отраслях психологической науки. Сам А.Н. Леонтьев, сетовал в свое время В.П. Зинченко, такой «вразумительной книги» с эмпирическими обоснованиями теории

деятельности не написал, и в его рассуждениях о загонщиках, охотниках, отражениях и пр. «теряются в высшей степени интересные идеи о деятельности, о сознании, о смысле и т.д., тогда как есть богатейший эмпирический материал» (Зинченко, 2003, с. 170)¹.

Не проанализирован системно вклад школы А.Н. Леонтьева и в практическую психологию. Это приводит, ко всему прочему, к весьма поверхностному и схематическому усвоению теории деятельности студентами вузов, которые, считая ее чересчур сложной и «абстрактной», не видят в ней инструмента решения задач, поставленных самой жизнью.

Более того, до сих пор отсутствует подробная и точная хронология жизни и творчества А.Н. Леонтьева, не устранены имеющиеся в различных биографических материалах противоречия. Решение этой задачи осложняется еще и тем, что сам создатель теории деятельности не оставил мемуаров о своей жизни и научной деятельности, как не оставил он и своего развернутого «научного завещания», в котором были бы намечены перспективы развития созданной им и его школой системы идей.

С учетом всех этих обстоятельств мы считаем необходимым и возможным не только продолжать углубленный историко-методологический анализ творческого наследия А.Н. Леонтьева, но и популяризировать это наследие. Это предполагает, в частности, создание специальных учебно-методических пособий для студентов и аспирантов психологических факультетов вузов, содержащих подробные разъяснения сложных положений общепсихологической теории деятельности и противоречий в ней с отсылками к проведенным в школе А.Н. Леонтьева эмпирическим исследованиям и практическим разработкам, а также написание комментариев к различным текстам ученого, в том числе архивным. Иначе Дело и Мысль А.Н. Леонтьева, не представленные должным образом в Слове, понятном новым поколениям психологов, не войдут составной частью в их профессиональный образ мира и не станут возможным методологическим основанием их исследований, в том числе тех, которые имеют прямое отношение к решению задач «высокоорганизованной практики».

¹ Недавно вышедшая книга (Соколова, 2023) частично восполняет этот пробел: в ней представлены и проанализированы основные эмпирические и практические исследования Харьковской школы 1930-х гг., в том числе те работы ее представителей, которые не были опубликованы или опубликованы в труднодоступных для современного читателя источниках. Однако остается задача такого же развернутого и системного представления эмпирических исследований школы А.Н. Леонтьева последующих десятилетий.

Литература

Братусь Б.С. «Слово» и «дело»: к истории научных отношений А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 18–24.

Величковский Б.М. «Только следование элементарным принципам научного мышления вернет всё на какие-то нормальные рельсы» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 132–161.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.

Дискуссия о проблемах деятельности // А.Н. Леонтьев Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. С. 303–338.

Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...» // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 162–179.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

Интервью с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Беседовал — Михаил Григорьевич Ярошевский (из неопубликованного) // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 2–24.

Культурно-историческая психология: истоки и новая реальность / под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.Н. Очерк развития психики [на правах рукописи]. М.: Военный педагогический институт Советской Армии, 1947а.

Леонтьев А.Н. Первая летняя психологическая школа // Психология в вузе. 2004. № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.

Леонтьев А.Н. Психологические вопросы сознательности учения // Известия АПН РСФСР. Вып. 7. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947б. С. 3–40.

Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М.–Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1931.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения: Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.: Государственное издательство «Советская наука», 1945.

Морозова Н.Г. От первой до последней встречи // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. За-

порожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. редактор), О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 257–266.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948.

Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006.

Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673.

Соколова Е.Е. Психология деятельности: становление и перспективы развития. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.

References

Bratus, B.S. (2013). “Word” and “Deed”: the history of scientific relations. *Natsional’nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 1(9), 18–24. (In Russ.).

Discussion on the problems of activity. (2004). In A. N. Leontiev. *Activity. Consciousness. Personality*, (pp. 303–338). Moscow: Smysl; Akademiya. (In Russ.).

Pyenkov, E. V. (1991). *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Interview with Alexei Nikolaevich Leontiev. Interviewed — Michael G. Yaroshevskij (Previously unpublished) (2013). *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 4, 2–24. (In Russ.).

Leontiev, A.A. (2001). *Active mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.A. (2006). *Psychological theory of activity: yesterday, today, tomorrow*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., Sokolova, E.E. (2005). *Alexei Nikolaevich Leontiev. Activity, consciousness, personality*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1931). *Memory development*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1947a). *Essay on the development of mind (published on the rights of manuscript)*. Moscow: Voennyj Pedagogicheskij Institut Sovetskoj Armii. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1947b). *Psychological issues of conscious learning. Izvestiya APN RSFSR (Proceedings of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR)*, 7, 3–40. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1959). *Problems of the development of mind*. Moscow: Izd-vo APN RSFSR. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1975). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1994). *Philosophy of psychology: From scientific heritage*. In Leontiev, A.A. and Leontiev, D.A. (Eds.). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (2004). The first Summer psychological school. *Psikhologiya v Vuze (Psychology at the University)*, 4. (Retrieved from <http://www.psy.msu.ru/science/conference/summer/1967/index.htm>) (retrieved date: 16.12.2022). (In Russ.).

Leontiev, A.N., Zaporozhets, A.V. (1945). *Movement Recovery: Psychophysiological Investigation into Recovering Hand Function after Injury*. Moscow: Sovetskaya nauka. (In Russ.).

Maidansky, A.D. (Ed.) (2023). *Cultural-Historical Psychology: Origins and New Reality*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.).

Morozova, N. G. (1983). From the first to the last meeting. In A.V. Zaporozhets, V. P. Zinchenko, O. V. Ovchinnikova, O. K. Tikhomirov (Eds.). A. N. Leontiev and modern psychology (in memory of A. N. Leontiev), (pp. 257–266). Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).

Scientific Archive of RAE (Russian Academy of Education) (1948). Coll. 82. aids 1, item 103.

Sokolova, E.E. (2019). How A.N. Leontiev Revived Spinozism in Marxist Psychology, or On the Implicit Philosophical Basis of the Theory of Activity. *Psychology. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Journal of the Higher School of Economics)*, 16 (4), 654–673. (In Russ.).

Sokolova, E.E. (2023). *Activity Psychology: Formation and Development Prospects*. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». (In Russ.).

Velichkovskij, B.M. (2003). Only following the elementary principles of scientific thinking will return everything to some normal rails. *Psikhologiya v Vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 132–161. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (1986). *Concrete Human Psychology. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin, Series 14. Psychology)*, 1, 52–65. (In Russ.).

Vygotsky, L.S. (1982). *Thinking and Speech*. In L.S. Vygotsky, *The Collected Works in 6 vols., Vol. 2*, (pp. 5–361). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2003). “Yes, a very controversial figure...”. *Psychology at the University*, 1–2, 162–179. (In Russ.).

Поступила: 19.12.2022

Получена после доработки: 12.01.2023

Принята в печать: 15.03.2023

Received: 19.12.2022

Revised: 12.01.2023

Accepted: 15.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонина Николаевна Ждан — доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, zhdan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3068-4971>

Елена Евгеньевна Соколова — доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ees-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>

ABOUT THE AUTHORS

Antonina N. Zhdan — Dr. Sci. (Psychology), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, zhdan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3068-4971>

Elena E. Sokolova — Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, ees-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-15>

УДК 159.9

Созидательная личность. А.Н. Леонтьев и советская психология

В.А. Мазиллов¹, Ю.Н. Слепко^{✉1}

¹ Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

✉ slepko@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Изучение вклада Алексея Николаевича Леонтьева в развитие отечественной психологической науки позволяет оценить его выдающиеся личностные качества, организаторские способности, талант ученого, исследователя.

Цель. Анализ роли А.Н. Леонтьева в становлении отечественной психологии как области самостоятельного научного знания.

Методы. Материал получен на основе изучения воспоминаний о жизни и деятельности А.Н. Леонтьева, а также на основе анализа теоретических и методологических исследований по проблемам психологической науки.

Результаты. А.Н. Леонтьев относится к тем немногочисленным отечественным психологам, которые брали на себя ответственность за развитие психологической науки в СССР. Это выразилось в систематической и фундаментальной организаторской деятельности по созданию психологических факультетов, научных журналов, подготовке кадров для отечественной науки. Значительную роль А.Н. Леонтьев сыграл в сближении советской и зарубежной психологии, знакомстве советских психологов с исследованиями зарубежных коллег. Вместе с тем А.Н. Леонтьеву удалось внести серьезный вклад в решение теоретических и методологических вопросов мировой психологии. Утверждается, что достижения А.Н. Леонтьева в сферах организаторской, научной, исследовательской деятельности объясняются совокупностью личностных качеств ученого, связанных со способностью стратегически мыслить, видеть системное решение проблем, принимать на себя ответственность.

Выводы. Охарактеризованы наиболее значимые для развития отечественной психологической науки достижения А.Н. Леонтьева, связанные с ин-

ституционализацией психологии, подготовкой психологических кадров, решением фундаментальных теоретических и методологических проблем советской психологии. Несмотря на наличие в отечественной психологической науке исследований личности и деятельности А.Н. Леонтьева, актуальными являются задачи архивной работы с источниками и материалами, широкое обобщение результатов деятельности на протяжении всего жизненного и творческого пути ученого, распространение материалов о А.Н. Леонтьеве среди современных молодых психологов.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, юбилей, советская психология, личность.

Для цитирования: Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Созидательная личность. А.Н. Леонтьев и советская психология // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 46–66. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-15>

LIFE AND ACTIVITY

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-15>

Creative Person. A.N. Leontiev and Soviet Psychology

Vladimir A. Mazilov¹, Yurii N. Slepko^{✉1}

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

✉ slepko@inbox.ru

Abstract

Background. The study of the contribution of Alexei Nikolaevich Leontiev to the development of Russian psychological science makes it possible to evaluate his outstanding personal qualities, organizational skills, and the talent of a scientist and researcher.

Objective. The study is aimed to analyze the role of A.N. Leontiev in the development of Russian psychology as a field of independent scientific knowledge.

Methods. The material was obtained in the study of memories on the life and work of A.N. Leontiev. The analysis of theoretical and methodological research on the problems of psychological science was also conducted.

Results. The analysis showed that A.N. Leontiev is one of the few psychologists who took responsibility for the development of psychological science in the USSR. This was reflected in the systematic and fundamental organizational activity, in

the creation of psychological faculties, scientific journals, training of personnel for psychological institutions. A.N. Leontiev played a significant role in the rapprochement of Soviet and foreign psychology, acquaintance of Soviet psychologists with the research of psychologists abroad. At the same time, A.N. Leontiev managed to make a significant contribution to the solution of theoretical and methodological issues of world psychology. It is asserted that the achievements of A.N. Leontiev in the areas of organizational, scientific, research activities are explained by a combination of personal qualities of a scientist associated with the ability to think strategically, see a systematic solution to problems, and take responsibility.

Conclusion. The most significant achievements of A.N. Leontiev are associated with institutionalizing psychology, training psychological personnel, solving fundamental theoretical and methodological problems of Soviet psychology. Despite the vast research on the personality and activity of A.N. Leontiev within Russian psychological science, the task of archival work with sources and materials remains of great importance. There is an urge for broad generalization of the results in the life and creative paths of the scientist, for the spread of materials about A.N. Leontiev among modern young psychologists.

Keywords: A.N. Leontiev, anniversary, psychology, soviet psychology, personality.

For citation: Mazilov, V.A., Slepko, Yu.N. (2023). Creative Person. A.N. Leontiev and Soviet Psychology. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (2), 46–66. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-15>

Fabricando fabricamur
(пер. Созидая, мы творим самих себя)
Латинская поговорка

Введение

В феврале 2023 г. отмечается 120-летний юбилей выдающегося советского психолога Алексея Николаевича Леонтьева. Вклад А.Н. Леонтьева в развитие советской психологии переоценить невозможно, поскольку его работы в области философии, методологии и теории психологии, общей и педагогической психологии, психологии развития и генетической психологии, инженерной психологии и психологии труда составили целую эпоху в развитии психологической науки в СССР. Творчеству ученого и его научному наследию посвящены книги и монографии (Психологическая теория, 2006; Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005), диссертации (Соколова, 2021), научные статьи и многочисленные воспоминания его учеников и современников

(А.Н. Леонтьев и современная психология, 1983; Величковский, 2003; Зинченко, 2003).

Обилие публикаций свидетельствует о значимости сделанного А.Н. Леонтьевым в психологии, а разноречивость и неоднозначность в оценках вклада, которые иногда наблюдаются в публикациях о деятельности ученого, стоит расценивать как дополнительное подтверждение актуальности научных изысканий признанного классика отечественной психологии. Заметим кстати, что, по мнению авторов, непозволительно редуцировать вклад А.Н. Леонтьева в отечественную психологию к формулированию теории деятельности и деятельностного подхода, как иногда происходит. На наш взгляд, влияние А.Н. Леонтьева на развитие психологической науки в СССР значительно шире и многограннее.

Целью исследования является анализ и оценка деятельности А.Н. Леонтьева как организатора советской психологии. Будучи патриотом своей страны и занимая в 1960–1970-е гг. ключевые психологические посты, А.Н. Леонтьев, как нам представляется, сделал очень многое для того, чтобы психология в СССР стала фундаментальной наукой, обеспеченной высококвалифицированными кадрами, объединенными в единое психологическое сообщество. При этом авторы отдают себе отчет в том, что в одной небольшой статье, приуроченной к знаменательному поводу, не представляется возможным хоть сколь-нибудь полно охватить творчество А.Н. Леонтьева в целом.

Источники

В качестве источников для изучения и оценки вклада А.Н. Леонтьева в отечественную психологическую науку использованы материалы воспоминаний о его жизни и деятельности, оставленные учениками и последователями. Также использованы теоретические и методологические исследования по проблемам психологической науки.

Многими авторами отмечается роль А.Н. Леонтьева как выдающегося организатора советской психологии. Б.М. Величковский писал, что Алексей Николаевич «сознательно вступил на этот путь после войны и в этом его заслуга. Администрирование отнимает огромное количество времени и сил, особенно в такой плохо организованной среде, как наша. Конечно, *он был в первую очередь гениальный администратор и организатор науки*. И только затем ученым, по крайней мере, в последние годы» (Величковский, 2003, с. 146). Как нам представляется, такая оценка верна лишь отчасти.

Мы полагаем, что главной целью административно-организационной деятельности было создать условия для свободной творческой деятельности психологов не только в масштабах факультета, но и всей страны. И эта тяжелая миссия, взятая Алексеем Николаевичем на себя, была им успешно осуществлена. Более точной представляется оценка Д.А. Леонтьева: «Он был человек мудрый. В плане организационного развития он был великий менеджер, и в этом он был не менее выдающимся, чем ученым. С одной стороны, обидно, что из-за занятости в административных делах он очень много не доделал как ученый, с другой стороны, это тоже мощное творчество и непонятно, что важнее, — то, что он создал как ученый или как менеджер. Трудно выбирать, что важнее: и то и другое осталось» (Леонтьев, 2003, с. 192).

Много внимания уделено анализу организационной деятельности Алексея Николаевича в монографии А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005), в докторской диссертации Е.Е. Соколовой (Соколова, 2021).

В заголовок данной статьи мы вынесли характеристику «созидательная личность», и ее использование не случайно. Внесем ясность относительно использования выражения *созидательная личность*. Характеризуя вклад А.А. Ухтомского в науку, В.П. Зинченко пишет: «Словосочетание “зачинательная личность” я встретил у нашего замечательного поэта Вяч. Иванова» (Зинченко, 2011, с. 231). Созидательность появилась по аналогии с характеристикой, использованной В.П. Зинченко для квалификации научной деятельности А.А. Ухтомского. Впрочем, оказалось, что созидательность психологами уже описана как качество личности — способность, постоянно проявляя энергию воли и разума, делать что-то существующим, создавать, производить, основывать. Как нам представляется, подобная характеристика очень точно характеризует личность А.Н. Леонтьева.

Нужно отметить, что авторы настоящей статьи принадлежат к разным поколениям: старшему (В.А. Мазиллов) во время студенчества и в первые годы работы преподавателем вуза посчастливилось неоднократно слышать лекции и выступления Алексея Николаевича, несколько раз беседовать с ним; младшее (Ю.Н. Слепко) в силу возраста знакомо лишь с публикациями классика отечественной психологии. Можно только подтвердить, что воспринимался он тогда именно как олимпиец, небожитель, классик, ибо без сомнений был в начале и середине 1970-х гг. первым лицом отечественной психологии. По воспоминаниям В.А. Мазилова, как только появлялась

информация о публикации статьи А.Н. Леонтьева в «Вопросах философии», заинтересованные лица бежали по киоскам «Союзпечати» в поисках вожделенного номера, ибо каждая статья без преувеличения становилась событием в советской психологии... Впрочем, речь не о воспоминаниях, так как очень много коллег и учеников Алексея Николаевича знали его как человека и личность куда ближе, чем авторы настоящей статьи.

Алексей Николаевич Леонтьев относится к числу тех психологов (их можно пересчитать на пальцах одной руки), которые принимали на себя ответственность за развитие психологии в СССР. Первым из них был С.Л. Рубинштейн (1889–1960), разработавший методологические основы советской психологии (Рубинштейн, 1935). В 1940 г. С.Л. Рубинштейн сформулировал задачи, решение которых необходимо для завершения становления мировой психологической науки (Мазилев, 2020): 1) создание подлинно научной методологии; 2) создание системы психологии; 3) создание совершенных методик (Рубинштейн, 1973). Можно полагать, что «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1940) задумывались именно как создание системы мировой психологии на основе научной методологии.

Хорошо известно (не будем здесь на этом останавливаться), что С.Л. Рубинштейном в 1940-е гг. были предприняты организационные шаги в плане развития психологии в СССР (открытие кафедры психологии и отделения психологии в МГУ, создание сектора философских проблем психологии в Институте философии АН СССР и др.).

В конце 1940-х гг. организационная деятельность С.Л. Рубинштейна была прервана... Процитируем В.П. Зинченко: «Репрессии конца 1940-х — начала 1950-х годов затронули и С.Л. Рубинштейна, его талантливого ученика М.Г. Ярошевского и др. Ни Сталинская премия, ни членство в двух академиях, ни безусловный авторитет, которым пользовался замечательный человек и ученый в научных кругах, не спасли Сергея Леонидовича от гонений во время антисемитской компании 1948–1953 годов, называвшейся борьбой с безродными космополитами. В двух «дискуссиях» по «Основам общей психологии» его называли лжеученым и заметным агентом американского империализма. Он был снят со всех должностей, его труды были запрещены и изъяты из библиотек. В 1954 году С.Л. Рубинштейн был восстановлен в правах и плодотворно работал до своей кончины в 1960» (Зинченко, 2011, с. 291–292).

После Сессии двух академий (Павловская сессия — объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук

СССР, 28 июня — 4 июля 1950) заниматься психологией было сложно. Требовалась «критика» и «самокритика». Как отмечают А.Л. Журавлев и Н.Ю. Стоюхина, «А.Н. Леонтьев в публикации в “Учительской газете” подтвердил претензии, обращенные к психологам: психология “до сих пор еще не связана должным образом с практикой и не отвечает тем жизненным запросам, которые выдвигает перед ней передовой опыт советской школы... еще сильны отжившие традиции, которые тащат ее назад, мешают ей развиваться в верном направлении, наши психологи не извлекли для себя надлежащего урока из истории борьбы материализма и идеализма в психологии и не смогли до конца порвать с традициями буржуазной субъективистской психологии, многие из советских психологов отправлялись от чуждых материалистической науке субъективно-психологических позиций. А это вело к тому, что павловское учение, по сути, игнорировалось психологами” (Леонтьев, 1951, с. 2). Отдадим должное действительному члену АПН РСФСР, критиковавшему и себя: “марксистские положения вносились в психологию формально, догматически”» (Журавлев, Стоюхина, 2022, с. 73).

В 1954 г. советские психологи впервые после длительного перерыва приняли участие в Международном психологическом конгрессе в Монреале. Руководителем советской делегации был А.Н. Леонтьев. С тех пор А.Н. Леонтьев становится лидером советской психологии. Впоследствии сам А.Н. Леонтьев отмечал: «В 1954 году после моей первой поездки в Канаду на Международный психологический конгресс у меня стала складываться некоторая программа организационного развития психологической науки в стране. Мне представилось, что наши психологи должны войти “на равных” в мировую. Отсюда и возник первый пункт “программы”: организация национального психологического общества, которое станет членом Международного союза научной психологии. К этому пункту далее прибавились следующие три: 2. Создать настоящую университетскую подготовку специалистов — факультеты или институты психологии на правах факультетов. 3. Определить статус психологии как особой области знания, т.е. ввести ее в официальный перечень наук и установить ученые степени кандидата и доктора психологических наук. 4. Включить психологию в число наук, представленных в АН СССР. Сегодня, накануне моего 70-летия, думается о том, что программа эта является выполненной» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 8).

Еще раз процитируем книгу А.А. Леонтьева с соавторами: «В 1960-х — начале 70-х годов А.Н. сумел коренным образом изме-

нить статус психологии в нашей стране. Конечно, в этом не только его заслуга, но в первую очередь именно его.

Начнем с того, что уже в 1955 году был создан журнал «Вопросы психологии», в редколлегию которого он вошел сразу и оставался в ней до самой смерти. В 1977 году Леонтьевым же был основан журнал «Вестник МГУ. Серия Психология» (Других психологических журналов, кроме этих двух, в СССР при жизни Леонтьева не было).

В середине 1960-х годов ВАК вводит квалификацию «Психолог» и степени по психологическим наукам. Здесь нельзя не вспомнить, что до этого защищавшие диссертацию психологи назывались кандидатами (или докторами) педагогических наук (в скобках: по психологии). В архиве Леонтьева сохранился автореферат одной защищенной в начале 1960-х годов диссертации, посвященной некоторым особенностям поведения медоносной пчелы. На обложке стояло: «Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии)». Известно, что этот реферат был одним из аргументов Леонтьева (неожиданно весомым!) при «пробивании» в ВАКе введения психологических степеней. Кстати, А.Н. много лет был членом пленума ВАК.

Леонтьев был инициатором создания Общества психологов СССР.

В конце 1960-х годов началась борьба за создание в системе Академии наук СССР отдельного психологического института. Как вспоминал позже Б.Ф. Ломов, для этого много сделал именно Леонтьев, и в 1971 году был открыт Институт психологии Академии наук (сейчас РАН), в который вошел (и стал его основой) Сектор психологии академического Института философии» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 120–121).

Одно только перечисление свершений А.Н. Леонтьева, благодаря которым психологическая наука в СССР (которая еще в 1950 г. была на грани ликвидации) стала уважаемой в обществе научной дисциплиной, приобретшей организационную структуру и имеющей профессиональное сообщество со всеми атрибутами, должно занять значительный объем статьи. Советская психология приобрела авторитет и пользовалась вниманием и уважением зарубежных коллег. В этом тоже видится огромная заслуга А.Н. Леонтьева, который очень много сделал для вхождения советской психологии в мировое научное психологическое сообщество.

Не имея возможности в рамках небольшой юбилейной статьи детально проанализировать организационную деятельность А.Н. Ле-

онтьева (для этого, заметим, необходимо использование и архивных документов), обратим внимание на то, что «пробить» положительное решение того или иного вопроса стоило огромного труда, специальной многоканальной деятельности, в том числе и по преодолению бюрократических барьеров.

Как уже отмечалось, в 1954 г. впервые после долгого перерыва советская делегация психологов участвует в работе Международного психологического конгресса в Монреале. Руководителем советской делегации психологов был А.Н. Леонтьев, среди делегатов были Б.М. Теплов, А.В. Запорожец, Е.Н. Соколов, Г.С. Костюк, Э.А. Асратян. Напомним, что это было в разгар «холодной войны», имели место провокации. Леонтьев возглавлял делегации советских психологов на XV, XVI и XVII Международных психологических конгрессах. Сам А.Н. Леонтьев был вице-президентом общества «СССР — Франция». «Поездки за рубеж были важны для Леонтьева хотя бы потому, что давали возможность для личных и научных контактов с иностранными психологами. Хорошими друзьями А.Н. были Ж. Пиаже, П. Фресс, Р. Заззо, Ж. Нюттен, а среди его личных знакомых были А. Мишотт, Ф. Бартлетт, Г. Мэрфи, Г. Айзенк, Д. Хебб, У. Пенфилд, О. Клинеберг, Н. Миллер, Х. Томэ, Дж. Брунер, А. Пьерон — словом, цвет мировой психологии. Начиная со второй половины 1950-х гг. многие из них приезжали и в Советский Союз. В 1955 г. вскоре после монреальского конгресса в Москву приехали Ж. Пиаже, П. Фресс и Р. Заззо — с целью ознакомления и установления контактов. В статье-отчете о поездке Пиаже с некоторым удивлением отмечал высокий статус ученых в СССР вне зависимости от их должностного положения, их искренность и разнообразие мнений по широкому кругу вопросов» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 112–113).

А.Н. Леонтьев проявил себя как активный деятель в международных психологических организациях. «Леонтьев много лет (с 1957 до 1976 г.) был членом исполнительного комитета Международного союза научной психологии, а одно время его вице-президентом. Возглавлял Международное общество эргономики и Психологическую ассоциацию стран французского языка. К практически неизвестным фактам его биографии относится то, что в 1960 г. его кандидатура рассматривалась в числе других для занятия должности директора департамента образования ЮНЕСКО, но в итоге был выбран другой кандидат (письмо Витторино Веронезе, генерального директора ЮНЕСКО А.Н. Леонтьеву 16.01.1961 г.)» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 114).

Нельзя не согласиться с заключением, согласно которому «вершиной “международной” деятельности А.Н. было проведение в Москве XVIII Международного психологического конгресса. Это было в 1966 г. Леонтьев был президентом конгресса (а Лурия — председателем программного комитета). Конгресс прошел с огромным успехом. Начиная с этого времени советские психологи уже абсолютно на равных принимали участие в деятельности международного психологического сообщества. Кстати, по инициативе и при участии Леонтьева и особенно Лурии в 50-х — 60-х годах было опубликовано на русском языке немало зарубежных психологических книг (Валлона, Бартлетта, Миллера, Галантера и Прибрама, многотомная “Экспериментальная психология” под редакцией Фресса и Пиаже)» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 114). XVIII Международный психологический конгресс стал одним из лучших за всю историю их проведения. Как отмечал Б.М. Величковский, «18-й психологический конгресс прошел в Москве и был одним из лучших в истории мировой психологии. Вот с ничего, понимаете, несколько человек... Крупных отечественных психологов можно было пересчитать по пальцам одной руки. Они провели Всемирный конгресс с 4 тыс. участников! Сейчас не могут затрапезную конференцию с парой сотен участников провести нормально. Вы понимаете, какая разница в потенциале людей? А тогда несколько человек блестяще провели Всемирный конгресс. И возникло впечатление, что советская психология — это что-то мощное. А на самом деле там было несколько человек» (Величковский, 2003, с. 145).

И.В. Равич-Щербо вспоминает: «Алексей Николаевич был великолепным президентом конгресса, и надо сказать, что он очень правильно прогнозировал ход конгресса, и он прошел прекрасно. Дело в том, что когда конгресс готовился и обсуждался, сколько участников ждать, на что рассчитывать, какие гостиницы заказывать и прочее, Алексей Николаевич назвал какую-то огромную цифру будущих участников, раза в 4–5 превосходящую количество участников предыдущего конгресса, который в Соединенных Штатах был... Я помню, первой реакцией других была такая: с какой бы стати так много? Но он оказался абсолютно прав, и это объяснялось тем, что, во-первых, страна стала открытой, во-вторых, и Алексей Николаевич, и Анатолий Александрович, и Борис Михайлович и Узнадзе уже сделали интересные доклады на международных конгрессах, Леонтьев в Монреале был, и в Париже был, то есть отечественная психология хорошо заявила себя... И к нам повалил народ: и на страну посмотреть, и наука, оказывается, в этой стране неплохая, интересная,

и даже додумались “они” до того, до чего “мы” еще не додумались, и, в частности, вот теория деятельности есть. Народу было, по-моему, тысяч 5 участников, если не больше, из 44 стран. И как-то очень тесно и дружелюбно все это дело готовилось, и Алексей Николаевич очень заинтересованно во всем этом участвовал. Мы достаточно часто собирались» (Равич-Щербо, 2003, с. 49).

И, конечно, главное детище А.Н. Леонтьева — создание в СССР факультетов психологии. А.Н. Ждан и В.А. Иванников отмечают, что работа по созданию факультета происходила «в период с начала 1950-х гг., когда к руководству психологией в университете пришел А.Н. Леонтьев, ставший в 1951 г. заведующим кафедрой и отделением психологии философского факультета МГУ после смещения с этого поста С.Л. Рубинштейна (1949) и добровольного ухода назначенного на эту должность Б.М. Теплова (1950). Во всех вопросах А.Н. Леонтьев опирался на работу своих сподвижников-профессоров, а также своих заместителей — Н.Ф. Талызиной (1951–1960) и О.В. Овчинниковой (1960–1970) и других сотрудников» (Ждан, Иванников, 2018, с. 38). «А.Н. Леонтьев превратил психологическое отделение философского факультета в крупный центр, ведущий как педагогическую, так и научную работу в постоянно возрастающих масштабах» (Ждан, Иванников, с. 41).

Нельзя не согласиться с мнением А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой, что «главная организационная заслуга А.Н. — это открытие в составе МГУ факультета психологии (одновременно такой же факультет был создан в Ленинградском университете). Леонтьев стал первым деканом факультета (и оставался им до смерти) и заведующим кафедрой общей психологии» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 121).

Организация факультета была совсем не простым делом. О.В. Овчинникова вспоминает: «Приходилось решать много проблем, особенно в связи с преобразованием отделения психологии философского факультета в самостоятельный факультет (в 1966 г.). Было очень много бумажных дел. Алексей Николаевич выполнял всю стратегическую работу, а оперативные вопросы в основном лежали на его заместителе. Приходилось просиживать часами в министерских кабинетах, по сто раз обсуждать с чиновниками учебные планы, расчет педнагрузки и тому подобное» (Овчинникова, 2003, с. 33).

Были трудности, которые могут показаться неожиданными. Вначале речь шла о самостоятельном отделении психологии. Н.Ф. Талызина отмечает, что Алексей Николаевич «был прекрасный ор-

ганизатор науки. Именно ему мы обязаны тем, что есть факультет психологии...», «Это все происходило на моих глазах. Я была его заместителем и знала всю ту гигантскую работу, которую он проделывал, чтобы всего этого добиться. Я была вместе с ним в Министерстве высшего образования Российской Федерации, когда решался вопрос о том, как организовать самостоятельное отделение психологии. Долго не могли найти этому отделению места: куда его определить — к гуманитарным или естественным наукам. Долго спорили и, наконец, решили, что гораздо проще организовать факультет, чем самостоятельное отделение. Так родился наш факультет» (Талызина, 2003, с. 9).

Интересный сюжет, иллюстрирующий многообразие решаемых в то время задач, приводит О.В. Овчинникова: «Тогда как раз встал вопрос о переезде гуманитарных факультетов МГУ в новое помещение на Ленгорах. Алексей Николаевич очень отбивался, не хотел туда переезжать, и это было мудрое решение — вообще все его решения оказались мудростью. В результате усилиями Леонтьева психологи остались в старом здании Университета, а философы до сих пор маются в этой стекляшке. Я вообще не знаю, как там можно было создавать лаборатории — все слышно, все видно...» (Овчинникова, 2003, с. 33).

Н.Ф. Талызина пишет и о том, что при организации факультета нужно было думать и о том, куда необходимо внедрять психологов (Талызина, 2003). Факультет необходимо было обеспечить кадрами. У Алексея Николаевича «педагогическая работа и научная были очень тесно переплетены. Он всегда относился к студентам как к тому потенциалу, который надо использовать для науки. Только сейчас я оценила то, что он сделал в последний период своей жизни: он с большим трудом оставил на факультете довольно большое число молодых людей. Тогда это было очень сложно. Они не были москвичами, им надо было “пробить” прописку, нужно было получить для них должности. Он отобрал очень сильных людей, которыми сейчас факультет и живет. Это Смирнов, Петренко, Столин, Петухов, Асмолов и др.» (Талызина, 2003, с. 7).

Про то, как Алексей Николаевич следил за развитием факультета, определял основные направления научных исследований, привлекал ведущих ученых к преподаванию, написано очень много (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005; Ждан, Иванников, 2018). Не будем повторяться. Отметим только, что с легкой руки А.Н. Леонтьева факультеты психологии стали появляться и в других городах. Третий факультет психологии (вслед за московским и ленинградским) появился в Ярославском государственном университете.

Разумеется, в небольшой статье мы обозначили лишь наиболее яркие эпизоды, связанные с организационной деятельностью А.Н. Леонтьева. Без освещения осталась масса событий и действий, свидетельствующих о высокоэффективной организаторской деятельности (к примеру, организация деятельности Психологического института (Института психологии при Московском университете) в первые месяцы Великой Отечественной войны, развертывание работы в Ашхабаде в эвакуации, организация работы эвакогоспиталя в Коуровке).

Сколько писем и обращений в различные инстанции в разные годы было написано А.Н. Леонтьевым в поддержку открытия психологических лабораторий и центров, если он полагал, что это на благо развитию психологической науки и практики в СССР.

В начале 1970-х гг. выходит цикл статей А.Н. Леонтьева, на их основе была подготовлена известная книга «Деятельность. Сознание. Личность» (Леонтьев, 1975). Книга, которая в середине 1970-х г. была культовой, зачитывалась до дыр, вызывала многочисленные дискуссии и обсуждения, в том числе и в студенческой среде. Напомним, что в ту пору методологические и теоретические вопросы представлялись важными и судьбоносными, поэтому практически всякий неравнодушный психолог в той или иной степени находился в курсе событий, обсуждений.

Выше мы уже приводили фрагмент текста А.Н. Леонтьева, подготовленного накануне 70-летия автора, в котором фиксируется, что задачи, поставленные им в 1954 г., были успешно решены. Напомним, что, согласно Леонтьеву, «наши психологи должны войти “на равных” в мировую». В годы, последовавшие за XVIII Международным психологическим конгрессом, это фактически произошло. И встал другой вопрос — как должна соотноситься советская психология с мировой? На этот вопрос, как нам представляется, ответ Алексея Николаевича Леонтьева очевиден. Сила советской психологии в ее сознательно выстраиваемой методологии, преимущества которой должны быть использованы и реализованы. Согласно известной леонтьевской метафоре, психология должна развиваться в ствол.

В предисловии к книге «Деятельность. Сознание. Личность» автор отмечал: «Эта небольшая теоретическая книга готовилась очень долго, но и сейчас я не могу считать ее законченной — слишком многое осталось в ней не эксплицированным, только намеченным. Почему я все же решил ее опубликовать? Замечу сразу: только не из любви к теоретизированию. Попытки разобраться в методологических проблемах психологической науки всегда порождались

настоятельной потребностью в теоретических ориентирах, без которых конкретные исследования неизбежно остаются близоручными» (Леонтьев, 1975, с. 3).

В этой работе А.Н. Леонтьев дал общую панорамную картину развития психологии: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии. Происходит его редукция, нередко прикрываемая необходимостью развивать междисциплинарные исследования. Порой даже раздаются голоса, открыто призывающие в психологию “варягов”: “придите и княжите нами”. Парадокс состоит в том, что вопреки всем теоретическим трудностям во всем мире сейчас наблюдается чрезвычайное ускорение развития психологических исследований — под прямым давлением требований жизни. В результате противоречие между громадностью фактического материала, скрупулезно накапливаемого психологией в превосходно оснащенных лабораториях, и жалким состоянием ее теоретического, методологического фундамента еще более обострилось. Небрежение и скепсис в отношении общей теории психики, распространение фактологизма и сциентизма, характерные для современной американской психологии (и не только для нее!), стали барьером на пути исследования капитальных психологических проблем» (Леонтьев, 1975, с. 3–4). Советская психология пошла по другому пути, выбрав в качестве фундамента марксистскую методологию: «Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека. Начались настойчивые поиски решения главных теоретических проблем психологии на основе марксизма. Одновременно шла работа по критическому осмыслению на этой основе положительных достижений зарубежной психологии, и развернулись конкретные исследования по широкому кругу вопросов. Складывались новые подходы и новый концептуальный аппарат, позволивший достаточно быстро вывести советскую психологию на научный уровень, несопоставимо более высокий, чем уровень той психологии, которая пользовалась официальным признанием в дореволюционной России» (Леонтьев, 1975, с. 4–5).

А.Н. Леонтьев подчеркивал, что марксистская психология — это новый этап развития психологии: «Мы все понимали, что марксист-

ская психология — это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» (Леонтьев, 1975, с. 5).

И напоследок еще один очень важный момент, подчеркиваемый А.Н. Леонтьевым: *«Я думаю, что главное в этой книге состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения целостной системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов. Это — категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности. (Курсив наш — В.М., Ю.С.). Первая из них является не только исходной, но и важнейшей»* (Леонтьев, 1975, с. 5).

Подчеркнем — речь идет о «целостной системе психологии». Здесь не место обсуждать методолого-теоретические взгляды Алексея Николаевича Леонтьева. Заметим только, что мы категорически не согласны с теми, кто полагает, будто вышеприведенные фрагменты имеют «ритуальный характер» и являются данью идеологии.

На наш взгляд, А.Н. Леонтьев был последователен и искренне полагал «фактологизм» и «сциентизм» зарубежной психологии существенными препятствиями, мешающими прогрессу психологической науки.

После ухода А.Н. Леонтьева психология в СССР, а затем в постперестроечное время в России эволюционировала таким образом, что методология отошла на второй план. Показательно, на наш взгляд: через десятилетия после смерти Леонтьева, когда обнаружилось, что национальная психология должна конкурировать с мировой, чтобы не быть поглощенной, различные авторы настаивают на ценностях, в том числе и методологических, выработанных в отечественной науке (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018; Мазиллов, 2018; Мазиллов, 2020). Необходимость разработки целостной системы психологии по-прежнему является важнейшей задачей отечественной психологической науки (Мазиллов, 2017).

Вероятно, Алексей Николаевич Леонтьев был противоречивой фигурой (Зинченко, 2003), что вовсе не удивительно, так как он был живым человеком, причем сыном своего века, человеком своей эпохи. Во временной перспективе заслуги А.Н. Леонтьева оценивались по-разному даже одними и теми же людьми.

Он и сам чувствовал, что все в его жизни сложилось не так, как того хотелось. Нельзя не согласиться с выводом, который делают биографы выдающегося ученого: «Алексей Николаевич прожил длинную и очень насыщенную жизнь, но не ощущал, что реализовался до конца — он проговорился об этом в речи над гробом А.Р. Лурии» (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 134). Приведем фрагмент этого выступления, в очередной раз процитировав книгу А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой: «В стародавнем друге моем — Александре Романовиче — всегда влекли меня к себе три вещи: настоящая, преданная науке устремленность, любовь к труду и удивительное внимание к людям. Учитель, сеятель знаний. И еще — для близких, для друзей. Жизнь Александра Романовича — прекрасная жизнь. Она прекрасна в своей свершенности, Александр Романович! Ты говорил мне: нужно еще успеть сделать и это, и еще это. Последняя твоя забота — издание сочинений Льва Семеновича Выготского. За две-три недели ты сказал: первые тома отданы — *успел...* Да, ты ушел с чувством совершения. Я не мог не сказать об этом. *Увы, я слишком остро чувствую, как горько не иметь права на это чувство*» (Курсив наш — В.М., Ю.С.) (Леонтьев, Леонтьев, Соколова, 2005, с. 135).

Выводы

Не подлежит сомнению, что Алексей Николаевич Леонтьев был превосходным организатором психологической науки, роль и заслуги которого переоценить невозможно. Творчество А.Н. Леонтьева и сама личность будут предметом углубленного анализа отечественных психологов следующих поколений, которые, как представляется, смогут дать объемный портрет классика психологии.

Попытаемся в качестве первого приближения выделить те качества, которые позволили А.Н. Леонтьеву совершить перестройку психологии, превратив ее в сферу современно организованной науки.

1. Искусство стратегически мыслить. А.Н. Леонтьев обладал даром предвидения. В.В. Столин в своих воспоминаниях отмечает, что А.Н. Леонтьев «был человеком, у которого, как мы бы сейчас сказали, есть такое качество, которое в бизнесе называется «*vision*». Предполагается, что бизнес-лидер без *vision*, без видения будущего слаб. А у Алексея Николаевича это умение видеть и предвидеть и действовать в соответствии было очень развито... Это был человек с видением, со стратегией, причем, я бы сказал, государственного масштаба. Эта государственность, она тоже просвечивала через него, для него интересы страны не были пустым звуком» (Столин, 2003, с. 124).

2. Системное видение проблем, способность воспринимать целое, не упуская из внимания детали. Как представляется, в значительной степени успешность начинаний А.Н. Леонтьева связана с тем, что он обладал редким умением учесть все необходимые условия: принять правильное, нужное решение, позволяющее возникнуть новому — это еще не все, важно создать такие условия, при которых это новое выживет и будет развиваться.

3. Для человека, имеющего стратегические цели, важно уметь не останавливаться на полпути, что очень часто требует бесстрашия. Как представляется, он им обладал. Приведем фрагмент из интервью Б.М. Величковского. «Я тогда спросил его: “Алексей Николаевич, какая главная черта Вашей личности?” Он сказал: “Главное, наверное, то, что я ничего не боюсь”. И рассказал, что произошло это после двух событий, случившихся году так в сорок седьмом. “После этих двух эпизодов я не боюсь ничего. У меня нет чувства страха, нет такой эмоции”» (Величковский, 2003, с. 135).

4. Принятие на себя ответственности за развитие психологии в СССР. Вне сомнения, А.Н. Леонтьев был патриотом своей страны.

5. Умение ставить интересы дела выше личных амбиций и устремлений.

6. Искусство дипломатии, умение убеждать в необходимости тех или иных решений.

7. А.Н. Леонтьев был «абсолютным авторитетом». Этот тезис явно нуждается в комментарии. Дадим его. В.Ф. Петренко отмечает, говоря о Леонтьеве: «Он действительно пользовался огромным авторитетом. Пожалуй, со смертью Леонтьева из психологии ушел человек, который имел абсолютный авторитет. Многие имеют авторитет в своей области, и многие являются специалистами, но слово Леонтьева для нас тогда было абсолютной оценкой» (Петренко, 2003, с. 79). Все дело в том, что этот авторитет был всеобъемлющим: от студента-неофита до чиновника со Старой площади и функционера из ЦК КПСС. Авторитет лидера давал *свободу*, значимее которой не было ничего. «Я думаю, что все в его жизни было подчинено науке. Сейчас для очень многих психологов, для подавляющего большинства наука — это работа, карьера. Форма добывания денег. Мне кажется, что они (Леонтьев, Лурия и др. — В.М., Ю.С.) могли буквально болеть какой-нибудь методологической проблемой, это целиком заполняло их существо. Сейчас это редкость. И надо понять еще такую вещь: факультет психологии являл собой в каком-то смысле островок либеральный, островок свободомыслия, насколько это было возможно

в то время, и был гораздо более свободомыслящим, чем, к примеру, Институт философии. Не случайно наиболее интересные философы, такие как Ильенков, Мамардашвили, стремились работать на факультете психологии. Леонтьев, будучи очень тонким политиком, умудрялся за своей широкой спиной обеспечить свободу творчества очень многим людям» (Петренко, 2003, с. 92).

Конечно, список качеств А.Н. Леонтьева можно было бы продолжить. Не станем этого делать, предоставив будущим авторам возможность создать объемный портрет выдающегося отечественного психолога Алексея Николаевича Леонтьева — *созидательной личности*.

Литература

А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой (отв. редактор), О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Величковский Б.М. Только следование элементарным принципам научного мышления вернет всё на какие-то нормальные рельсы // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 132–161.

Ждан А.Н., Иванников В.А. Алексей Николаевич Леонтьев — организатор и первый декан факультета психологии (1966–1979) // Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова: К 50-летию основания (1966–2016) / науч. ред. А.Н. Ждан. М.: Изд-во Московского университета. 2018. С. 38–56.

Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю. Совецание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 71–80.

Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. № 2. С. 57–70.

Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...» // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 162–179.

Зинченко В.П. А.А. Ухтомский и психология // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. М.: РОССПЕН, 2011. С. 230–271.

Зинченко В.П. Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. М.: РОССПЭН, 2011. С. 285–293.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев Д.А. Ему было о чем молчать, и он наверно об очень многом молчал в своей жизни // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 180–198.

Мазиллов В.А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3. С. 122–130.

Мазиллов В.А. Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 6. С. 149–153.

Мазиллов В.А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 5. С. 97–102.

Овчинникова О.В. Мы приходили на факультет, как в родной дом. Это была просто большая семья // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 31–56.

Петренко В.Ф. Психология для него была жизнью // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 78–93.

Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006.

Равич-Щербо И.В. Очевидно, настала пора вернуться к теории деятельности // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 40–59.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во, 1935.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 19–46.

Соколова Е.Е. Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева): дисс. ... д-ра психол. наук. Москва, 2021.

Столин В.В. Чем более фундаментальны исследования, тем быстрее они находят дорогу в практику // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 121–132.

Талызина Н.Ф., Загряжская Е.А., Яковлева А.А. Деятельностный подход еще не реализован... нужно строить психологию действий // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 6–30.

References

A.N. Leontiev and Modern Psychology (Collection of articles in memory of A.N. Leontiev) (1983). In A.V. Zaporozhetc, V.P. Zinchenko, O.V. Ovchinnikova, O.K. Tihomirov (Eds.), Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

Leont'ev, A.A., Leont'ev, D.A., Sokolova, E.E. (2005). Alexei Nikolaevich Leontiev. Activity, Consciousness, Personality. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Leont'ev, A.N. (1975). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Leont'ev, D.A. (2003). He Had Something to Keep Silent About, and He Probably Kept Silent about a Lot in His Life. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1 (2), 180–198. (In Russ.).

Mazilov, V.A. (2017) Psychology: a Look into the Future. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 5 (38), 97–102. (In Russ.).

Mazilov, V.A. (2018). Psychology in the Age of Globalization: Finding Your Own Path. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 6 (39), 149–153. (In Russ.).

Mazilov, V.A. (2020). Biosocial Problem in the Context of the Methodology of Psychological Science. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 3 (41), 122–130. (In Russ.).

Ovchinnikova, O.V. (2003). We came to the faculty as if it were our own home. It was just a big family. *Journal of Practical Psychologist*, 1(2), 31–56. (In Russ.).

Petrenko, V.F. (2003). Psychology was life for him. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychologist)*, 1 (2), 78–93. (In Russ.).

Psychological Activity Theory: Yesterday, Today, Tomorrow (2006). Moscow: Smysl. (In Russ.).

Ravich-Shcherbo, I.V. (2003). Obviously, It Is Time to Return to the Theory of Activity. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 40–59. (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (1973). Problems of Psychology in the Writings of Karl Marx. In Rubinshtein, S.L. *Problems of General Psychology*, (pp. 19–46). Moscow: Pedagogika. (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (1935). Fundamentals of Psychology. Moscow: Gos. uch.-ped. izd.-vo. (In Russ.).

Rubinshtein, S.L. (1940). Fundamentals of General Psychology. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).

Sokolova, E.E. (2021). Stanovlenie i puti razvitiia psikhologii deiatel'nosti (shkola A.N. Leont'eva): diss. ... dokt. psiol. nauk. (Formation and ways of development of the psychology of activity (school of A.N. Leontiev): dissertation). Moscow. (In Russ.).

Stolin, V.V. (2003). The more fundamental research, the faster it finds its way into practice. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1–2, 121–132. (In Russ.).

Taly'zina, N.F., Zagriazhskaia, E.A., Iakovleva, A.A. (2003). The activity approach has not yet been implemented ... we need to build the psychology of actions. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychologist)*, 1 (2), 6–30. (In Russ.).

Velichkovskii, B.M. (2003). Only following the elementary principles of scientific thinking will return everything to some normal track. *Psikhologiya v vuze (Psychology at the University)*, 1(2), 132–161. (In Russ.).

Zhdan, A.N., Ivannikov, V.A. (2018). Alexei Nikolaevich Leontiev — Organizer And First Dean of the Faculty of Psychology (1966–1979). Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University: On the Occasion of the 50th Anniversary of the Founding (1966–2016). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

Zhuravlev, A.L., Mironenko, I.A., Iurevich, A.V. (2018). Psychological Science in the Global World: Challenges and Prospects. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 2, 57–70. (In Russ.).

Zhuravlev, A.L., Stoiuhina, N.Iu. (2022). Meeting on Psychology in 1952 (on the Occasion of the 70th Anniversary). *Psychological Journal*, 5 (43), 71–80. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2003). Yes, a very controversial figure ... *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychologist)*, 1–2, 162–179. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2011). A word about Sergei Leonidovich Rubinstein. Stil'my'shleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovicha Zinchenko (Thinking style: the problem of the historical unity

of scientific knowledge. To the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko). Moscow: ROSSPEN, 285–293. (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2011). A.A. Ukhtomsky and psychology. Stil' my`shleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia. K 80-letiiu Vladimira Petrovicha Zinchenko (Thinking style: the problem of the historical unity of scientific knowledge. To the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko). Moscow: ROSSPEN, 230–271. (In Russ.).

Поступила: 11.01.2023

Получена после доработки: 20.02.2023

Принята в печать: 13.03.2023

Received: 11.01.2023

Revised: 20.02.2023

Accepted: 13.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Александрович Мазилев — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, институт педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Юрий Николаевич Слепко — доктор психологических наук, доцент, декан, педагогический факультет Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, slepko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6768-4652>

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir A. Mazilov — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Institute of Pedagogy and Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Yurii N. Slepko — Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Dean, Pedagogical Faculty, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, slepko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6768-4652>

ОТ ФИЛОСОФИИ К ПСИХОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

УДК 159.9

Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования

В.А. Лекторский

Институт философии Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация

Резюме

Актуальность. В год 120-летия профессора А.Н. Леонтьева представляется значимым еще раз взглянуть на его научное наследие.

Цель. Определить место психологической теории деятельности в советской и российской психологии и философии второй половины XX века.

Результаты. Показано, что теория А.Н. Леонтьева предвосхитила ряд идей популярного сегодня в когнитивной науке интеллектуального движения 4E Cognition, и что некоторые важные положения его деятельностного подхода пока не освоены в современных когнитивных исследованиях. Психологическая теория деятельности сопоставлена с концепцией социального конструкционизма в психологии, в этой связи выявлены преимущества теории А.Н. Леонтьева. Намечены пункты дальнейшего возможного развития психологической теории деятельности.

Выводы. В работах А.Н. Леонтьева основательно осмыслена и раскрыта проблематика деятельности, действия, конструирования, культурно-исторического опосредствования деятельности. Теория деятельности существенно определяет настоящее психологической науки и дает возможность наметить стратегию ее будущего развития.

Ключевые слова: деятельность, сознание, личность, когнитивная наука, 4E Cognition, эпистемологический реализм, типы реальности, конструктивизм, социальный конструкционизм, общение, пантехнологизм, искусственная личность.

Для цитирования: Лекторский В.А. Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

FROM PHILOSOPHY TO PSYCHOLOGY OF THE FUTURE

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

Psychological Theory of Activity by A.N. Leontiev and Current Cognitive Studies

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian
Federation

Abstract

Background. In the year of Leontiev's 120th anniversary it is important to look again at his scientific heritage.

Objective. The article aims to define the place of psychological theory of activity in the Soviet and Russian psychology and philosophy of the second half of the 20th century.

Results. It is shown that Leontiev's theory predetermined a number of ideas of the intellectual movement 4E Cognition popular now in cognitive science. However, some important ideas of Leontiev are not yet utilized in modern cognitive research. The psychological theory of activity is compared with the concept of social constructionism in psychology, and in this respect the advantages of Leontiev's theory are revealed. Possible areas for further development of the psychological theory of activity are outlined.

Conclusion. Leontiev's theory of activity thoroughly comprehends the problematics of activity, action, construction, and cultural-historical mediation of activity. This theory essentially defines the present of psychological science and makes it possible to outline a strategy for its future development.

Keywords: activity, consciousness personality, cognitive science, 4E Cognition movement, epistemological realism, types of reality, constructivism, social constructionism, communication, pantechnologism, artificial personality

For citation: Lektorsky, V.A. (2023). Psychological Theory of Activity by A.N. Leontiev and Current Cognitive Studies. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>

Психологическая теория деятельности и деятельностные подходы в отечественной психологии и философии

В поздние советские годы разработанная Алексеем Николаевичем Леонтьевым психологическая теория деятельности воспринималась большинством отечественных психологов не просто в качестве одной из концепций, но как обширная программа научных исследований, стратегия познавательного поиска. Теория А.Н. Леонтьева опиралась на культурно-историческую теорию психических процессов классика нашей и мировой психологии Л.С. Выготского и может быть понята как способ развития этой теории в определенном направлении. Разрабатывая свою теорию, А.Н. Леонтьев обобщил концептуальные и экспериментальные результаты, полученные в предшествующие годы им самим и его коллегами. Вместе с тем его теория исходила из определенных философских положений. И не только исходила, но претендовала на их дальнейшую разработку. Речь шла о фундаментальных философских проблемах, которые относятся к пониманию человека, его места в мире, природы сознания, проблеме «Я» и др. (Леонтьев, 1975). Иными словами, теория Леонтьева — не просто психологическая, но философско-психологическая. Недаром она вызвала огромный интерес у наших философов.

Нужно сказать, что во второй половине XX века проблематика деятельности в связи с исследованием познания и сознания (т.н. деятельностный подход) была весьма популярна в отечественной философии. Мне приходилось писать об этом (Лекторский, 2012). Ряд наших философов (Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, В.С. Швырев, автор этих строк и другие) взаимодействовали с самим Алексеем Николаевичем, а также с его соратниками и учениками (П.Я. Гальпериним, В.В. Давыдовым, В.П. Зинченко и др.).

Общий смысл психологической теории деятельности Леонтьева и разрабатывавшихся отечественными философами деятельностных подходов был в попытке преодоления резкой оппозиции субъективного и объективного, внешнего и внутреннего мира, оппозиции, из которой исходила, по сути, вся европейская философия, психология и другие науки о человеке на протяжении нескольких столетий после Декарта. Принятие этой оппозиции определяло понимание как субъективности, так и внешнего мира, то есть влияло на исследовательские программы в науке, особенно в науках о человеке. Второй смысл психологической теории деятельности был связан с попыткой понимания творческой природы человека, дающей возможность выхода за пределы любой наличной ситуации.

Между тем в 1990-е гг. прошлого века, после исчезновения Советского Союза и отказа в нашей стране от марксизма как официальной идеологии, среди некоторых отечественных философов и психологов (в том числе среди тех, кто ранее эти подходы разделял) началась критика деятельностных идей, включая и психологическую теорию деятельности Леонтьева.

Критика психологической теории деятельности в отечественной литературе

Против деятельностных подходов в философии и психологии были выдвинуты в начале 1990-х гг. по крайней мере два обвинения (см. обзор: Лекторский, 2001).

Первое из них состояло в том, что теории деятельности некритически воспринимают идеи Маркса относительно человеческой практики и поэтому устарели — так же, как и весь марксизм (а о психологической теории деятельности говорили, что она якобы была просто способом приспособиться к официальной советской идеологии).

В действительности эта критика была совершенно несостоятельной. И вот почему.

Дело в том, что Маркс предложил лишь один из вариантов деятельностного подхода, правда, такой, который исторически оказался плодотворным для наук о человеке. При этом мысли Маркса о деятельности, практике могут быть поняты лишь в контексте развития немецкой философии начала XIX столетия — начиная с Фихте и кончая Гегелем, наследником которой он был. Уже Фихте развивал идею о том, что субъект определяет себя лишь через деятельность объективации, через создание такого предмета, который внешне противостоит субъекту и вместе с тем является единственно возможным способом конституирования самого субъекта. Эта идея потом развивалась в немецком неокантианстве начала XX века. Последнее повлияло на философское и психологическое творчество нашего выдающегося философа и психолога С.Л. Рубинштейна, который еще в начале 1920-х гг. писал о том, что субъект не стоит «за» своими деяниями, не в них выражается и проявляется, а в них порождается — такое понимание деятельности потом помогло ему ассимилировать идеи Маркса и сформулировать известный принцип единства сознания и деятельности.

При этом деятельностная проблематика развивалась в XX веке и в иных концепциях, например, в таких, как философия языковых

значений позднего Л. Витгенштейна, как феноменологический экзистенциализм Ж.-П. Сартра, как теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и др. И это делалось тоже в связи с попытками снятия декартовской абсолютной оппозиции субъективного и объективного.

Поэтому разработка деятельностной проблематики в отечественной психологии и философии во второй половине XX века была не выражением интеллектуального сектантства, а наоборот, свидетельством того, что наши выдающиеся ученые прекрасно уловили глубинные тенденции развития мировых наук о человеке.

Второе обвинение деятельностных подходов, бывшее популярным в 1990-е гг., связано с приписыванием им пагубного антропоцентризма и технократизма. Якобы эти подходы претендуют на разработку способов тотально контролировать природные и социальные процессы, а подобная установка, считали критики, ведет, с одной стороны, к пониманию природы в качестве простого ресурса человеческой деятельности, идее безграничной ее «переделки», покорения, а с другой — к установке на проектирование социальных процессов, а возможно, и самого человека, в результате чего мы имеем, с одной стороны, переживаемый человечеством экологический кризис, а с другой — манипуляцию людьми в технократическом обществе, особенно в обществе советского типа.

Надо сказать, что существуют разные понимания деятельности. Она, в самом деле, может быть интерпретирована как установка на переделку всего на свете, но может быть осмыслена и в рамках представлений о сложных взаимодействиях искусственных процессов, запущенных человеком, с процессами естественными: как природными, так и социальными — последние можно считать квази-естественными, так как они, будучи результатами человеческой деятельности, приобретают силу объективности и стихийности. К тому же уже тогда появились идеи относительно возможности на основе науки вмешиваться в биологическую природу человека, а также и в природные процессы. А это делало деятельностную проблематику весьма актуальной.

Но сегодня отношение к этой теме в целом и к тем деятельностным концепциям, которые развивались в отечественной психологии и философии, в частности, в психологической теории деятельности Леонтьева, становится важным в чрезвычайной степени. И это связано прежде всего с бурным развитием когнитивных исследований, иногда называемых когнитивной наукой, включающихся в междисциплинарное движение, в рамках которого взаимодействуют такие

дисциплины, как разработка систем искусственного интеллекта, когнитивная психология, наука о мозге (когнитивная нейронаука), лингвистика и философия.

Психологическая теория деятельности и когнитивная наука

Когнитивная наука за последние 40 лет прошла несколько стадий развития, на разных стадиях в ней доминировали различные концепции когнитивных процессов. Сначала это был функционализм и связанные с ним теории о существовании врожденного «языка мысли», посредством которого мозг перерабатывает информацию из внешнего мира. При подобном понимании связь познающего агента с внешним миром, будет ли это человек или иное живое существо, ограничивается тем, что внешний мир лишь дает некий толчок на органы чувств, а в дальнейшем мозг работает по собственным правилам и строит модель мира на их основе. Иными словами, мозг имеет дело только с тем, что имеется у организма внутри и не имеет прямого доступа к внешней реальности. По сути дела, эта концепция была не чем иным, как воспроизведением в новой форме старой декартовской дихотомии двух миров. Один из главных теоретиков подобного понимания познания и сознания философ Дж. Фодор сформулировал идею «методологического солипсизма» как генеральную стратегию когнитивных исследований. Потом в когнитивной науке стали популярными коннекционистские представления, воскрешающие в новом виде представления философского сенсуализма и психологического ассоционизма.

Сегодня быстро набирает популярность другая концепция, получившая название 4E Cognition, что расшифровывается как Embodied (телесно воплощенное), Embedded (вписанное во внешнюю среду), Enacted (включенное в деятельность), Extended (расширенное) познание (The Oxford Book of 4 E Cognition, 2018). Идея телесной воплощенности означает, что познающее существо не просто получает информацию на основе воздействия внешнего мира на органы чувств, а активно взаимодействует с миром посредством своего тела и своих конечностей. Информация не просто «дается», а извлекается из мира познающим существом посредством активных действий. Что же касается человека, то он не просто активно взаимодействует с миром, но «расширяет» способы этого взаимодействия, создавая особые предметы-посредники, начиная с орудий труда и кончая языком, культурными артефактами и сложными техническими устройствами. Бросается в глаза, что такое понимание познания и сознания имеет

сходство с тем именно пониманием, которое было разработано Леонтьевым и которое мы называем культурно-деятельностной концепцией. Действительно, точки соприкосновения принципиальных установок 4E Cognition и психологической теории деятельности имеют место. При этом в концепции Алексея Николаевича были предвосхищены некоторые идеи, которые стали потом популярны в когнитивных исследованиях.

Это, например, касается истолкования восприятия в психологической теории деятельности как не просто результата воздействия внешнего мира на органы чувств (как образа), а в качестве активного вычерпывания информации из предметного мира, то есть как процесса. По сути дела, это те же самые идеи (восприятие как извлечение информации и принципиальное различие стимуляции и процесса восприятия, включение в последнее внешних действий), которые с легкой руки американского психолога Дж. Гибсона стали одним из краеугольных камней современного подхода 4E Cognition (Гибсон, 1988).

Как подчеркивал Леонтьев, деятельность и отдельные действия, которые включаются в деятельность — это не просто набор реакций и не простые изменения во внешнем окружении. Деятельность предметна, то есть считается с характером той реальности, по отношению к которой разворачивается. Психологическая теория деятельности, таким образом, противостоит эпистемологическому конструктивизму, считающему, что познаваемая реальность является не чем иным, как конструкцией самого субъекта. Между прочим, теория Дж. Фодора о врожденном «языке мысли» была выражением именно такой конструктивистской позиции в когнитивной науке (Fodor, 1980). Подход 4E Cognition так же, как и психологическая теория деятельности, исходит из реалистической эпистемологической установки, в советские годы это понималось как соединение деятельностного подхода с теорией отражения. По моему глубокому убеждению, такая методологическая позиция как раз определяет наиболее плодотворный путь современных когнитивных исследований.

Понимание познания как «расширенного» в движении 4E Cognition, признание роли культурных артефактов в познавательных процессах и в процессе формирования сознания, конечно, есть не что иное, как воспроизведение идей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. Недаром многие теоретики этого движения ссылаются как на

Выготского, так и на деятельностные концепции в советской психологии (Clark, 1997).

Развивавшаяся Леонтьевым идея о том, что сознание не есть нечто изначально данное, что оно, как и личность с присущим ей субъективным миром и с центрацией вокруг «Я» и системы личностных смыслов, есть результат включения в деятельность и в определенном смысле возникает и строится в этом процессе, сегодня разделяется множеством исследователей когнитивных процессов.

Вместе с тем мне представляется, что ряд плодотворных идей Алексея Николаевича, развитых в его психологической теории деятельности, до сих пор не востребован в полной мере в современных когнитивных исследованиях. Я имею в виду прежде всего его концепцию сложной структуры деятельности, различение им деятельности, определяемой мотивами (сознаваемыми или несознаваемыми), действий, исходящих из сознаваемых целей, и операций, подчиненных осуществлению задач. В рамках современного энактивизма (как одного из компонентов 4E Cognition) в основном исследуются действия (иногда даже просто отдельные телесные движения) безотносительно к тому, в какого рода деятельность они включены (Noë, 2004). Конечно, такого рода исследования имеют смысл (и в нашей стране некоторые психологи считали даже, что предметом психологического изучения как раз могут быть только действия, но не деятельность). Но в этом случае отдельные когнитивные функции изучаются вне их связи с формированием субъективного мира личности. А это значит, что понимание как смысла самих этих функций, так и проблемы формирования личности будет существенно затруднено. Думаю, что в ближайшем будущем когнитивные исследования будут осваивать и этот пласт идей А.Н. Леонтьева.

Современные проблемы теории деятельности

Теперь я хотел бы сказать о некоторых философских и психологических проблемах, которые возникают в современных когнитивных исследованиях и решение которых предполагает дальнейшее развитие деятельностного и культурно-исторического понимания познания и сознания.

Первая из них связана с телесно-воплощенным подходом в понимании познания как необходимым компонентом современного когнитивного движения 4E Cognition.

Дело в том, что с точки зрения этого подхода деятельность выделяет в мире такие его особенности, которые существенны именно

для того или иного типа познающих существ. Это выделение зависит от размеров и других особенностей тела познающего и его потребностей. В одном мире живет таракан, в другом собака, в третьем человек. Поэтому нужно различать мир физический (познаваемый науками о природе) и мир окружающий то или иное познающее существо — это одна из основных идей Дж. Гибсона. Казалось бы, телесно-ориентированный подход как современная форма деятельностного подхода в когнитивной науке и утверждение психологической теории деятельности о познании реального мира таким, каков он есть, противоречат друг другу. В этой связи возникает проблема взаимоотношения разных подобных миров, вопрос о возможности или невозможности взаимодействия между существами, живущими в этих разных и кажущимися несоизмеримыми реальностях. Эта проблема сегодня обсуждается в современной философии. Я думаю, что это действительно важная проблема и что ее решение предполагает развитие представлений о реальности, разработку идей о ее уровнях и типах. В любом случае развитие таких представлений — это не отказ от эпистемологического реализма и от психологической теории деятельности, а новый этап их разработки: обоснование идеи о том, что выявление того или иного типа реальности связано с типом осуществляемой деятельности. При этом нужно исходить из того, что отношение человека к миру не ограничивается особенностями его тела и потребностей: он «выходит» за свои телесные границы и создает мир искусственных предметов и может понять отношение различных миров между собой в их специфике. И эти миры не являются взаимно непроницаемыми. Человек взаимодействует и с насекомыми, и с собаками и кошками, а все живые существа взаимодействуют друг с другом. К тому же все эти миры не что иное как «подмиры» единого мира. Я называю такое понимание конструктивным или деятельностным реализмом (Lektorsky, 2017). Мне представляется, что в разработке этой проблематики могут оказаться стимулирующими идеи Леонтьева относительно генезиса психики (Леонтьев, 1959).

Другая проблема связана с пониманием взаимоотношения деятельности и общения.

Дело в том, что еще при жизни А.Н. Леонтьева ряд психологов и философов высказывались о том, что нельзя все психические процессы понять на основе психологической теории деятельности, что, например, невозможно свести к деятельности такую важнейшую особенность человека, конституирующую его личность, как общение. Об этом писал С.Л. Рубинштейн, который когда-то ввел деятель-

ностную тематику в отечественную психологию, об этом же говорили психолог Ю.Ф. Ломов и философ Г.С. Батищев. Они обращали внимание на то, что нельзя свести субъект-субъектное отношение к субъект-объектному, а деятельность с их точки зрения может быть лишь отношением к объекту. На это сторонники деятельностного подхода (в частности, сам А.Н. Леонтьев, а из философов прежде всего Э.В. Ильенков) отвечали так. Но почему же деятельность нужно понимать только как трансформацию неодушевленных вещей? Деятельность — это изменение реальностей разного типа, в том числе реальности межлических отношений, она может быть достигнута и с помощью коммуникации. Поэтому общение, коммуникация — это деятельность, хотя особого рода. Вместе с тем важно иметь в виду, что познавательное и деятельное отношение человека к миру изначально предполагает коммуникацию, ибо человек имеет дело с миром лишь через посредство особого рода предметов, сделанных другими людьми. Пользование такими предметами необходимо включает общение с другими. Наконец, любой акт коммуникации имеет смысл только в рамках более широкой системы деятельности. Это был убедительный ответ. Но мне все же представляется, что в варианте психологической теории деятельности, разработанном Леонтьевым, был недостаточно учтен момент специфики деятельности в случае межлических отношений.

Дело вот в чем. Есть такие типы коммуникации, которые могут быть до конца поняты в рамках концепции деятельности как субъект-объектного отношения. Но ведь отношение к другому человеку может быть разным. Конечно, можно к нему относиться просто как к объекту воздействия. Если я отдаю другому приказы и распоряжения, воздействую на него с помощью технологии пиара, манипулирую его сознанием (сегодня это делается с помощью средств массовой информации, телевидения, интернета и т.д.), то такого рода коммуникация вполне может быть понята в привычных рамках деятельности: мотив, цель, задача, действия, операции и т.д. Современные информационно-коммуникационные технологии используются именно таким образом. Сегодня немало энтузиастов социального манипулирования считают, что будущее человека и общества связано со все большим распространением такого рода технологий, а то, что касается личного свободного выбора и основанного на нем поступка, скоро станет анахронизмом.

Но ведь наряду с существующими и все более распространяющимися отношениями социального манипулирования людьми есть

и другого рода межчеловеческие отношения. При этом последние как раз играют особую роль в социальной жизни с точки зрения их ценностной значимости. Я имею в виду отношение к другому не как к объекту моих воздействий, а как к другому субъекту, похожему на меня в принципиальном отношении (Кант сказал бы: отношение к другому не как к средству, а как к самоцели). Иными словами, речь идет о ситуации морального поступка, имеющего смысл только в отношении другого субъекта, то есть о ситуации деяния в терминологии раннего С.Л. Рубинштейна. Речь идет о понимании другого: не о воздействии на него, не о его изменении, не о манипуляции им, а именно о понимании таким, каков он есть. Это бывает необходимо во многих житейских случаях, включающих совместную деятельность или совместную жизнь. В этих случаях коммуникация имеет особый характер — можно назвать ее общением, в отличие от других форм коммуникации. При общении особую роль играют эмпатия (вчувствование в другого, попытка поставить себя на его место) и диалог, о котором так много писал М.М. Бахтин: «я для себя», «я для другого», «другой для меня» и т.д. Эмпатия и диалог не могут быть запрограммированы и технологизированы. Конечно, можно сказать, что в процессе диалога и взаимного понимания с каждым из участников этого процесса происходят изменения. Это верно и неизбежно. Но это не есть субъект-объектная деятельность, ибо в этом случае изменения происходят незапланированным образом. Их нельзя проектировать. Обычный процесс деятельности контролируем и управляем тем, кто его осуществляет. Пониманием, диалогом, творчеством, любовью нельзя управлять, их нельзя контролировать и предсказывать их результаты. Можно создавать для них благоприятные условия, то есть «направлять». Но не управлять. Это то, что есть человеческого в человеке, в отличие от замышляемого некоторыми теоретиками искусственного «постчеловека». Верно, что субъект — это продукт самосозидания. И об этом хорошо писал Леонтьев. В самом деле. Я строю себя своими действиями и прежде всего моральными поступками. Популярный сегодня нарративный подход в философии и психологии интерпретирует субъекта, «я», личность как совокупность сконструированных нарративов (рассказов). Эти нарративы о себе строятся и самим субъектом, и другими людьми, с которыми он взаимодействует. С точки зрения данной концепции получается, что процесс взаимопонимания между двумя людьми — это процесс перестраивания двух разных конструкций, то есть некоторый деятельностный процесс. Я думаю, что нарративы в самом деле играют

важную роль в конструировании субъекта. Однако важный для понимания другого человека процесс эмпатии не сводится к интерпретации нарративов. Главное же в том, что в сам процесс общения встроено сознание того, что не только я воспринимаю и пытаюсь понять другого, но и другой воспринимает и пытается понять меня.

Я думаю, что психологическую теорию деятельности можно и должно расширить, включив в нее осмысление особенностей субъект-субъектных отношений.

В этой связи исключительно важно разрабатывать теорию коллективной деятельности, которую невозможно понять без анализа процессов коммуникации и общения. Это исследование плодотворно начал ученик А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина Василий Васильевич Давыдов. Он показал, что коллективная деятельность — это не расширение деятельности индивидуальной и не простое перенесение особенностей индивидуальной деятельности (с ее взаимоотношениями деятельности, действий и операций) на коллектив. Коллективная деятельность включает взаимную деятельность и взаимные действия. Взаимодействие ее участников может быть понято как коммуникация. В этом случае участники должны постоянно обсуждать некоторые проблемы друг с другом, включаться в диалоги и полилоги, чтобы уметь понять позиции других и в то же время научиться смотреть на себя глазами других, то есть выработать в себе качество саморефлексивности. В исследованиях коллективной деятельности было показано, что процесс интериоризации, изучаемый в психологической теории деятельности, можно понять как индивидуальное присвоение форм коллективной деятельности (Давыдов, 1996). Очень перспективно изучение совместной деятельности, разрабатываемое сегодня В.В. Рубцовым и другими нашими психологами (Рубцов, 2008).

Наконец, одна из важных «точек роста» психологической теории деятельности связана с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий и с глобальной цифровизацией жизненных процессов. Сегодня ряд теоретиков формулируют следующее понимание человека и общества, основанное на понимании деятельности как суммы технологий. Психическая жизнь, субъективный мир человека, включая его мышление, сознание и волю, — считают они, — это не что иное, как процесс переработки информации в соответствии с определенной встроенной в мозг программой и по определенным правилам. Взаимодействие человека с другими людьми и социальными институтами — тоже действия по правилам. И сами социальные институты — набор правил. Любые правила могут быть

алгоритмизированы и представлены как вычислительные процессы. А последние могут быть поняты как технологии. Получается, что человек и его мир — это просто набор технологий, некоторые из которых сознательно или бессознательно используют отдельные индивиды, а другие технологии применяются уже по отношению к ним. С этой точки зрения нужно выявить эти стихийно работающие технологии, превратить их в набор цифровых действий и затем сознательно практиковать якобы во благо человека.

Психологическая теория деятельности Леонтьева показывает, что такой утопический проект, к счастью, невозможен. Можно и в ряде случаев нужно автоматизировать отдельные операции и передавать машине их осуществление (Леонтьев в свое время дал толчок отечественным разработкам в области инженерной психологии). Но операции включены в действия, последние в систему деятельности, в основе которой лежат мотивы и личностные смыслы. Последние предполагают наиндивидуальные значения и ценности. А они принципиально не технологизируются, так как не являются простым набором правил. Мне представляется, что в свете современных идей пантехнологизма психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева приобретает особое значение. Разработка этой теории в контексте антропологических вызовов, связанных с глобальной технологизацией и цифровизацией, может идти по линии углубления анализа человеческой субъективности, сознания, личностных смыслов.

Психологическая теория деятельности и социальный конструкционизм в психологии

Сегодня среди ряда философов, психологов, культурологов пользуются популярностью разные конструктивистские концепции, особенно так называемый социальный конструкционизм (Gergen, 1994 и др.) и связанный с ним нарративный подход в философии и психологии (Narrative Psychology, 1986). Некоторые отечественные психологи и философы считают, что именно в конструктивизме более адекватно выражено то, что остается ценным в деятельностном подходе в целом и в психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева в частности. Я, однако, считаю, что социальный конструкционизм, во-первых, в ряде отношений противостоит деятельностному подходу, во-вторых, не может быть перспективной методологией в науках о человеке.

Дело в том, что с точки зрения социальных конструкционистов, при исследовании психики, сознания, человеческой личности мы

имеем дело не с реальными предметами, а лишь с конструкциями двоякого рода. Во-первых, это продукты социальных взаимодействий, разного рода коммуникаций, обладающих культурно-историческим характером. Во-вторых, сам исследователь вместе с тем, кого он исследует, строит изучаемый предмет, который вне этого процесса не существует. То, что принимается за познание, в действительности таковым не является. Психолог и социолог с этой точки зрения в действительности являются не исследователями и учеными, а участниками определенных социальных отношений, создаваемой ими эфемерной социальной реальности, о которой можно говорить лишь в условном смысле, ибо она существует только в рамках конструктивной деятельности. С этой точки зрения в социальной психологии, например, эксперимент как способ получения объективного знания невозможен, потому что экспериментатор и объект его экспериментов (другой человек) вступают друг с другом в коммуникационное взаимодействие, в ходе которого объект исследования принципиально изменяется. Поэтому становится бессмысленным разговор о научной теории при изучении человека.

В социальном конструкционизме есть нечто, что роднит его с культурно-историческим деятельностным подходом, — идея о том, что психика, сознание, личность являются продуктом социальных взаимодействий и коммуникаций и имеют культурно-исторический характер. Сторонники этой концепции ссылаются на Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, на деятельностные разработки отечественных психологов, в частности, на популярную у нас идею о роли «формирующего эксперимента» в психологии, и заявляют о том, что именно социальный конструкционизм является современным развитием идей деятельностного и культурно-исторического подходов. Между тем тезис о том, что исследователь имеет дело не с познанием чего-то реально существующего, а создает исследуемую реальность, принципиально отличает его от психологической теории деятельности. Ведь в действительности любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую выявляет и пытается трансформировать. В то же время реальность актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность.

Сконструированность не обязательно означает нереальность того, что построено. Если «я», личность, идентичность — социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако от этого он не перестает существовать. Можно сказать, что все социальные инсти-

туты есть продукт человеческой деятельности, то есть в некотором смысле конструкции. Но из этого не следует их нереальность. Человек вообще создает такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из-под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью. Это и социальные институты, поэтому можно и нужно изучать их структуры, строить теории о них. Это и субъективный мир человека — предмет психологических исследований, как теоретических, так и экспериментальных. Это и мир идеальных продуктов человеческого творчества, развивающийся по особым законам, хотя и в рамках человеческой деятельности, о чем писал философ Э.В. Ильенков. Эти идеальные предметы до такой степени отделяются от породившего, сконструировавшего их творца, что сегодня многие даже считают бессмысленным ставить вопрос об их авторстве.

Психологическая теория деятельности, по моему глубокому убеждению, гораздо основательнее осмысливает проблематику деятельности, действия, конструирования, культурно-исторического опосредствования деятельности, чем это делает социальный конструкционизм в психологии и других науках о человеке.

Заключение

Психологическая теория деятельности Алексея Николаевича Леонтьева — это не просто интересная страница истории отечественной психологии. Эта теория существенно определяет настоящее этой науки в целом и дает возможность наметить стратегию ее будущего развития.

Литература

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М. ИНТОР, 1996

Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2.

Лекторский В.А. Деятельностные концепции в советской философии и когнитивная наука // Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: Канон, 2012.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1959.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

Рубцов В.В. Социально-генетическая психология развивающегося образования. М.: МГППУ, 2008.

Clark, A. (1997). *Being There: Putting Brain, Body and the World Together Again*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Fodor, J. (1980). Methodological Solipsism considered as a research strategy in cognitive psychology. *Behavioral and Brain Sciences*, 3, 63- 110.

Gergen, K. (1994). *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Mass.: Cambridge.

Lektorsky, V.A. (2017). *Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. Varieties of Scientific realism*. Cham Switzerland: Springer.

Sabrin, T. (1986). *Narrative Psychology*. N. Y.: Praeger.

Noe, Alva (2004). *Action in Perception*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

The Oxford Book of 4 E Cognition (2018). Eds, In A.Newen, L.de Bruin, S. Galagher. Oxford: Oxford University Press.

References

Davydov, V.V. (1996). *Theory of developing education*. М.: INTOR. (In Russ.).

Fodor, J. (1980). Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Psychology. *Behavioral and Brain Sciences*, 3, 63- 110.

Gergen, K. (1994). *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Mass.: Cambridge.

Clark, A. (1997). *Being There: Putting Brain, Body and the World Together Again*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Gibson, J. (1988). *Ecological Approach to Visual Perception*. М.: Progress publishers. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2001). Activity Approach: Death or Revival? *Voprosy filosofii (Questions of philosophy)*, 2. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2012). Activity Concepts in the Soviet Philosophy and the Cognitive Science. (Eds.), In Lektorsky V.A. *Philosophy, Cognition, Culture*. М.: Kanon plus publishers. (In Russ.).

Lektorsky, V.A. (2017). *Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. Varieties of Scientific Realism*. Eds. by Agazzi Evandro. Cham Switzerland. Springer

Leontiev, A.N. (1959). *The Problems of the Development of Psyche*. М.: Russian Academy of pedagogical sciences publishers. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1975). *Activity, Consciousness, Personality*. М.: Politizdat publishers. (In Russ.).

Noe, Alva (2004). *Action in Perception*. Mass.: Cambridge, MIT Press.

Rubtsov, V.V. (2008). *Social-Genetic Psychology of Developing Education*. М.: Moscow Psychological and Pedagogical University press. (In Russ.).

Sabrin, T. (1986). *Narrative Psychology*. Eds. by T. Sarbin. N. Y., 1986.

The Oxford Book of 4 E Cognition (2018). (Eds.), In A.Newen, L.de Bruin, S. Galagher. Oxford, Oxford University Press.

Поступила: 05.03.2023

Получена после доработки: 15.03.2023

Принята в печать: 04.04.2023

Received: 05.03.2023

Revised: 15.03.2023

Accepted: 04.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Александрович Лекторский — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, v.a.lektorski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Lektorsky — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Education, Principal Researcher, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, v.a.lektorski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8496-7814>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-17>

УДК 159.99

Взлет и трагедия А.Н. Леонтьева: сквозь марксизм к звездам

В.М. Аллахвердов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Резюме

Актуальность. Статья написана к юбилею выдающегося ученого. В ней рассматривается парадоксальность творческого пути А. Н. Леонтьева. Он остро чувствовал масштаб стоящих перед психологией нерешенных проблем. Талантливый экспериментатор, увлеченный конкретными эмпирическими явлениями, он сам тем не менее старался и призывал своих учеников развивать психологию «не в куст, а в ствол». Однако несколько избыточно обрамлял свои творческие идеи философскими построениями.

Цель. В статье концепция Леонтьева не обсуждается, однако показывается, что при всех своих достоинствах она, вопреки попыткам ее создателя, не посредственно не выводима из философских построений и не может быть ими обоснована. Леонтьев сам чувствовал трагическую недосказанность и незавершенность своих взглядов. А поскольку, к тому же, должен был приспособливаться к официальной идеологии, то вынужденно пользовался эзоповым языком при изложении своей концепции.

Результаты. Бедой лично для А.Н. Леонтьева стало его излишнее и притом искреннее увлечение философией марксизма. Это тем не менее обернулось счастьем для советской психологии, так как позволило ему защитить молодую науку в стране, где марксизм признавался единственно верным учением, а все остальные взгляды подвергались остракизму.

Выводы. Организаторский талант и увлеченность наукой А. Н. Леонтьева способствовали появлению мощной исследовательской школы, славной его блестящими учениками и последователями. То, что школа А.Н. Леонтьева не только продолжает существовать, в какие бы самые разные стороны она ни взлетала, но и продолжает оказывать огромное влияние на отечественную психологию — показатель подлинного величия ее основателя.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, философия, психология, марксизм, деятельностный подход.

Информация о финансировании. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01242 «Квантование поступающей информации на дискретные единицы в процессе ее осознания»).

Для цитирования: Аллахвердов В.М. Взлет и трагедия А. Н. Леонтьева: сквозь марксизм к звездам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. С. 84–98. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-17>

THEORETICAL REFLECTIONS

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-17>

A.N. Leontiev's rise and tragedy: per marxism ad astra

Viktor M. Allakhverdov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

Relevance. The article is written in honor of the anniversary of the outstanding scientist. It examines the paradoxical nature of Leontiev's creative path. He keenly felt the scale of unsolved problems facing psychology. A talented experimentalist, fascinated by concrete empirical phenomena, not only did he try it himself but urged his students to develop psychology “not into a forest but into a tree” as well. However, he framed his creative ideas with philosophical constructions somewhat superfluously.

Objective. Leontiev's concepts are not discussed in the current article, but all their merits are presented. Despite the efforts of their creator, these concepts cannot be directly deduced from philosophical constructions and cannot be substantiated by them. Leontiev was aware of the tragic incompleteness of his own views. Since he had to adapt to the official government ideology, he had to use Aesopian language to deliver his concepts.

Results. Leontiev's problem was his excessive and sincere fascination with the Marxist philosophy. However, it turned out to be a blessing for Soviet psychology since it allowed him to defend the young science in a country where Marxism was recognized as the only true doctrine and all other views were ostracized.

Conclusions. Leontiev's talent for organization and passion for science contributed to the emergence of a powerful research school, famous for its brilliant students and followers. The fact that A.N. Leontiev's school not only endures, in whatever

directions it takes off, but also continues to have great influence on psychology is an indicator of the true greatness of its founder.

Keywords: A.N. Leontiev, philosophy, psychology, Marxism, activity theory.

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (project No. 22-28-01242 “Quantization of incoming information into discrete units in the process of conscious perception”).

For citation: Allakhverdov, V.M. (2023). A.N. Leontiev's Rise and Tragedy: Per Marxism Ad Astra. *Lomonosov Psychology Journal*, 4, 84–98. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-17>

А.Н. Леонтьев влюбился в психологию в разгар послереволюционной эйфории. Многие, ранее казавшееся невозможным, становилось реальным. «Все мое поколение, — напишет позднее А.Р. Лурия (Лурия, 1982, с. 5) — было проникнуто энергией революционных изменений». Молодой Леонтьев (еще «пустой» как психолог — так он сам себя в то время оценивал (Леонтьев А.А., 2003)) подпадает под обаяние искрометного Л.С. Выготского, вдохновленного литературой, театром и идеями К. Маркса. Выготский никогда не рассматривал марксизм как догму. Он искренне увлекся им задолго до превращения марксизма в официальную идеологию, вздохнул читая К. Маркса еще до революции в нелегальных изданиях. Психолог, — утверждал Выготский (Выготский, 1982, т. 1, с. 365), — всегда философ, конечно, если он не техник, не регистратор, а исследователь. Строить научную психологию, согласно Выготскому, — это и значит строить марксистскую психологию.

Этот взгляд на философию и марксизм, не предчувствуя беды, с энтузиазмом принимает Леонтьев. Он искренне верил: «вклад марксизма в психологическую науку несопоставим по своему значению с самыми крупными теоретическими открытиями, сделанными в психологии как в домарксистский период ее развития, так и после Маркса» (Леонтьев, 1975, с. 19). Беда была в том, что Маркс хоть и был весьма глубоким философом, но никогда не претендовал на статус психолога, не создавал психологической теории. Создать психологию, опираясь только на положения марксизма, невозможно. Вообще рациональные философские системы (а к ним, несомненно, относится марксизм) всеохватны, они исходно строятся так, чтобы быть спра-

ведливыми для всех явлений, какие только можно помыслить. Их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть эмпирическими фактами. Они важны как исходная позиция, как взгляд на мир, они задают логику анализа явлений. Непосредственно вывести из них экспериментально проверяемые следствия невозможно, поскольку из них должны вытекать любые явления. М.К. Мамардашвили, читавший по приглашению А.Н. Леонтьева лекции на факультете психологии МГУ, даже предлагал запретить обязательное преподавание философии в высших учебных заведениях, поскольку, по его мнению, философия — это не система знаний, а внутренний акт, уникальный личный опыт (Мамардашвили, 1990). К тому же, рациональные конструкции, как любая логическая и математическая система (даже такая хорошо формализованная, как арифметика), всегда неполны. Поэтому и возможны принципиально разные философии.

Стоило с распадом СССР отказаться от марксизма как от «единственно верного учения», как тут же российские психологи почувствовали свободу в поисках других подходов и сбросили с себя марксизм, который, по утверждению А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, был для них всего лишь «черепашьим панцирем» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 370) на теле здоровой советской психологии. В текстах исчезают цитаты классиков марксизма, ранее практически обязательные. О Марксе стали появляться в печати чудовищно уничижительные истории: то Маркс с Бакуниным, попив пивка, бьют камнями фонари на улице; то Маркс, весь покрытый чирьями, пишет «Капитал», чтобы хоть как-то отвлечься от зуда, и т. п. Остроумно заметил А.Г. Асмолов: «Когда-то мы из К. Маркса делали идола, а теперь кричим: “Агу его!”» (Асмолов, 2004, с. 89–90).

Но А.Н. Леонтьев не прикрывался марксизмом. Он искал в марксизме ответы на самые жгучие вопросы. В отличие от многих сегодняшних психологов он понимал, что центральную тайну человеческой психики составляет «само существование внутренних психических явлений, самый факт представленности субъекту картины мира» (Леонтьев, 1975, с. 24). Мучительная тайна! Без ее решения психологию не построишь. Вот ведь ужас: сознание как психологическое явление есть данный каждому непосредственно эмпирически очевидный феномен, но сам факт его существования не имеет теоретического объяснения. Сознание появляется столь же неведь откуда, как джинн из лампы Аладдина (Т. Гексли). «Как материя вообще способна начать думать?» — вопрошал в конце XIX в. великий физиолог Э. Дюбуа-

Реймон. И ответил знаменитым «*ignoramus et ignorabimus*» (не знаем и никогда не узнаем). Не очень обнадеживающе.

Леонтьев нашел ответ у К. Маркса. Маркс писал (мимоходом, в «Капитале»): «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» (Маркс, Энгельс, 1960, т. 23, с. 189). «Ага!» — решил Леонтьев. В структуре человеческой деятельности есть совершенно определенное структурное место, которое занимает сознание как актуально осознаваемое, как содержание, презентующееся субъекту. Это место — цель какого-нибудь действия (Леонтьев, 1975).

Однако однозначно связать феномен сознания с наличием представления о цели не удастся. При осуществлении *любой* деятельности, корректируемой по каналу обратной связи, необходимо представление о желаемом результате — иначе организм (или даже котел парового отопления (Johnson-Laird, 1983)) не узнает, что он уже достиг желаемого. Животные, например, могут целенаправленно идти к водопою, но у них — как считает Леонтьев — нет сознания. Это понимает и сам А. Н. Леонтьев.

Поэтому он дополняет исходную идею еще одним марксистским тезисом — тезисом об определяющей роли труда в антропогенезе: «Историческая необходимость... презентированности психического образа субъекту возникает лишь при переходе от приспособительной деятельности животных к специфической для человека производственной, трудовой деятельности. Продукт, к которому теперь стремится деятельность, актуально еще не существует. Поэтому он может регулировать деятельность лишь в том случае, если он представлен для субъекта в такой форме, которая позволяет сопоставить его с исходным материалом (предметом труда) и его промежуточными преобразованиями. Более того, психический образ продукта как цели должен существовать для субъекта так, чтобы он мог действовать с этим образом — видоизменять его в соответствии с наличными условиями. Такие образы и суть сознательные образы, сознательные представления — словом, суть явления сознания» (Леонтьев, 1975, с. 126).

Трудовая деятельность, — утверждает далее Леонтьев, — есть деятельность с предметом труда, поэтому это предметная деятельность.

Само психическое отражение, сознание, — решает проблему А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1972), — порождается предметной деятельностью субъекта. Сознание возникает, когда структурное место, занимаемое сознанием, наполнится трудовым, предметным содержанием.

Как же так! — восклицают критики. Где же это видано, чтобы предметная деятельность возникала до психики, до сознания? Пишет Б.Ф. Ломов (Ломов, 1984, с. 157–158): «Если, например, на нормальный глаз человека в нормальных условиях воздействует световой поток с длиной волны 575–590 мкм, то он увидит желтый цвет, а не красный или фиолетовый, какие бы сенсорные действия им не выполнялись. <...> Когда человек с нормальным обонянием входит в комнату, имеющую резкий запах, ему не нужно совершать какие-либо перцептивные действия, чтобы возникло соответствующее ощущение...». Поэтому, — приходит к выводу Ломов, — «психический процесс разворачивается изначально не по логике деятельности, а по логике отражения» (Ломов, 1984, с. 157–158). Однако философские утверждения не опровергаются в опыте. Разве нельзя допустить, что младенец вначале автоматически реагирует на резкий запах, а осознанию этого запаха научится лишь позднее в результате предметной деятельности?

У человеческого младенца 2–3 недели жизни наблюдаются имитационные рефлексы (Э. Мельцофф зарегистрировал это даже у младенцев 42 минут от роду). Отец младенца демонстрирует своему ребенку открывание рта или высовывание языка, затем делает нейтральное лицо и вытаскивает соску изо рта младенца. Младенцы в ответ автоматически имитируют эти жесты, например, высовывая свой язык в ответ на высунутый отцом язык (Meltzoff, Moor, 1977; Сергиенко, 2006). Они действуют, хотя обычно предполагается, что у них в сознании еще не сформирована предметность восприятия (Koffka, 1921; Аверин, 2021). Они могут *осознанно* опознать высунутый язык или осознанно высунуть свой? Как решить: они осуществляют предметную деятельность до осознания или нет?

Более правомерно критиковать философский подход Леонтьева с философских позиций. Пишет К.А. Абульханова-Славская (Абульханова-Славская, 1980, с. 325): «Он [деятельностный подход] опирается на упрощенные, статичные и обедненные схемы, которые никак не могут охватить реального многообразия и диалектики развития предмета психологии». В этом подходе, по ее мнению, нивелированы существенные особенности, отождествлены разные качества, не отражена вся сложность и т. п. В общем все «неразрешимо запутано»

(Абульханова-Славская, 1980, с. 97). Представляется, однако, что критика Абульхановой-Славской бьет мимо цели. Она с равным успехом может быть направлена против любой научной теории, будь то теория Ньютона, Дарвина или Сеченова. Б.С. Грязнов (Грязнов, 1982) удачно описывает научную теорию как карикатуру на действительность, которая намеренно выпячивает, подчеркивает отдельные черты, заведомо пренебрегая другими. Все теории упрощают реальность, не имея возможности охватить все многообразие, все взаимосвязи и всю сложность. Это хорошо понимает Леонтьев, советуя ученикам развивать психологию «не в куст, а в ствол».

Нельзя в опыте показать, что Леонтьев прав или неправ. Дело в другом — он непонятен. Прежде всего сам Маркс был не совсем точен: архитектор отличается от пчелы не наличием цели — пчеле эта цель генетически задана, иначе она соту не построит. Однако пчела строит только соту, а архитектор может спроектировать и гнездо, и дворец, и стадион, и баню. Наверное, чувствуя эту неточность, А.Н. Леонтьев пишет достаточно туманно.

Он вроде бы разъясняет, почему не все цели презентуются субъекту, то есть даны ему в сознании, а только цели трудовой деятельности: потому что «продукт, к которому теперь стремится деятельность, *актуально* еще не существует». Но что значит «актуальное несуществование»? Продукт не существует в поле зрения субъекта? Но тогда сознанием обладает и зверь, идущий на охоту. Если же речь идет о продукте, который вообще нигде объективно не существует и который порождается действием субъекта, то и в этом случае сознанием должны обладать животные: бобры, например, строя плотину, порождают объект, которого до этого не существовало; белка, пряча орех, перемещает его в пространстве, и орех оказывается там, где его раньше объективно не было. Даже робот, которому задана цель сложить пирамиду из кубиков, создает то, чего, возможно, еще никогда не существовало.

А.Н. Леонтьев развивает им сказанное: сознательные образы должны существовать для субъекта так, чтобы он мог их видоизменять. Значит ли это, что неосознаваемые образы субъект не может видоизменять? Перевод психического образа пищи в моторный образ ее поедания — это не видоизменение образа? Слюноотделение в ответ на условный сигнал — это тоже не видоизменение? Собака, весьма точно предвидящая перемещения зайца, за которым она гонится, тоже никак не видоизменяет образ? Возможно, акцент стоит на слове «*мог*». Тогда предполагается, что субъект сам произвольно

способен видоизменять образ? Если это так, то получается логический круг: поскольку «произвольно» в этом контексте синонимично слову «сознательно», то сказанное эквивалентно утверждению, что сознательные образы отличаются от других психических образований тем, что они сознательны.

Б.Ф. Поршнев критикует подход Леонтьева с другой стороны: «Всмотримся поближе в логическую ошибку, которая постоянно допускается. Берется, например, синхроническое наблюдение Маркса над различием строительной деятельности пчелы и архитектора. Поворачивается в план диахронический: “С самого начала человек отличался от животного тем...”, или “человеческая история началась с того времени, как наши предки стали...” Словом, постоянный атрибут человека и начало истории выводятся друг из друга. Почему, почему, почему, вопиет наука, человек научился мыслить, или изготовлять орудия, или трудиться?» (Поршев, 2007, с. 33).

Ф. Энгельс объяснял возникновение труда прямохождением, которое освободило руки, что и позволило обезьянам начать трудовую деятельность. Однако сам переход к прямохождению уже трудно объяснить — животное должно долго учиться ходить, ему становится труднее убегать от хищников, лазить по деревьям за плодами и т.д. Этот переход воспринимается биологами как «паразитальная картина эволюции, когда животное теряет свои приспособительные черты» (Дубинин, 1977, с. 85). Наконец, другие обезьяны не перешли к прямохождению, не начали трудиться и вроде бы живут припеваючи.

На вопрос: зачем вообще животное продвигается по эволюционной лестнице, если оно попадает там в более жесткие условия борьбы за существование и ему там труднее выжить? — А.Н. Леонтьев дает своеобразный ответ: «Если бы не существовало перехода животных к более сложным формам жизни, то не существовало бы и психики, ибо *психика есть именно продукт усложнения жизни*. И наоборот, если бы психика не возникала на определенной ступени развития материи, то невозможны были бы и те сложные жизненные процессы, необходимым условием которых является способность психического отражения субъектом окружающей его предметной действительности» (Леонтьев, 1972, с. 26). Итак, почему возникает психика? А потому, — отвечает Леонтьев, — что животное перешло к более сложным формам жизни. Но почему животное перешло к более сложным формам жизни? А потому, что у него возникла психика. Безупречный логический круг.

Вся тонкость решения Леонтьева в том, что только первую часть этого круга он набирает *курсивом*. И все! Буквально через абзац после приведенной цитаты он еще раз повторяет сказанное, но уже существеннейшие в ней слова — «и наоборот» — исчезают (вместе с психикой как необходимым условием усложнения жизни), а возникновение психики уже объясняется просто усложнением жизни. Ну а последователи А.Н. Леонтьева уже смело цитировали лишь то, что набрано курсивом (Фабри, 1983, с. 104).

Сказанное не является критикой концепции Леонтьева. Это всего лишь пример того, почему опасно как *выводить* психологическую теорию непосредственно из философских положений, так и *обосновывать* ее этими положениями. А ведь еще Ф. Энгельс предупреждал: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи [т. е. философия — В.А.] становится излишней» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 25). Однако избыточная опора Леонтьева на марксизм имела важные последствия.

«Вождистский» стиль управления в Советском Союзе вел к появлению вождей во всех сферах деятельности. Вождь в науке должен был быть признанным лидером в своей области и хотя бы слегка побитым в процессе репрессий, чтобы чувствовал границы, которые не стоит переходить. Стоит напомнить, что в 1930-е годы Леонтьева в чем только ни обвиняли, даже называли «злым учеником Выготского» (Петренко и др., 2006, с. 97), а потом дали-таки Ленинскую премию. Счастье для советской психологии, что ее вождем стал А.Н. Леонтьев — мощный, харизматичный организатор науки, внесший огромный личный вклад в развитие психологии. В.Ф. Петренко вспоминает: «А.Н. Леонтьев существовал сам и генерировал вокруг себя поле абсолютной включенности в науку, где наука выступала высшей ценностью, а личная жизнь была, скорее, фоном, чем фигурой» (цит. по: Аллахвердов, 2021, т. 6, с. 485). Однако Леонтьеву не разрешили бы стать признанным лидером, если бы он не демонстрировал свою приверженность марксизму, ставшему официальной идеологией государства.

Мне кажется, что в глубине души он все-таки был прежде всего талантливым экспериментатором (в разговоре со мной с этим согласился его сын А.А. Леонтьев). Его работы и рассказы его учеников говорят о его увлеченности конкретными эмпирическими явлениями. Вот пример внимания Леонтьева к эмпирике. При переезде летом на дачу Леонтьев переносил в машину клетку с попугайчиками. Случай-

но, в силу близорукости, он расфокусировал взгляд, направленный на клетку, и обнаружил странную иллюзию: прутья клетки словно провалились вглубь и сфокусировались на более дальнем от наблюдателя расстоянии. Алексей Николаевич сразу же почувствовал парадоксальность этого явления и поручил заняться им выпускнику факультета А.Д. Логвиненко. Так был обнаружен оригинальный феномен, получивший название «эффект лупы» (Леонтьев, 1983, т. 2).

Однако позиция вождя психологии требовала от него не описания эмпирики, а мощных марксистских высказываний. Это само по себе подталкивало его к избыточной философичности своих рассуждений. Он, конечно, искренне верил в то, что писал. Но он знал также, что его тексты проходят отбор и цензуру. «А поэтому, — пишет Е.Е. Соколова (Соколова, 2006, с. 15), — в них оказался искаженным сам “дух” деятельностного подхода в пользу “буквы” — общепринятых официальных установок идеологизированной философии, которая называла себя марксистской, а на самом деле не была таковой». Об этом же, по легенде, говорил сам Леонтьев. «Его как-то спросили: “Алексей Николаевич, почему Вы пишете так сложно, заковыристо, такими длинными фразами, в которые потом очень трудно проникнуть, осмыслить? Почему нельзя проще, прямее, яснее выражаться?” На что он ответил: “В свое время жизнь приучила меня писать так, чтобы нельзя было вырвать фразу из контекста и за нее посадить”» (Леонтьев Д.А., 2003, с. 186).

Думаю, впрочем, не только в этом было дело. Он чувствовал что-то важное, неуловимо ускользающее от него в собственных марксистских текстах. И это также (вкуче с учетом цензуры) во многом определяло некую загадочность его произведений. Там, где он пишет о фактах, он понятен и ярок. Но некоторые его философские конструкции, на мой взгляд, если и поддаются расшифровке, то с превеликим трудом. И отчасти им так и было задумано.

В.П. Зинченко (Зинченко, 2003) цитирует В.И. Аснина, говорившего Леонтьеву: «Одно из двух: ты или сам не понимаешь, а только делаешь вид, что ты понимаешь, или понимаешь, но не хочешь сказать». В.А. Иванников вспоминает, как Леонтьев читал лекции. «Читал он в той же манере, как и писал, — многое оставалось в подтексте, что и создавало проблемы в понимании и лекций, и текстов. У слушателей и читателей возникали две крайности: либо иллюзия полного понимания, либо осознание полного непонимания того, что он говорил или писал» (Иванников, 2013, с. 6). Б.С. Братусь так говорит об этом: «Нельзя сказать, что Леонтьев был блестящим лектором.

Он не блестел, он завораживал» (Братусь, 2003). А вот воспоминание Б.М. Величковского: «То, что Леонтьев пишет в своих текстах, это совсем не то, как он двигает бровями. Вот в движении его бровей, в его улыбке содержится гораздо больше совокупной информации, чем в его текстах» (Величковский, 2003).

Сложилась парадоксальная ситуация: авторитетнейший глава научной школы, окутанный любовью и поддержкой множества талантливых соратников и учеников, тем не менее должен был чувствовать трагическое одиночество. Он осознавал, что никто по-настоящему его не понимает. В 1969 г. на встрече с ближайшими сподвижниками он говорил: «Я до сих пор пользуюсь той системой понятий, которая была мной в свое время предложена в отношении анализа деятельности <...> Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении» (Леонтьев, 1994, с. 247). Поэтому же, наверно, уже смертельно больной, не смог назвать своего преемника на посту декана факультета.

Недосказанность его текстов, их ускользающий подтекст, позволяли понимать их по-разному. Это привело к удивительным результатам. Многие его ученики, продолжая считать себя принадлежащими к школе Леонтьева, создали на основе его текстов свое собственное видение и смогли, оторвавшись от марксистских построений, успешно развивать невероятные для самого Леонтьева направления: трансперсональную психологию, христианскую психологию. А.В. Сурмава формально прав, призывая его учеников: «Если марксизм и атеизм принципиально неприемлемы для вас, то будьте элементарно логичны и отрекитесь от наследия Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева окончательно и бесповоротно. Не кокетничайте своим ученичеством и своей причастностью к их наследию» (Сурмава, 2004, с. 82–83).

Однако думаю, что Сурмава не оценил самого главного. Марксизм был важной эвристикой и для Выготского, и для Леонтьева. Но все же тексты Леонтьева ценны не обилием цитат из Маркса, а созданной им психологической концепцией с ее направленностью на решение фундаментальных проблем. Ученики тянулись к Леонтьеву как к недосягаемой звезде, чувствуя масштаб его личности и его преданность науке. «Он был человеком из какого-то другого мира, Мира Великих Людей», — вспоминал его ученик Ф.Е. Василюк (Василюк, 2003, с. 234). И то, что школа А.Н. Леонтьева продолжает существовать, в какие бы самые разные стороны она ни взлетала, — показатель подлинного величия ее основателя.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Аверин В.А. Психология развития человека: рождение и жизнь. СПб.: СпецЛит, 2021.
- Аллахвердов В.М. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2021. Т. 6.
- Асмолов А.Г. Назад — к методологии психологии // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 89–90.
- Братусь Б.С. Через этих людей мы впервые увидели психологию // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 116–120. URL: http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-bratus.htm#_ftn1 (дата обращения: 25.11.2022).
- Василюк Ф.Е. «Вы понимаете...» // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 232–240.
- Величковский Б.М. Только следование элементарным принципам вернет все на какие-то нормальные рельсы. // Психология в вузе. 2003. № 1–2. С. 132–161. URL: <http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-velich.htm> (дата обращения: 25.11.2022).
- Выготский Л.С. Сочинения. М.: Педагогика, 1982.
- Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982.
- Дубинин Н.П. Биологическое и социальное в человеке // Биологическое и социальное в развитии человека: сборник статей. М.: Наука, 1977.
- Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...»: интервью, 19 ноября 2002 г. / Интервьюеры: Е.Е. Соколова, Е.А. Загряжская // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 162–179. URL: http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1 (дата обращения: 25.11.2022).
- Иванников В.А. Алексей Николаевич Леонтьев — педагог, ученый, руководитель. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 4–10.
- Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. Текст вечерней лекции, 28 мая 2003 года. URL: <http://psy.msu.ru/people/leontiev/> (дата обращения: 25.11.2022).
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1972.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: МГУ, 1994.
- Леонтьев Д.А. Ему было о чем молчать, и он наверно об очень многом молчал в своей жизни // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2. С. 22–28.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. М.: МГУ, 1982.
- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20.

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23.
- Петренко В.Ф. и др. Интервью с профессорами МГУ // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 4. С. 91–109.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. СПб.: Алетейя, 2007.
- Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006.
- Соколова Е.Е. «Буква» и «дух» деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева в решении проблемы интериоризации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. М.: Смысл, 2006. Вып. 2. С. 14–25.
- Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса. // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 71–85.
- Фабри К.Э. Научное наследие А.Н. Леонтьева и вопросы эволюции психики // А.Н. Леонтьев и современная психология. М.: МГУ, 1983. С. 101–117.
- Johnson-Laird, Ph.N. Mental Models. Toward a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, Mass.: 1983.
- Koffka, K. Die Grundlagen der psychischen Entwicklung, Osterwieck am Harz, 1921.
- Meltzoff, A., Moor, M.K. (1977). Imitation of facial and manual gestures by human neonates. *Science*, 218, 179–181.

References

- Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1980). Activity and Personality Psychology. М.: Nauka. (In Russ.).
- Allakhverdov, V.M. (2021). Collected works. Vol. 6. SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Asmolov, A.G. (2004). Backwards — to methodology of psychology. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3, 89–90 (In Russ.).
- Averin, W.A. (2021). Psychology of human development: birth and life. SPb.: Spetslit. (In Russ.).
- Bratus', B.S. (2003). Through these people we saw psychology for the first time. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychology)*, 1–2 (In Russ.). (Retrieved from: http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-bratus.htm#_ftn1) (review date: 25.11.2022).
- Dubinin, N.P. (1977). Biological and Social in Humans. Biological and Social in Human Development: Collection of Articles. М.: Nauka. (In Russ.).
- Fabri, K.E. (1983). A Scientific Heritage of A.N. Leont'ev and Issues of Evolution of Psyche. In A.N. Leont'ev and Contemporary Psychology. (pp. 101–117). М.: MGU. (In Russ.).
- Gryaznov, B.S. (1982). Logic, Rationality, Creativity. М.: Nauka. (In Russ.).
- Ivannikov, V.A. (2013). Alexey Nikolaevich Leont'ev — Teacher, Scientist, Leader. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Lomonosov Psychology Journal)*, 2, 4–10. (In Russ.).

Johnson-Laird, Ph.N. (1983). *Mental Models. Toward a cognitive science of language, inference and consciousness*. Cambridge, Mass.

Koffka, K. (1921). *Die Grundlagen der psychischen Entwicklung*, Osterwieck am Harz.

Leont'ev, A.A. (28 May 2003). *Life and Work Journey of A.N. Leont'ev. A Text of an Evening Lecture*. (In Russ.). (Retrieved from: <http://psy.msu.ru/people/leontiev/>) (review date: 25.11.2022).

Leont'ev, A.N. (1972). *Problems of Psyche Development*. M.: MGU. (In Russ.).

Leont'ev, A.N. (1975). *Activity, Consciousness, Personality*. M.: Politizdat. (In Russ.).

Leont'ev, A.N. (1994). *Philosophy of Psychology*. M.: MGU. (In Russ.).

Leont'ev, A.N. (1983). *Selected psychological works*. In 2 vols. M.: Pedagogy. (In Russ.).

Leont'ev, D.A. (2003). He had a lot to keep to himself, and he did probably keep a lot to himself in his life. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychology)*, 1–2, 22–28 (In Russ.).

Lomov, B.F. (1984). *Methodological and Theoretical Problems of Psychology*. M.: Nauka. (In Russ.).

Luriya, A.R. (1982). *Stages of Path Traveled: A Scientific Autobiography*. M.: MGU. (In Russ.).

Mamardashvili, M.K. (1990). *How I understand Philosophy*. M.: Progress. (In Russ.).

Marx, K., Engels, F. (1960). *Collected Works*. 2-e ed. Vol. 23. M.; Politizdat, (In Russ.).

Marx, K., Engels, F. (1961). *Collected Works*. 2-e ed. Vol. 20. M.; Politizdat, (In Russ.).

Meltzoff, A., Moor, M.K. (1977). Imitation of facial and manual gestures by human neonates. *Science*, 218, 179–181.

Petrenko, V.F. et al. (2006). Interview with Professors of MSU. *Psikhologiya: zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 3 (4), 91–109. (In Russ.).

Petrovskii, A.V., Yaroshevskii, M.G. (1998). *Fundamentals of Theoretical Psychology*. M.: Infra-M. (In Russ.).

Porshnev, B.F. (2007). *On the Beginnings of Human History*. SPb.: Aleteiya. (In Russ.).

Sergienko, E.A. (2006). *Early Cognitive Development. A New Look*. M.: IP RAN. (In Russ.).

Sokolova, E.E. (2006). “Letter” and “Spirit” of the Activity Approach in A.N. Leont'ev's School in Solving a Problem of Interiorization. *Scientific Notes of General Psychology Faculty of MSU*, 2, 14–25. M.: Smysl (In Russ.).

Surmava, A.V. (2004). *Psychological Meaning of a Historical Crisis (An Attempt at Historical Psychoanalysis)*. *Voprosy psikhologii (Issues of Psychology)*, 3. (In Russ.).

Vasilyuk, F.E. (2003). “You understand...”. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychology)*, 1–2, 232–240. (In Russ.).

Allakhverdov, V.M.

A.N. Leontiev's Rise and Tragedy: Per Marxism Ad Astra

Lomonosov Psychology Journal. 2023. Vol. 46, No. 2

Velichkovskii, B.M. (2003). Only Following Elementary Principles Can We Get Back on the Right Track. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychology)*, 1–2 (In Russ.). (Retrieved from: <http://anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-velich.htm>) (review date: 25.11.2022).

Vygotskii, L.S. (1982). Collected works. M.: Pedagogika (In Russ.).

Zinchenko, V.P. (2003). Yes, a very controversial figure... interview, 19 November 2002, by Sokolova, E.E., Zagryazhskaya, E.A. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa (Journal of Practical Psychology)*, 1–2, 162–179. (Retrieved from: http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1) (review date: 25.11.2022). (In Russ.).

Поступила: 30.11.2022

Получена после доработки: 19.12.2022

Принята в печать: 18.03.2023

Received: 30.11.2022

Revised: 19.12.2022

Accepted: 18.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аллахвердов Виктор Михайлович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, vimiall@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6753-0300>

ABOUT THE AUTHOR

Viktor M. Allakhverdov — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor of the Department of General Psychology of Saint-Petersburg State University, vimiall@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6753-0300>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-18>

Вклад общепсихологической теории деятельности в развитие субъектной психофизики

А.Н. Гусев^{✉1}, И.Г. Скотникова²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

² Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская
Федерация

✉ angusev@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется необходимостью обозначить принципиальное значение общепсихологической теории деятельности в развитии психофизики.

Цель авторов — представить результаты своих многолетних теоретических и экспериментальных исследований в русле субъектно-деятельностного и системно-деятельностного подходов как доказательство продуктивности анализа проявлений активности наблюдателя при решении им сенсорных задач.

Результаты. Полученные результаты раскрывают продуктивность и перспективность положений общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева как одной из важных теоретико-методологических основ отечественных психофизических исследований. Подчеркивается принципиальная роль понятия сенсорной задачи как познавательной задачи особого рода. Задачи обнаружения, различения, опознания человеком сенсорных сигналов характеризуются входящими в их состав целями, высоким уровнем неопределенности и поэтому требуют от исследователей содержательно анализировать психологическую структуру соответствующего сенсорного процесса в контексте требований решаемой задачи и в неразрывной взаимосвязи с различными проявлениями и внутренним содержанием активности человека. Значение задачи как цели и условий деятельности субъекта выступило не только в результатах эмпирических исследований, но и в математической модели принятия решения и уверенности человека в задачах порогового типа.

Выводы. Полученные результаты убедительно доказали роль характеристик сенсорной задачи во взаимосвязи с индивидуально-психологическими характеристиками субъекта сенсорных измерений, его функциональными состояниями и рефлексивными переживаниями как важных факторов, обуславливающих выбор способов сенсорной деятельности и ее эффективность.

Ключевые слова: теория деятельности, субъектная психофизика, системно-деятельностный подход, субъектно-деятельностный подход, сенсорная задача, индивидуальные особенности.

Для цитирования: Гусев А.Н., Скотникова И.Г. Вклад общепсихологической теории деятельности в развитие субъектной психофизики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. С. 99–123. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-18>

THEORETICAL REFLECTIONS

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-18>

Psychological Theory of Activity' Contribution to the Development of Subject-Oriented Psychophysics

Alexey N. Gusev^{✉1}, Irina G. Skotnikova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,

[✉]angusev@mail.ru

Abstract

Background and objective. The authors present the results of their theoretical and experimental research in the field of subject-oriented psychophysics, carried out in different years in line with the subject-oriented activity and the system-oriented activity approaches.

The results obtained substantiate the productivity and prospects of the A.N. Leontiev's psychological theory of object activity ideas as one of the important theoretical and methodological foundations of domestic psychophysical research. The principal role of the concept of a sensory task as a cognitive task of a special kind is emphasized. Such tasks of detection, discrimination, and identification of sensory signals by a person are characterized by goals accepted as these tasks' components and by a high level of uncertainty. Therefore, these tasks require re-

searchers to meaningfully analyze the psychological structure of the corresponding sensory process in the context of the requirements of the task being solved and in an inextricable relationship with various manifestations and internal content of human activity. The significance of the task as the goal and conditions of the subject's activity, has appeared not only in empirical research results, but in the mathematical model of decision making and confidence in threshold-like tasks, as well.

Conclusions. The results obtained convincingly prove the role of the sensory task characteristics related with individual psychological peculiarities of a subject of sensory measurements, his (her) functional states and reflective experiences as important factors determining a choice of sensory performance tools, and its effectiveness.

Keywords: psychological theory of activity, subject-oriented psychophysics, subject-oriented activity approach and system-oriented activity, sensory task, individual differences.

For citation: Gusev, A.N., Skotnikova, I.G. (2023). Psychological Theory of Activity' Contribution to the Development of Subject-Oriented Psychophysics. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 99–123. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-18>

Введение

Общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева (1983) и основанные на ней принципы системно-деятельностного и субъектно-деятельностного (базирующегося также на субъектном подходе в психологии (Брушлинский, 2003)) подходов в психофизике стали продуктивными в качестве одной из ведущих теоретико-методологических основ отечественных психофизических исследований. В русле обоих родственных подходов в психофизике изучается принципиальная роль *собственной активности* человека как субъекта решения сенсорной задачи (СЗ).

В рамках системно-деятельностной парадигмы особый акцент ставится на изучении роли условий выполнения СЗ и индивидуально-психологических особенностей наблюдателей как важнейших детерминант эффективности обнаружения, различения и опознания сигналов и изменения во времени соответствующих показателей. Для объяснения психологических механизмов, определяющих и опосредующих эффективность и стабильность сенсорного исполнения, используется общая логика ресурсного подхода, в соответствии

с которым для реализации требований (условий) решаемой задачи привлекаются необходимые ресурсы наблюдателя (Гусев, 2004; 2013).

В ходе реализации субъектно-деятельностной парадигмы в психофизике генеральной детерминантой сенсорного процесса выступает сам субъект, решающий принять задачу, снять или видоизменить ее. Системообразующее значение категории субъекта экспериментально и теоретически раскрыто во *внутреннем содержании его активности* в сенсорных измерениях как *индивидуально-психологической сенсорной деятельности*, структурными компонентами которой являются: сенсорная задача, операциональные средства ее решения, интер- и интраиндивидуальные механизмы выбора этих средств (свойства личности и когнитивные стили, функциональные состояния и рефлексивные переживания), их психофизиологическое обеспечение (рис. 1). Этот подход в психофизике *системно объединяет* на уровне субъекта соответствующие исследования, и потому является субъектно-деятельностным, анализирующим психологическую структуру сенсорной деятельности наблюдателя в неразрывной взаимосвязи с его индивидуальностью (Скотникова, 2002, 2008).

Первая часть этого обзора представлена исследованиями И.Г. Скотниковой с соавторами, вторая — работами А.Н. Гусева и его учеников. То общее, что объединяет эти исследования в одно направление — это теоретико-методологические основания общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, декана факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, студентами которого были оба автора, так же, как и наши психофизики-учителя — М.Б. Михалевская и К.В. Бардин. Основа деятельностной методологии применительно к психофизике заключается в том, что к изучению процессов обнаружения, различения, опознания человеком сенсорных сигналов нужно подходить не как к элементарным сенсорным процессам (то есть на уровне анализа операций), а как к *сенсорному действию* человека (почти забытый, но очень точный термин А.В. Запорожца) (Запорожец и др., 1967). Из этого прямо следует, что при психологическом анализе указанных процессов нужно учитывать их субъектную, то есть многоуровневую и системную детерминацию. В психофизических измерениях влияние переменных, связанных с собственной активностью субъекта, сопоставимо с влиянием стимульных переменных (Гусев, 2013).

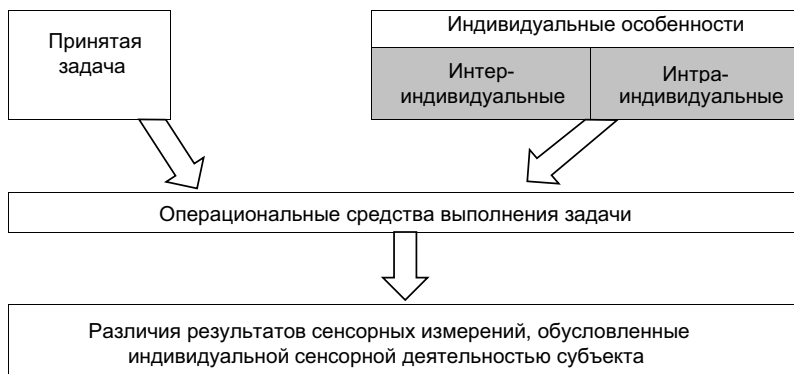

Рис. 1. Компоненты индивидуально-психологической структуры сенсорной деятельности субъекта, опосредующие результаты психофизических измерений

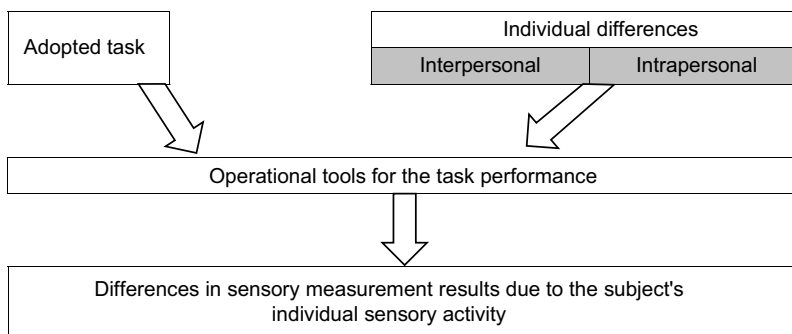

Fig. 1. Components of the individual-psychological structure of the subject's sensory activity that mediate psychophysical measurements' results

Психофизические исследования в рамках субъектно-деятельностного подхода

Роль сенсорной задачи изучалась в зрительно-двигательных экспериментах. Испытуемые вместо традиционной неопределенной инструкции «уравнять стимулы» (наклоны / длины линий) получали три разных уточняющих ее варианта с указанием, какие именно точки зоны неразличения и перехода к различению следует воспроизводить. Тем самым предлагались три разные сенсорные задачи: воспроизводить нижнюю и верхнюю точки, соответствующие ЕЗР (едва заметному различию, т.е. ближайшим к эталону величинам переменного стимула, при которых он воспринимается большим

и меньшим эталона), соответствующую пару точек, соответствующих ЕНЗР (едва незаметному различию, то есть — ближайшим к эталону величинам большего и меньшего переменного стимула, при которых он воспринимается равным эталону) и ТСР (точку субъективного равенства — величину переменного стимула, наиболее точно равную эталону), то есть пять разных характерных точек околопороговой зоны. Все семь испытуемых в опытах с наклонами линий и восемь в опытах с их длинами устойчиво дифференцировали и воспроизводили эти пять точек, которые были статистически достоверно разведены между собой по оси стимулов. Индивидуальные вариации величин припороговой зоны (расстояния между нижней и верхней точками ЕЗР) составили 17–88% от величин эталонов (Скотникова, 1986, 1992, 2008; Михалевская, Скотникова, 1978). Это перекликается с данными Н.А. Гарбузова (1990), который ввел представление о зонной природе перехода от неощущения к ощущению и от неразличения к различению при восприятии музыкальных стимулов.

Сенсорную задачу мы понимаем вслед за А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 1983) как *цель* деятельности субъекта, данную в конкретных условиях. В трех разных сенсорных задачах искомые точки околопороговой зоны выступали как цели деятельности испытуемых, определявшие критерии принятия ими решения (в терминологии теории обнаружения сигнала), а критерии, в свою очередь, — *показатели порога, основанные на среднем значении результатов подравниваний*. Поэтому при использовании классического метода средней ошибки различия средних у разных наблюдателей могут быть следствием не столько различий в уровне их дифференциальной чувствительности, сколько выполнения ими разных сенсорных задач, возможных в рамках традиционной неопределенной инструкции. Наши результаты экспериментально обосновывают сформировавшееся в рамках самой психофизики принципиальное положение о детерминирующей роли задачи, решаемой наблюдателем, в измерениях. Это обозначено еще в работах С. Фернбергера (Fernberger, 1931) и Д. Корсо (Corso, 1963) и развито как задачный подход в отечественной психофизике на основе ее теоретико-методологических позиций (Асмолов, Михалевская, 1974; Бардин, 1976; Забродин, 1976; Забродин и др., 1981; Гусев, 2004; 2013; Скотникова, 2002; 2008).

В литературе отмечалось значение инструкций в психофизических экспериментах (для обзора см. Скотникова, 2008). К нашему исследованию (Скотникова, 1986, 1992) близка работа по субъективному шкалированию громкостей звуков (Sebald, 1991). Каждой из

трех групп испытуемых давалась одна из трех инструкций о том, как проводить шкалирование. Инструкции формировали у испытуемых разное понимание стимуляции во взаимосвязи с задачей (первая инструкция была самой понятной) и разные установки на исполнение. Наименьшая индивидуальная вариативность данных первой группы указывает на необходимость стандартизовать в инструкции связь стимуляции с задачей и исполнением, что формирует у испытуемых однозначное понимание задачи и позволяет корректно сравнивать индивидуальные данные.

В нашей работе специфическими *условиями*, в которых даны цели (искомые точки припороговой области), выступили разные окрестности этих точек, ставшие для испытуемых рабочими зонами, предъявлявшими разные требования к их сенсомоторной деятельности. Судя по характеру воспроизводимых точек и самоотчетов испытуемых, эти участки явились *условиями разной отчетливости зрительных впечатлений*. Наибольшей она была в задаче поиска точек ЕЗР, разделявших впечатления уверенного и неуверенного различия (испытуемые получали в этом случае максимальную зрительную информацию); меньшей — для точек ЕНЗР, разделявших впечатления неуверенного различия и равенства; и наименьшей для ТСР, находившейся в середине зоны неразличения, где зрительная информация минимальна и потому испытуемые использовали кинестезии для выполнения задачи (Скотникова, 1992).

Даже в случае общности задач у наблюдателей различалась операциональная структура деятельности (стратегии и способы уравнивания наклонов линий). Участники разделились на две группы по способности к выработке в ходе опытов рациональных приемов работы. В первую вошли лица, нашедшие эти приемы самостоятельно. Они сформировали и устойчиво использовали четко выраженные сенсомоторные стратегии, специфичные относительно поставленных сенсорных задач и адекватные им: окончательные подходы к точкам ЕЗР из зоны субъективного равенства стимулов (это позволяло остановиться в момент первого, едва заметного различия стимулов), к ЕНЗР — из зоны неравенства (это позволяло остановиться в момент первого, едва заметного, равенства), к ТСР — с неоднократными возвратными движениями между границами зоны неразличения (что обеспечивало наиболее точный поиск середины этой зоны). В самоотчетах этих испытуемых проявилась осознанность различных двигательных приемов в разных задачах, то есть эти приемы носили

характер самостоятельных *действий* (в терминологии А.Н. Леонтьева (1983)) и даже — систем действий (до их автоматизации).

Испытуемые второй группы не выработали определенных сенсомоторных стратегий, их движения были однородными, недифференцированными во всех трех задачах: попеременные повороты регулятора переменного стимула в стороны его увеличения и уменьшения без учета различия задач. Судя по самоотчетам, эти лица неосознанно и случайно использовали приемы поиска, не связывая их с задачами (то есть действовали на уровне *операций*). По данным теста включенных фигур Уиткина, они были более полезависимыми, чем участники первой группы, и потому не склонными переструктурировать свою деятельность при изменении задач в силу своей пассивной привязанности к перцептивному полю, в отличие от полнезависимых, активно взаимодействующих с ним (Witkin, Goodenough, 1982).

Таким образом, в сенсомоторной деятельности выделены *ее структурные единицы: операциональные средства*, индивидуально варьирующие по инструментальному составу и степени рациональности, влияющие на пороговые индексы, *основанные на мерах вариативности*. Более точные (менее вариативные: $\sigma = 40' - 50'$) результаты подравнивания наклонов линий получены у более полнезависимых испытуемых первой группы. Менее точные (более вариативные: $\sigma = 1^\circ - 1^\circ 18'$) результаты показали более полезависимые испытуемые второй группы. Диапазоны значений σ у испытуемых двух групп не перекрываются, что подчеркивает высокую достоверность различий между ними.

Выявленные стратегии выступили как зрительно-двигательные приемы поиска, позволявшие варьировать стимульную информацию, повторять ее и многократно оценивать, соотносить с эталоном и целью в разных задачах, соответственно им дифференцировать сенсорные впечатления и потому успешно использовать их для выполнения задач. Эффективные операциональные средства явились механизмом актуализации резервных возможностей сенсорной системы, компенсирующих острый дефицит стимульной информации в пороговых задачах. То есть задача и операциональные средства ее решения явились важнейшими структурными компонентами сенсорной деятельности наблюдателя, их значительный вклад в пороговые показатели был определен качественно и количественно.

Выявленное значение для результатов сенсорной деятельности *ее внешних операциональных средств* и роли в них когнитивно-стилевых факторов перекликается с данными для более сложных

условий: при использовании наблюдателями *внутренних* способов оперирования слуховой информацией (дополнительных сенсорных признаков: Бардин, Индлин, 1993; Войтенко, Бардин, 1986).

Результаты ряда наших исследований и их сопоставление с данными других авторов тоже указывают на то, что цель деятельности субъекта, сформулированная в задаче и предъявляющая конкретные требования к его сенсорным возможностям, определяет уровень их использования (теоретическое обоснование см. в: Асмолов, Михалевская, 1974). В задаче зрительного различения временных интервалов по типу «одинаковые/разные» от испытуемых требовалась элементарная дихотомия сенсорных впечатлений (Скотникова, 2008). Полученные показатели дифференциального порога были велики: 17–37% от значения эталона. По литературным же данным, в задаче различения по типу «больше/меньше», требующей более тонко разграничивать эти впечатления, при аналогичном уровне различимости (70–80%) длин отрезков, величины порога составили 1–5% от значения эталона (Baranski, Petrusic, 1999), что в 7–17 раз ниже, чем в нашей задаче. Разные задачи (на меньшую точность в случае «=,≠» и на большую в случае «>, <») формируют у наблюдателя разные целевые установки на степень тщательности и тонкости собственно сенсорной деятельности, которые, видимо, генерализуются на деятельность в целом. Так, в задаче «=,≠» более грубыми, чем в задаче «>, <», оказались не только величины порога, но и оценки наблюдателями степени своей уверенности в правильности даваемых ими ответов (в 3–13 раз по величине средней используемой категории уверенности, выраженной в процентах, где 100% — максимальная оценка, 50% — минимальная (см. Скотникова, 2008)): смещение оценок уверенности относительно реальной правильности (разность между средней категорией уверенности и процентом правильных ответов) составило 16,5–21,8% в случае «=,≠» и 1,3–7,2% в случае «>, <».

В задаче «=,≠» мы обнаружили большую частоту ответов «равны», чем «различны», что соответствует меньшим значениям индекса критерия решения Yes Rate для первых, чем для вторых. Испытуемые самостоятельно, а не руководствуясь инструкцией, восприняли свою задачу как поиск различия, что и определило принятие ими более строгого критерия и стратегии решения для впечатлений различия и потому меньшую частоту этих ответов (Скотникова, 2008).

На основании ряда наших исследований разработана задачно-ориентированная математическая модель принятия решения и уверенности в нем для типичных ситуаций неопределенности: сен-

сорно-перцептивных задач порогового типа по различению сходных по величине объектов (Шендяпин, Скотникова, 2015; Скотникова Шендяпин, 2018). Модель отражает зависимость степени уверенности наблюдателя в эффективности принимаемого им решения не только от сенсорных впечатлений, что учитывалось в предшествующих (зарубежных) моделях (см. обзоры там же), но и от несенсорных характеристик задачи. А именно: от вероятностей стимуляции, входящих в формулу найденной решающей переменной (формируемого в ходе восприятия у человека информационного свидетельства в пользу выбираемой альтернативы ответа), а также от «цен» ответов (определяющих их значимости для субъекта). Понятие задачи в модели соответствует ее определению как цели, данной в конкретных условиях (Леонтьев, 1983). В модели теоретически описано принятие решения наблюдателем и его уверенность в трех усложняющихся задачах (согласно целям и условиям деятельности): выбор наиболее правильного ответа, либо наиболее полезного с учетом цен ответов, либо гарантирующего успешность деятельности с учетом затрат на нее и цен ответов. Разработаны три варианта модели для трех названных целей наблюдателя. Условиями же выступают: цены ответов, когда цель — выбор наиболее полезного ответа; цены и заданный порог полезности в соотношении с затратами, когда цель — выбор ответа, гарантирующего успешность деятельности; отсутствие цен и заданного порога полезности, когда цель — выбор наиболее правильного ответа. Тем самым модель математически обосновывает принципиальное включение наблюдения, принятия решения и формирования уверенности в нем в контекст целостной деятельности субъекта по решению сенсорно-перцептивной задачи. В этом находит свое развитие задачный подход в психофизике (Асмолов, Михалевская, 1974; Бардин, 1976; Забродин и др., 1981; Гусев, 2004; 2013; Скотникова, 2002; 2008).

Результаты психофизических исследований, выполненных в рамках системно-деятельностного подхода

Выделены характерные особенности процесса решения пороговой сенсорной задачи как сенсорного действия (Гусев, 2013), а именно:

1. В структуре целенаправленной деятельности субъекта процесс обнаружения (различения) порогового сигнала необходимо рассматривать на уровне сознательного действия, то есть как процесс решения субъектом специфической СЗ по обнаружению слабого сигнала или различению слабо различающихся сигналов.

2. В ходе решения такой задачи у испытуемого формируются специальные средства для ее решения — сенсорные эталоны предъявляемых стимулов, и на их основе формируется критерий принятия решения об обнаружении (не обнаружении) текущего стимула или о стимульных различиях.

3. Операциональная структура сенсорного действия складывается на основе цели и условий его выполнения (требований задачи) и индивидуально-психологических особенностей субъекта как его ресурсной составляющей.

4. В пороговых задачах наиболее важными условиями их выполнения являются: энергетические и пространственно-временные характеристики стимуляции, временная и вероятностная структура стимульной последовательности; инструкция, определяющая способ соотнесения стимулов и заданного множества ответов; «цена» правильных и ошибочных ответов; сигналы обратной связи о правильности принимаемых решений. Эти условия определяют специфические особенности пороговых задач: высокий дефицит сенсорной информации, случайный характер предъявления стимулов, высокая информационная нагрузка на испытуемого и его ограниченная двигательная активность.

5. Такие условия вызывают высокую информационную неопределенность и как следствие необходимость предельной сосредоточенности наблюдателя на стимульном потоке. Они требуют от субъекта активной ориентировки в экспериментальной (или профессиональной) ситуации в целом: анализа собственно сенсорной информации, отслеживания структуры стимульной последовательности, учета значимости решаемой задачи, оперирования «ценами» ошибок и правильных ответов.

Таким образом, при решении пороговой задачи «сенсорная информация является не единственным, а в условиях ее дефицита, даже и не главным фактором, детерминирующим результат решения» (Асмолов, Михалевская, 1974, с. 9).

Ниже кратко опишем результаты эмпирических исследований, подтверждающих продуктивность системно-деятельностного подхода в психофизике.

1. Экспериментально показана зависимость индексов эффективности обнаружения зрительного и слухового сигналов от изменения *условий* решения СЗ (ситуационные факторы) и *индивидуально-личностных* особенностей испытуемых (Гусев, Шапкин, 1991; Шапкин, Гусев, 2001; Scharpin, Gusev, 2003; Гусев, 2004). В качестве ситуацион-

ных факторов контролировались: время суток выполнения задачи (утро — вечер), сложность обнаружения сигнала (надпороговый и пороговый сигналы) и длительность опыта. В качестве важных индивидуальных различий, описывающих психологические ресурсы наблюдателей, оценивались: экстраверсия, мотивация достижения, нейротизм и тревожность. Они характеризовали уровень активации или степень усилия, направленного на решение СЗ. В качестве показателей обнаружения сигнала измерялись: уровень сенсорной чувствительности, строгость критерия принятия решения, показатели времени реакции (ВР), современные индексы уверенности ответа, а также их стабильность во времени.

Экспериментально доказано: чем более активированными были испытуемые и чем больше усилий они прикладывали к выполнению СЗ, тем более эффективно и стабильно они обнаруживали целевые сигналы. Например: 1. Среди всех испытуемых значительное преимущество имеет только группа интровертов, мотивированных на достижение успеха: у них выше как быстрота моторной реакции, так и ее стабильность. 2. Установлен факт сочетанного влияния ситуационных и индивидуально-личностных факторов на указанные выше показатели обнаружения сигнала

У интровертов, в отличие от экстравертов, в вечерние часы в соответствии с характерными для них особенностями динамики активации снижается сенсорная чувствительность. При этом у интровертов (более активированных в утренние часы) быстрота моторных реакций (ВР) к концу длительного опыта не снижается, тогда как у менее активированных в утренние часы экстравертов ВР заметно возрастает. И то и другое вполне закономерно: у экстравертов и интровертов пики активации приходятся на разное время суток.

При анализе эффективности выполнения задачи обнаружения слухового сигнала на фоне шума в длительном опыте, наряду с итоговыми показателями обнаружения сигнала, также исследована их динамика (Шапкин, Гусев, 2001; Гусев, 2004). Этот вид анализа, вытекающий из важного методологического принципа системно-деятельностного подхода — необходимости изучения процесса в развитии, позволил обнаружить важные закономерности: совокупность индивидуально-личностных особенностей субъекта существенно определяет динамику исполнения СЗ. Экспериментально доказано: максимальная эффективность и стабильность во времени показателей обнаружения сигнала характерна для испытуемых с высокими уровнями активации и/или усилия, например: эмоционально-ста-

бильных и мотивированных на достижение успеха интровертов. И наоборот, менее успешными были наблюдатели с низким уровнем активации и усилия: нейротичные и мотивированные на избегание неудач экстраверты.

Закономерное изменение сенсорных способностей испытуемых в зависимости от их общей мотивационной направленности установлено в экспериментальном исследовании при многосуточной депривации сна (Гусев, 1989; Гусев, Шапкин, 1991). В ходе обнаружения слухового сигнала на фоне шума сравнение трех групп испытуемых показало, что в сложной пороговой задаче, когда активационные и когнитивные ресурсы сильно ограничены, более высокую сенсорную чувствительность и меньшие величины ВР показали участники, мотивированные на решение профессиональной задачи («операторы»), а не на произвольную регуляцию своего функционального состояния (обучавшиеся саморегуляции по системе йогов). Тем самым на психофизическом материале продемонстрирован классический для общепсихологической теории деятельности феномен сдвига мотива на цель.

Изучение роли *активационных и когнитивных ресурсов* наблюдателя продолжено в задачах трех уровней сложности, где испытуемые обнаруживали тональный сигнал на фоне шума. С помощью опросника AD ACL Р. Тайера выделены четыре уровня активации испытуемых. Экспериментально установлено, что данный фактор вносит значительный вклад только в эффективность выполнения СЗ *умеренной сложности*, выявляя инвертированную U-образную зависимость, сходную с законом Йеркса — Додсона, а очень простая и очень сложная задачи не обнаруживают такого паттерна. Видимо, сложная задача не может решаться только путем вложения дополнительного усилия, поскольку различия между сигналом и шумом находятся в пороговой области. Для повышения эффективности ее решения одного лишь роста активации недостаточно, испытуемому требуется актуализация скрытых средств *нересурсной* природы или создание новых таких средств (Гусев, Уточкин, 2004).

Этот вопрос освещен при изучении роли *ориентировки внимания* в функциональной структуре процесса решения задачи обнаружения порогового звукового сигнала на фоне шума при его моноуральном предъявлении в условиях периферической подсказки (Гусев, Уточкин, 2006). Установлено характерное влияние на пространственную ориентировку такого важного условия выполнения сенсорной задачи, как *пространственная неопределенность* в предъявлении целевого

сигнала (правое или левое ухо, вероятность верной или неверной подсказки). Роль подсказки была в том, что перед началом предъявления «сигнального» или «шумового» стимулов в правое или левое ухо испытуемому предъявлялся стимул-подсказка (верная или неверная), указывающий, в какое именно ухо будет предъявлен сигнал.

Полученные результаты указывают, что в процесс решения пороговой задачи закономерно включаются как экзогенные (стимул-подсказка), так и эндогенные (рабочая память) механизмы произвольного внимания. Подчеркнем, что в когнитивной психологии подобные феномены рассматриваются как результат работы независимых когнитивных механизмов (операций), временно скоординированных для решения общей задачи (Kahneman, Treisman, 1984; Norman, Shallice, 1986), что фактически соответствует определению функционального органа, предложенному А.А. Ухтомским и использованному А.Н. Леонтьевым. В нашем исследовании обнаружены характерные закономерности межполушарного взаимодействия, которые, по-видимому, могут отражать работу системы гибкого распределения ресурсов с учетом условий организации сенсорного действия.

Изучалась роль когнитивно-стилевых особенностей личности как факторов эффективности решения слуховых и зрительных сенсорных задач с разными уровнями сложности и информационной нагрузки на наблюдателя. Установлено: в СЗ с разным уровнем информационной нагрузки у испытуемых, относящихся к полюсам «полнезависимости», «гибкости» и «рефлексивности», в целом актуализируются более гибкие и адекватные условиям задачи установки операционального уровня (Гусев, Чекалина, 2008; Чекалина, Гусев, 2011). Также выявлено, что мобильность стилиевых свойств приводит к снижению эффективности выполнения сенсорных задач с низким и средним уровнем информационной нагрузки. Показано: в пороговой СЗ с высоким уровнем информационной нагрузки (обнаружение целевой буквы в сериях с разной априорной вероятностью ее появления в последовательности проб) проявляются характерные межгрупповые различия в величине сенсорной чувствительности у испытуемых с разной выраженностью полнезависимости-полнезависимости. Использование метода М.А. Холодной, основанного на расщеплении полюсов этого когнитивного стиля (КС) и рассмотрения его как квадриполярного измерения (Холодная, 2004), позволило выделить группы «фиксированных» и «мобильных» испытуемых. Установлено: более высокая сенсорная чувствительность

и меньшие величины ВР наблюдались во всех экспериментальных сериях в группах «фиксированных» и «мобильных» полнезависимых испытуемых по сравнению с соответствующими группами полезависимых. Сходные результаты получены при сравнении четырех групп испытуемых, разделенных в соответствии с выраженностью у них КС импульсивность–рефлексивность.

При продолжении и расширении этой линии исследований (Волкова, Гусев, 2018 а, б) в соответствии с принципами системно-деятельностного подхода в психофизике проанализированы как стимульные, так и индивидуально-психологические детерминанты сенсорного исполнения. КС рассмотрены как интериндивидуальные детерминанты точности и скорости решения околопороговой и пороговой СЗ по обнаружению зрительного сигнала. Изучались следующие КС: усиление–ослабление, сглаживание–заострение, гибкость–ригидность познавательного контроля, узкий–широкий диапазон эквивалентности, фокусирующий–сканирующий контроль. В качестве психофизической процедуры использован модифицированный нами вариант задачи обнаружения зрительного сигнала (метод «да-нет»), где наряду с сигнальным и шумовым стимулами, был дополнительно введен третий стимул-дистрактор, нацеленный на провокацию импульсивных ответов испытуемых. Обнаружены как эффекты отдельных стилей, так и эффекты взаимодействия разных сочетаний стилевых полюсов. КС «гибкость–ригидность познавательного контроля» и «фокусирующий–сканирующий контроль» оказали влияние на точность решения задач, «усиление–ослабление» — на скорость, а «сглаживание–заострение» — на точность и скорость одновременно. Указанные эффекты закономерно варьировали в зависимости от уровня сложности СЗ.

Также было выявлено влияние КС на показатели решения околопороговой и пороговой СЗ по различению громкостей тональных сигналов в парадигме «одинаковые–разные». В качестве стимульного фактора рассматривался уровень сложности выполняемой задачи, заданный величиной межстимульной разницы (2 или 1 дБ), а в качестве индивидуально-психологических факторов — пять указанных выше КС. При решении этой задачи также обнаружены эффекты как отдельных КС, так и их совместного влияния, которые варьировали в зависимости от уровня сложности выполняемой задачи. На величину сенсорной чувствительности оказали влияние КС: «усиление–ослабление», «сглаживание–заострение» а также и их сочетание. «Гибкость–ригидность познавательного контроля», а также сочета-

ния «усиления–ослабления» и «сглаживания–заострения» влияли на величину и стабильность ВР. Уверенность наблюдателей была связана с такими КС, как «фокусирующий–сканирующий контроль», «гибкость–ригидность познавательного контроля», «диапазон эквивалентности», а также с сочетанием двух последних.

Итак, доказано: тип и уровень сложности сенсорной задачи как важнейшие ситуационные детерминанты ее решения в случаях высокой перцептивной неопределенности опосредуют влияние индивидуально-психологических факторов на показатели выполнения СЗ. Эти результаты также закономерно интерпретируются (см. выше) как следствие мобилизации необходимых ресурсов субъекта в ситуации высокой перцептивной неопределенности.

Изучались психологические механизмы мотивационно-волевой регуляции сенсорного действия, определяющие характерные стратегии наблюдателей и выбор ими средств решения пороговых СЗ по различению громкости тональных сигналов (Емельянова, Гусев, 2010; 2016; Гусев, Емельянова, 2011; 2013). Особенностью этой работы стало сочетание методов количественной оценки эффективности различения громкости сигналов, характерной для психофизики, и качественного анализа самоотчетов испытуемых. Это позволило доказать, что сложность СЗ (как основное условие ее выполнения) и индивидуально-личностные особенности (личностная диспозиция «Контроль за действием» и индивидуальные особенности саморегуляции, оцененные, соответственно, по опросникам Ю. Куля и В.И. Моросановой) обуславливают характерную для каждого субъекта специфику операционального состава сенсорного действия.

Эмпирически установлено: как в более простой (околопороговой), так и в максимально сложной (пороговой) задаче преимущество испытуемых, «ориентированных на действие» (ОД-испытуемые), состояло в большей скорости и стабильности их моторных реакций на стимул. Напротив, основное преимущество испытуемых, «ориентированных на состояние» (ОС-испытуемые), состояло в более высоком уровне дифференциальной слуховой чувствительности при решении сложной пороговой задачи.

В более простой задаче испытуемые с высоким уровнем саморегуляции, по сравнению с лицами с низким уровнем саморегуляции, имели преимущество в моторном компоненте деятельности: они быстрее реагировали на стимул, и им была свойственна более высокая стабильность ВР в ходе опыта. При решении же сложной (пороговой) задачи преимущество получали испытуемые со средним уровнем

саморегуляции по сравнению с лицами с крайними (низкими и высокими) оценками уровня саморегуляции: у них были выше уровень дифференциальной слуховой чувствительности и стабильность ВР.

Наши результаты также выявили эффект совместного влияния личностной диспозиции «Контроль за действием» и индивидуальных особенностей саморегуляции на эффективность выполнения пороговой СЗ. Преимущество имели те испытуемые, которые больше ориентировались на свои субъективные переживания и были способны мобилизовать функциональные резервы в случае неуспеха при выполнении СЗ. В рамках традиции К.В. Бардина в этом исследовании получены надежные свидетельства использования разными группами испытуемых упоминавшихся выше особых средств различения громкости сигналов, формирующихся в самом ходе выполнения задачи, — *дополнительных сенсорных признаков* их звучания (ДСП) (Бардин, Индлин, 1993; Войтенко, Бардин, 1986). Как правило, ОС-испытуемые в качестве ДСП использовали сложные зрительные, пространственные образы, цветовые ощущения, активно включали их в формирование способов оценки стимульных различий и уточнения текущих впечатлений. Напротив, ОД-испытуемые, применяли небольшие наборы ДСП либо не применяли их вовсе, используя способы работы, полностью или частично исключавшие их привлечение (Гусев, Емельянова, 2011; Емельянова, Гусев, 2016). Мы предположили, что при решении сложной СЗ испытуемыми с эффективными способами саморегуляции сенсорное действие имеет более сложную операциональную структуру, и потому обеспечивает им максимальную адаптивность.

Оценивая в целом продуктивность системно-деятельностного подхода в психофизике, еще раз подчеркнем, что специфика самой задачи — ее цель и условия выполнения, а также индивидуальные особенности наблюдателей являются теми основными моментами, которые определяют ее операциональный состав, включение определенных психофизиологических механизмов. Концептуально обобщая изложенные выше результаты, можно предположить, что в ходе достижения цели сенсорного действия формируются определенный функциональный орган (Ухтомский, 1978) или воспринимающая функциональная система (Леонтьев, 1983), соответствующие конкретным условиям выполнения задачи, ее требованиям и индивидуальным особенностям действующего субъекта. Представляется целесообразным рассматривать такое системное образование как

функциональный орган в качестве основной единицы для функционального анализа процесса решения СЗ как сенсорного действия.

Вслед за А.А. Ухтомским, Н.А. Бернштейном и А.Н. Леонтьевым мы полагаем, что СЗ порождает временную структуру, объединяющую разнообразные ресурсы человека, структуру, соответствующую специфике выполняемой задачи, характеру ее протекания и индивидуальным особенностям субъекта, обеспечивая продуктивность сенсорного действия и его адаптивный характер. Видимо, при решении СЗ возникает специфический ей функциональный орган как средство для ее решения.

Комбинация условий выполнения задачи и индивидуально-психологических особенностей решающего ее субъекта определяет уровень ее ресурсного обеспечения и тем самым задает специфику постоянно меняющегося функционального органа. Процессы обнаружения или различения сигналов, которые он реализует, внешне представляются весьма элементарными и поэтому, как это предполагалось в рамках классической психофизики, детерминированными лишь особенностями стимуляции и состоянием органов чувств. Однако эта «элементарность» или «натуральность» оказывается внешне обманчивой в силу того, что, сформировавшись из различных процессов в единую систему, он *«далее функционирует как единый орган»* (Леонтьев, 1983, с. 93). Только специальные экспериментальные манипуляции и способы обработки данных позволили нам убедиться в сложном и многоуровневом характере детерминаций и процессов, его составляющих.

Изучая проявление индивидуально-психологических особенностей испытуемых и их сочетаний, отметим вслед за А.Н. Леонтьевым еще одну особенность функциональных органов: «отвечая одной и той же задаче, они могут иметь разное строение, чем объясняется почти безграничная возможность компенсаций, которая наблюдается в сфере развития специфически человеческих функций» (Леонтьев, 1983, с. 9).

Заключение

Заключая рассмотрение наших исследований в контексте идей А.Н. Леонтьева, подчеркнем, что изменения функционального органа при решении сенсорной задачи происходят в форме изменений уровня или качества овладения человеком орудиями (средствами), которые мы интерпретируем как привлечение определенных когнитивных и личностных ресурсов, включенных в структуру выполня-

емой СЗ. Операционализация в психофизических экспериментах принципиального понимания задачи как цели в условиях в единстве с пониманием субъекта как активной индивидуальности позволила при анализе «элементарных» по внешним проявлениям сенсорных процессов обнаружения и различения сигналов продуктивно использовать методологический инструментарий общепсихологической теории деятельности, дополненной субъектным подходом в психологии. Можно с уверенностью утверждать: на психофизическом уровне анализа психики мы видим особый непрерывный процесс, в котором субъект, его психическая деятельность и ситуация влияют друг на друга и взаимно обуславливают друг друга.

Литература

Асмолов А.Г., Михалевская М.Б. От психофизики чистых ощущений к психофизике сенсорных задач. Проблемы и методы психофизики / Под ред. А.Г. Асмолова, М.Б. Михалевской. М.: Изд-во МГУ, 1974.

Бардин К.В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М.: Наука, 1976.

Бардин К.В., Индлин Ю.А. Начала субъектной психофизики: в 2-х т. М.: Российская Академия Наук; Институт психологии, 1993.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.

Войтенко Т.П., Бардин К.В. Влияние когнитивных особенностей на эффективность различения акустических сигналов. Когнитивные стили / Под ред. В. Колга. Таллин, 1986.

Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Как когнитивные стили влияют на точность и скорость обнаружения зрительного сигнала // Вопросы психологии. 2018б. № 1. С. 138–150.

Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Когнитивные стили и различение громкости тональных сигналов: дифференциально-психологический анализ // Национальный психологический журнал. 2018а. № 1. С. 106–116.

Гарбузов Н.А. Отрывки из книг «Зонная природа звуко высотного слуха» и «Зонная природа темпа и ритма». Комментарии К.В. Бардина // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 3. С. 149–156.

Гусев А.Н. Обнаружение звуковых сигналов человеком-оператором в особых условиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

Гусев А.Н. От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач: системно-деятельностный подход в психофизике // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 143–155.

Гусев А.Н. Психофизика сенсорных задач. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Гусев А.Н., Емельянова С.А. Роль личностной саморегуляции в решении пороговой задачи: психофизический и дифференциально-психологический

анализ // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 76–92.

Гусев А.Н., Уточкин И.С. Активация и обнаружение звукового сигнала: ограничение использования закона Йеркса-Додсона. Труды Международных научно-технических конференций «Интеллектуальные системы» (IEEE AIS'04) и «Интеллектуальные САПР» (CAD2004). Науч. изд. в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2004.

Гусев А.Н., Уточкин И.С. Роль активации в решении сенсорных задач различной сложности: ресурсный и функциональный подходы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2006. № 3. С. 21–32.

Гусев А.Н., Чекалина А.И. Влияние гибкости / ригидности познавательного контроля на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2008. № 4. С. 3–10.

Гусев А.Н., Шапкин С.А. О разноуровневых механизмах адаптации операторов к особым условиям. Проблемы дифференциальной психофизики / Под ред. К.В. Бардина. М.: Институт психологии АН СССР, 1991.

Гусев А. Н., Емельянова С. А. Роль мотивационно-волевой регуляции в структуре перцептивного действия по различению звуковых сигналов: количественный и качественный анализ // Современная экспериментальная психология: В 2 т. / Под ред. А. Н. Гусев. Науч. изд. в 56 т. Т. 2. Институт психологии РАН, Москва, 2011. С. 81–95.

Емельянова С.А., Гусев А.Н. Мотивационно-волевая регуляция процесса сенсорного различения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2010. № 35. С. 40–49.

Емельянова С.А., Гусев А.Н. Вклад индивидуальных особенностей саморегуляции в проявление феномена компенсаторного различия // Национальный психологический журнал. 2016. № 2. С. 48–58.

Забродин Ю.М. Процессы принятия решения на сенсорно-перцептивном уровне // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976. С. 33–55.

Забродин Ю.М., Фришман Е.З., Шляхтин Г.С. Особенности решения сенсорных задач человеком. М.: Наука, 1981.

Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г. Восприятие и действие / Под ред. А.В. Запорожца. М.: Просвещение, 1967.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Педагогика, 1983.

Михалевская М.Б., Скотникова И.Г. Метод подравнивания: зависимость мер чувствительности от сенсорной задачи // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1978. № 1. С. 46–56.

Скотникова И.Г. Проблемы субъектной психофизики / Под ред. В.А. Барбанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Скотникова И.Г. Психофизические характеристики сенсорных признаков в связи с различными типами физических признаков объектов // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 1. С. 40–48.

Скотникова И.Г. Развитие субъектно-ориентированного подхода в психофизике. Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: Per Se, 2002.

Скотникова И.Г. Различение наклонов линий в разных участках припороговой области // Психологический журнал. 1986. Т. 7, № 1. С. 142–150.

Скотникова И.Г., Шендяпин В.М. Вклад исследований в области психофизики, когнитивной психологии и математического моделирования психических процессов в психологию личности. Психология личности как точная наука. Сборник научных трудов / Под ред. А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев. М.: Изд-во МГУ, 2018.

Ухтомский А.А. Избранные труды. М.: Наука, 1978. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Чекалина А.И., Гусев А.Н. Когнитивно-стилевые особенности решения сенсорных задач. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Шапкин С.А., Гусев А.Н. Влияние личностных особенностей и времени суток на выполнение простой сенсомоторной задачи // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 2. С. 50–56.

Шендяпин В.М., Скотникова И.Г. Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2015.

Baranski, J.V., Petrusic, W.M. (1999). Realism of confidence in sensory discrimination. *Perception & Psychophysics*, 61, 1369–1383.

Corso, J.F. (1963). A theoretic-historical review of the threshold concept. *Psychological Bulletin*, 60 (4), 356–370.

Fernberger, S. (1931). Instructions and the psychophysical limen. *American Journal of Psychology*, 43, 361–376.

Kahneman, D., Treisman, A.M. (1984). Changing views of attention and automaticity. In Parasuraman R., Davies D.R. (Eds.), *Varieties of attention* (pp. 29–61). Orlando: Academic Press.

Norman, D.A., Shallice, T. (1986). Attention for action: Willed and automatic control of behavior. In Davidson R.J., Schwartz G.E., Shapiro D.S. (Eds), *Consciousness and self-regulation*, 4 (pp. 1–18). N.Y.: Plenum Press.

Schapkin, S., Gusev, A. (2003). Operator functional state and vigilance: mediating effect of brain hemispheres. In Hockey G.R.J., Gaillard A.W.K., Burov O. (Eds.), *Operator functional state: The assessment and prediction of human performance degradation in complex tasks* (pp. 140–151). Amsterdam: IOS Press.

Sebald, A. (1991). About the influence of the instructions on the accuracy of the scaling of loudness. In G. Lockhead (Eds.), *In Fechner Day'1991: Proceedings of the 7th Annual Meeting of the International Society for Psychophysics* (pp. 139–144). Durham: USA.

References

Asmolov, A.G., Mikhalevskaya, M.B. (1974). From psychophysics of pure perceptions to psychophysics of sensory tasks. In A.G. Asmolov, M.B. Mikhalevskaya (Eds.), *Problems and methods of psychophysics* (pp. 5–12). M.: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Baranski, J.V., Petrusic, W.M. (1999). Realism of confidence in sensory discrimination. *Perception & Psychophysics*, 61, 1369–1383.

Bardin, K.V. (1976). The problem of sensitivity thresholds and the psychological methods. M.: Nauka. (In Russ.).

Brushlinsky, A.V. (2003). *Psychology of the Subject*. SPb: Aletyya. (In Russ.).

Chekalina, A.I., Gusev, A.N. (2011). Cognitive and stylistic features of sensory problem solving. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.).

Curso, J.F. (1963). A theoretic-historical review of the threshold concept. *Psychological Bulletin*, 60 (4), 356–370.

Emelyanova, S.A., Gusev, A.N. (2010). Motivational and volitional regulation of sensory discernment. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» (Bulletin of Tver State University. Series “Pedagogy and Psychology”)*, 35, 40–49. (In Russ.).

Emelyanova, S.A., Gusev, A.N. (2016). The contribution of individual characteristics of self-regulation to the manifestation of the phenomenon of compensatory discrimination. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 2, 48–58. (In Russ.).

Fernberger, S. (1931). Instructions and the psychophysical limen. *American Journal of Psychology*, 4, 361–376.

Garbuzov, N.A. (1990). Excerpts from “The Zonal Nature of Sound-Pitch Hearing” and “The Zonal Nature of Tempo and Rhythm”. Comments by K.V. Bardin. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 3 (11), 149–156. (In Russ.).

Gusev, A.N. (2004). *Psychophysics of sensory tasks*. M.: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Gusev, A.N. (2013). From psychophysics of “pure” sensations to psychophysics of sensory tasks: system-activity approach in psychophysics. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 3, 143–155. (In Russ.).

Gusev, A.N., Chekalina, A.I. (2008). Effect of Flexibility/Rigidity of Cognitive Control on Efficiency of Solving Sensory Tasks with Different Level of Information Loads. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psikhologicheskaya nauka» (Bulletin of Moscow Region University. Series “Psychological Sciences”)*, 4, 3–10. (In Russ.).

Gusev, A.N., Emelyanova, S.A. (2013). The role of personality self-regulation in solving a threshold task: a psychophysical and differential-psychological analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 2, 76–92. (In Russ.).

Gusev, A.N., Shapkin, S.A. (1991). On Multilevel Mechanisms of Operator Adaptation to Special Conditions. In K.V. Bardin (Eds.), *Problems of Differential Psychophysics* (pp. 49–76). M.: Institut psikhologii AN SSSR. (In Russ.).

Gusev, A.N., Utochkin, I.S. (2004). Activation and detection of a sound signal: limitation of using Yerkes-Dodson law. Proceedings of International Scientific and Technical Conferences on Intelligent Systems (IEEE AIS'04) and Intelligent CAD (CAD2004). Scientific publishers in 3 vols, 2 (pp. 209–213). M.: Izd-vo fiziko-matematicheskoy literatury. (In Russ.).

Gusev, A.N., Utochkin, I.S. (2006). The Role of Activation in Solving Sensory Tasks of Various Complexity: Resource and Functional Approaches. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 3, 21–32. (In Russ.).

Indlin, Y.A. (1993). The beginnings of subjective psychophysics. In 2 vols. M.: Rossiyskaya akademiya nauk; Institut psikhologii. (In Russ.).

Kahneman, D., Treisman, A.M. (1984). Changing views of attention and automaticity. In Parasuraman R., Davies D.R. (Eds), *Varieties of attention* (pp. 29–61). Orlando: Academic Press.

Kholodnaya, M.A. (2004). Cognitive styles. On the nature of the individual mind. SPb.: Piter. (In Russ.).

Leontiev, A.N. (1983). *Activity. Consciousness. Personality*. M.: Pedagogika. (In Russ.).

Mikhalevskaya, M.B., Skotnikova, I.G. (1978). The method of equating: dependence of measures of sensitivity on the sensory task. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya (Moscow University Psychology Bulletin)*, 1, 46–56. (In Russ.).

Norman, D.A., Shallice, T. (1986). Attention for action: Willed and automatic control of behavior. In Davidson R.J., Schwartz G.E., Shapiro D.S. (Eds.), *Consciousness and self-regulation*, 4 (pp. 1–18). N.Y.: Plenum Press.

Schapkin, S., Gusev, A. (2003). Operator functional state and vigilance: mediating effect of brain hemispheres. In Hockey G.R.J., Gaillard A.W.K., Burov O. (Eds.), *Operator functional state: The assessment and prediction of human performance degradation in complex tasks* (pp. 140–151). Amsterdam: IOS Press.

Sebald, A. (1991). About the influence of the instructions on the accuracy of the scaling of loudness. In G. Lockhead (Eds.), *Fechner Day'1991: Proceedings of the 7th Annual Meeting of the International Society for Psychophysics* (pp. 139–144). Durham: USA.

Shapkin, S.A., Gusev, A.N. (2001). The influence of personality traits and time of day on performance of simple sensorimotor tasks. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 2 (22), 50–56. (In Russ.).

Shendiapin, V.M., Skotnikova, I.G. (2015). Modeling Decision-Making and Confidence in Sensory Tasks. M.: Izd-vo Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Skotnikova, I.G. (1986). Distinguishing line slopes in different parts of the threshold area. *Psychological journal*, 1 (7), 142–150. (In Russ.).

Skotnikova, I.G. (1992). Psychophysical characteristics of sensory features in connection with different types of physical features of objects. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 1 (13), 40–48. (In Russ.).

Skotnikova, I.G. (2002). The Development of the Subject-Oriented Approach in Psychophysics. In A.V. Brushlinsky, M.I. Volovikova (Eds.), *Psychology of Individual and Group Subjects* (pp. 220–269). M.: Per Se. (In Russ.).

Skotnikova, I.G. (2008). Problems of Subjective Psychophysics. In V.A. Baraban-shchikov (Eds.). M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". (In Russ.).

Skotnikova, I.G., Shendiapin, V.M. (2018). Contribution of research in the field of psychophysics, cognitive psychology and mathematical modeling of mental processes to the psychology of personality. In A.G. Asmolv, D.A. Leontiev (Eds.), *Psychology of personality as an exact science. Collection of scientific works* (pp. 244–247). M.: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Ukhtomsky A.A. *Selected works*. M.: Nauka, 1978.

Voitenko, T.P., Bardin, K.V. (1986). Influence of cognitive features on the effectiveness of discerning acoustic signals. In V. Kolga (Eds.), *Cognitive styles* (pp. 68–72). Tallinn. (In Russ.).

Volkova, N.N., Gusev, A.N. (2018a). Cognitive styles and distinguishing loudness of tonal signals: a differential-psychological analysis. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 1, 106–116. (In Russ.).

Volkova, N.N., Gusev, A.N. Volkova, N.N., Gusev, A.N. (2018b). How cognitive styles influence the accuracy and speed of visual signal detection. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 1, 138–150. (In Russ.).

Witkin H.A., Goodenough D.R. (1982). *Cognitive styles: essence and origins: Field dependence and field independence*. N.Y.: International University, 1982.

Zabrodin, Y.M. (1976). Decision making processes at the sensory-perceptive level. In B.F. Lomov (Eds.), *Problems of decision making*. (pp. 33–55). M: Nauka. (In Russ.).

Zabrodin, Y.M., Frishman, E.Z., Shlyakhtin, G.S. (1981). *Peculiarities of Solving Sensory Tasks by Man*. M.: Nauka. (In Russ.).

Zaporozhets, A.V., Venger, L.A., Zinchenko, V.P., Ruzskaya, A.G. (1967). Perception and Action. In A.V. Zaporozhets (Eds.). M.: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Поступила: 19.12.2022

Получена после доработки: 10.05.2023

Принята в печать: 20.05.2023

Received: 19.12.2022

Revised: 10.05.2023

Accepted: 20.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Николаевич Гусев — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, angusev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9299-7092>

Ирина Григорьевна Скотникова — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, iris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-3744>

ABOUT THE AUTHORS

Aleksey N. Gusev — Dr.Sci. (Psychology), Professor, the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, angusev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9299-7092>

Irina G. Skotnikova — Dr.Sci. (Psychology), Leading Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, iris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-3744>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19>

УДК 159.9

Проблема сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева

В.А. Иванников

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

Резюме

Актуальность. Исследование истории становления и развития теории имеет самостоятельную ценность, особенно тогда, когда речь идет о формировании взглядов самого автора теории.

Цель. Анализ положений о происхождении сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева.

Результаты. Показано, что А.Н. Леонтьев пришел к необходимости обратиться к понятию деятельности, решая задачу развития психики в филогенезе. Он принимает идею Л.С. Выготского о том, что найти ключ к сознанию можно в образе жизни человека как общественного существа и поэтому предлагает ввести в психологию понятие деятельности как единицы жизни, реализующей активный поведенческий способ адаптации живых существ к меняющимся предметным условиям пространства поведения. Поэтому и критерий психики А.Н. Леонтьев связывает не с наличием субъективных переживаний, а с раздражимостью к абиотическим сигналам как ориентирам, то есть таким воздействиям, которые прямо не включены в обмен веществ. Демонстрируется, что в ранних работах А.Н. Леонтьева представлено движение его размышлений по поводу проблемы происхождения и развития психики, в том числе сознания, как специфической ее формы. Анализируя процесс порождения сознания, А.Н. Леонтьев обращается прежде всего к марксистским философским основаниям как предпосылкам создания психологической теории сознания. Основным фактором изменения природной психики человека является трудовая деятельность, которая требует новых психических возможностей и ставит человеку задачи на осознание.

Выводы. Основные идеи А.Н. Леонтьева о сознании и деятельности были сформулированы автором в 1930-е годы. Главным достижением стало положение о том, что именно деятельность является тем фактором, который превращает требования жизни в требования к психике живых существ, в том числе человека.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, деятельность, сознание, значение, смысл.

Для цитирования: Иванников В.А. Проблема сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 124–132. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19>

The Problem of Consciousness in the Early Works of A.N. Leontiev

Vyacheslav A. Ivannikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The study of history and development of the theory has an independent value, especially when it comes to analyzing the development of the author's viewpoint.

Objective. The work analyses provisions on the origin of consciousness in the early works of A.N. Leontiev.

Results. It is shown that A.N. Leontiev was to turn to the concept of activity in solving the problem of psyche development in phylo- and ontogenesis. He accepts the idea of L.S. Vygotsky, postulating that it is possible to find the key to consciousness in the way of life of a person as a social being. He, therefore, proposes to introduce the concept of activity as of a special way of life, a unit of life for living beings, realizing their active behaviour in adapting to the changing objective conditions of the surrounding space of activity. Thus, A.N. Leontiev associates the criterion of psyche not with the subjective experiences, but with irritability to abiotic signals as landmarks, i.e. with the influences that are not included directly into metabolism. It is demonstrated that in the early works of A.N. Leontiev the movement of his reflections on the problem of the origin and development of psyche, including consciousness, as its specific form is presented. Analyzing the process of generation of consciousness, A.N. Leontiev turns first of all to Marxist philosophical foundations as prerequisites for a psychological theory of consciousness. The main factor that requires a change in the natural psyche of a person is work activity, which requires a person to have new mental capabilities and sets tasks for awareness.

Conclusion. The main A.N. Leontiev's ideas on consciousness and activity were formulated by the author in the 1930s. The position that it is activity that is the

factor transferring requirements of life to the psyche of living beings, including humans, was the main achievement.

Keywords: A.N. Leontiev, activity, consciousness, meaning, sense.

For citation: Ivannikov, V.A. (2023). The Problem of Consciousness in the Early Works of A.N. Leontiev. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 124–132. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19>

О наличии многих неопубликованных работ А.Н. Леонтьева я узнал от него самого после обсуждения моей статьи о рефлекторности поведения.

Я попросил Алексея Николаевича дать оценку статье на предмет адекватности ее содержания. В целом он одобрил работу и рекомендовал использовать ее в курсе лекций по общей психологии и указал, что понятие поведения неадекватно для исследования, и его надо заменить на понятие деятельности. Для меня это означало, что я недостаточно четко понимал теорию деятельности, и мне надо было еще раз все продумать, отложив статью в стол. На это А.Н. заметил, что не надо откладывать публикацию надолго, потому что потом к ней трудно возвращаться, и сказал, что у него в столе лежит гора неопубликованных его работ, отложенных по разным причинам. Теперь эти работы, благодаря усилиям Алексея Алексеевича и Дмитрия Алексеевича Леонтьевых, опубликованы и представляют большой интерес для сравнения идей А.Н. до и после 1940-х годов.

Как отмечали авторы предисловия к книге «Философия психологии» (Леонтьев, 1994), А.Н. Леонтьев был человеком своего времени, но он, как и Л.С. Выготский, и С.Л. Рубинштейн, по многим вопросам психологии опережал свое время (Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., 1994).

К созданию своей теории деятельности, в отличие от С.Л. Рубинштейна, опиравшегося в основном на философию, А.Н. Леонтьев шел другой дорогой. Он пришел к необходимости обратиться к понятию деятельности, решая задачу, поставленную его учителем и другом Л.С. Выготским, о причинах развития психики в фило- и онтогенезе. И Л.С. Выготский, и многие другие исследователи понимали, что развитие психики (и в том числе сознания) связано с эволюцией живых существ (включая человека). Но в то время не был понятен этот процесс перевода требований жизни к развитию психики. А.Н. Леонтьев предложил ввести в психологию понятие деятельности как особого

способа жизни, как единицы жизни, реализующей активный поведенческий способ адаптации живых существ к меняющимся предметным условиям. «Деятельность» рассматривалась как посредник, преобразовывающий требования жизни к возможностям субъекта.

Успешность деятельности зависит от правильного учета предметных условий поведенческого пространства, поэтому субъекту необходимо открывать для себя это пространство как ориентиры деятельности. Поэтому и критерий психики А.Н. Леонтьев связывает не с наличием субъективных переживаний, а с раздражимостью к абиотическим сигналам как ориентирам, то есть к таким воздействиям (физическим и химическим), которые прямо не включены в обмен веществ (звук, запах, осязание и т.д.). Другими словами, способность некоторых видов живых существ к субъективным переживаниям (ощущениям) А.Н. Леонтьев считает житейским критерием психики. Он пишет: «*Ощущение* есть продукт деятельности органов чувств, есть прежде всего физиологическое. Оно — само по себе — еще не психика. Оно становится моментом психологическим, только выступая в деятельности по отношению к действительности, то есть, в меру того, в меру чего оно является *посредствующим* осуществление этого отношения» (Леонтьев, 1994, с. 169). И далее: «Как состояние организма оно есть, конечно, только *физиологическое*. Оно выступает как психологическое только в меру того, в меру чего оно входит в деятельность» (Леонтьев, 1994, с. 170). Сегодня психология признает ощущения субъективной реальностью, выполняющей функции ориентиров деятельности и «языка» описания объектов внешнего мира как предметов пространства поведения (деятельности) живых существ.

Если в поздних работах А.Н. чувствуется «приглаженность» мысли в соответствии с философскими догмами, исходящими от ЦК КПСС, то в ранних его работах представлено движение его размышлений, часто полемических, по поводу проблемы происхождения и развития психики, в том числе сознания как специфической ее формы. При этом А.Н. четко и бескомпромиссно высказывал свою марксистскую позицию по обсуждаемым вопросам.

Поэтому, анализируя процесс порождения сознания как особой формы, особого уровня развития психики, А.Н. Леонтьев обращается прежде всего к марксистским философским основаниям как предпосылкам создания психологической теории сознания.

Первое, с чего А.Н. Леонтьев начинает анализ сознания, это необходимость разведения философского понимания сознания и раз-

работки конкретно-научного исследования сознания как «одной из форм» (одного из уровней) как высшей «специфически человеческой» формы психического отражения.

По мысли А.Н. Леонтьева, «...предметом философского рассмотрения сознания служит вопрос о природе сознания (онтологический аспект) и вопрос об отношении сознания к объективной действительности (гносеологический аспект)...» (Леонтьев, 1994, с. 27). Но «...психология должна разрабатывать психологическую теорию сознания» (Леонтьев, 1994, с. 29). Он пишет, «...что эта задача является важнейшей, решающей судьбу психологической науки, что без решения этой задачи психология не может претендовать на то, чтобы стать подлинной наукой и выйти из предыстории своего развития на широкую дорогу своей истории» (Леонтьев, 1994, с. 29–30).

Предпосылками для создания психологической теории сознания, по мнению А.Н. Леонтьева, должны стать положения марксистской философии о том, что «Сознание есть продукт развития материи, есть продукт развития жизни. Это высшая форма отражения, форма специфически человеческая, возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе, к общественным отношениям» (Леонтьев, 1994, с. 27). И далее А.Н. отмечает, что сознание всегда есть сознание конкретного реального субъекта. «Не может существовать и не существует “ничьего” сознания...» (Леонтьев, 1994, с. 27). Это означает, что сознание не является самостоятельной субстанцией, самостоятельной самой по себе реальностью, а порождается в процессе жизни человека как общественного существа (аналогично как не существует магнитное поле без магнита).

В заметках, озаглавленных «Материалы о сознании», А.Н. Леонтьев принимает главную идею Л.С. Выготского о том, что найти ключ к сознанию можно в образе жизни человека как общественного существа, поскольку жизнь человека и его сознание связаны.

Он принимает идеи Л.С. Выготского о системном и смысловом строении сознания и пытается понять, как реально соединяются жизнь человека и его сознание, и что в жизни человека требует этой новой человеческой формы (уровня) отражения. Но А.Н. Леонтьев сомневается в доказательности и обоснованности предложения Л.С. Выготского о том, что сами по себе предметы как орудия и значения предметов, фиксированные в знаках (языке), могут выполнять эту функцию (потому что это замыкает сознание индивида на обще-

ственное сознание и превращает человека общественного в человека общающегося, а жизнь его — в процесс образования).

Как считал А.Н. Леонтьев, «ошибка состояла в том, что: 1) предмет не был понят как *промышленность*, то есть как предмет деятельности человека; 2) обыкновенная практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом зависит от сознания, то, чем *управляет* сознание и только» (Леонтьев, 1994, с. 40). И далее А.Н. Леонтьев пишет, что «...единственно психологическими продолжали казаться лишь внутренние психические процессы, процессы сознания...» (Леонтьев, 1994, с. 42).

Также не принимает А.Н. Леонтьев и идею Л.С. Выготского о роли аффекта в развитии интеллекта, потому что аффект не является движущей силой, а развитие аффектов «состоит в овладении аффектами» (Леонтьев, 1994, с. 40).

Он соглашается с Л.С. Выготским, что основная функция сознания заключается в отражении мира, а не только в открытии себе содержания своей природной психики и хода самих психических процессов (сознание как самонаблюдение, как самосознание), и задает себе вопрос о необходимости психического отражения вообще, и в том числе сознания (Леонтьев, 1994, с. 40).

Ответ на этот вопрос формулируется очень ясно и определенно. А.Н. пишет: «*Исходное — жизнь*. Жизнь рождает психику, отражение; жизнь человека — его сознание. Жизнь — прежде в единой и единственной форме — в форме внешнего, материального процесса» (Леонтьев, 1994, с. 44).

И этим процессом, — указывает он в работах «Основные процессы психической жизни» и «Генезис деятельности», — является трудовая деятельность: совместная (коллективная), вооруженная орудием и созидательная по своим результатам. «Труд, — указывает А.Н., — это не только то, что появляется вместе с человеком, это не только то новое отношение к природе, которое мы наблюдаем в качестве результата очеловечения животных. Труд — это также и прежде всего то, что превращает животноподобного предка человека в человека» (Леонтьев, 1994, с. 51). Поэтому «труд — истинный источник человеческой речи и человеческого сознания», — пишет он в методологических тетрадах (Леонтьев, 1994, с. 174).

Главной особенностью жизни человека как общественного существа, как субъекта общественных отношений становится переход от поиска необходимых условий существования к их производству, то есть к трудовой деятельности как новому и основному виду де-

тельности человека. Именно трудовая деятельность, по мнению А.Н. Леонтьева, становится тем основным фактором, который требует изменения природной психики, точнее, порождения и развития новой формы (уровня) психики человека.

Понятно, что переход к труду требует изменения возможностей субъекта, которые позволяют ему перейти к трудовой деятельности, и эти возможности должны были появиться в эволюции (способность к прямохождению, свободные руки и способность человека обучаться новым движениям руки, осуществляющим создание новых предметов, особое строение головного мозга, растущего после рождения ребенка в условиях новой предметной и социальной среды). Но А.Н. Леонтьев понимал, что для порождения новой формы (уровня) отражения и управления деятельностью необходимо главным становится вопрос о том, что в деятельности требует от субъекта новых психических возможностей, то есть что ставит человеку задачи на осознание.

При этом А.Н. понимает, что просто осознание своей активности (как самосознание) само по себе не вносит существенных изменений в возможности человека, не вносит ничего нового в представление о мире (в образ мира), хотя и открывает новые перспективы регуляции собственных состояний и активности. И поэтому сознание нельзя сводить к самосознанию.

Поэтому А.Н. Леонтьев предлагает понять сознание как особую форму или более высокий и более сложный уровень психического отражения и управления деятельностью. Другими словами, А.Н. Леонтьев предлагает выделить в деятельности (отношения с природой) и в отношениях людей друг с другом (отношения людей в обществе) те задачи, которые требуют новых возможностей от психики человека (прежде всего новых знаний о мире и новых умений человека).

Трудовая деятельность требует отражения не только предметных условий деятельности как ее ориентиров, но иной картины мира (в том числе и социальных требований к деятельности), умений понимать и выполнять спланированные действия совместной деятельности, а значит, умения договариваться (деловое общение вместо сигнализации). А для этого нужен понятийный язык, который позволяет осуществлять не только деловое общение, но и строить понятийные образы и теоретические представления о мире как знания об условиях, недоступных чувственному наблюдению.

Но при этом А.Н. Леонтьев указывает: «Человеческое сознание не может быть объяснено из развития языка» (Леонтьев, 1994, с. 172).

Не может потому, что сам язык появляется как необходимое условие разделения совместной деятельности, требующее обсуждения этого процесса при одинаковом понимании его разными участниками. Это одинаковое понимание фиксируется в значениях предметов, представленных человеку в его языке. Поэтому А.Н. принимает положение Л.С. Выготского о значении как единице сознания.

Но действия и предметы как составляющие деятельности могут выполнять разные функции в деятельности людей, ставя тем самым перед человеком задачу на смысл (например, вопрос, что означает строительство забора: ограничение прохода, защита от животных или загон, где животные будут находиться?). Отсюда и более поздние предложения А.Н. Леонтьева о структуре сознательных образов (чувственная ткань, значение и личностный смысл) и о внутреннем сознательном плане действий, который порождается требованиями социальной жизни.

Изучая работы А.Н. Леонтьева, упомянутые в этой статье, можно сделать вывод, что основные идеи его теории деятельности и сознания были сформулированы им в 1930-х годах. Главным достижением при этом стало положение, что именно деятельность является тем фактором, который превращает требования жизни в требования к психике живых существ, в том числе и человека.

Конечно, не все вопросы зарождения и развития сознания были решены в теориях деятельности и С.Л. Рубинштейна, и А.Н. Леонтьева.

Остался открытым вопрос о содержании понятия «сознание» и описания сознания как реального процесса. Не ясен и вопрос о том, что обозначается термином «сознание». Это все особенности психики человека как социального существа, все то, что отличает психику человека от психики животных? И тогда сознанием надо обозначить все, что отличает психику человека. Или это какой-то отдельный особый психический процесс (например, способность человека отдать себе отчет о том, что происходит с ним сейчас), а все остальные особенности психики человека надо обозначить в других терминах? В любом случае нам надо выявить и сопоставить набор жизненных задач, решаемых животными и человеком, и понять, какая психика требуется тем и другим для их решения.

Надо также определить, что значит термин «осознать». Понятно, что никакого сознания как особой субстанции не существует, а существует процесс осознания (как существует процесс ходьбы, а не ходьба сама по себе). И необходимо договориться — существуют ли

сознательные процессы (например, построение сознательного образа пространства жизни) или эти процессы просто осознаются. Вопросов таких много и не очень ясно — есть ли на все эти вопросы ответы в психологических теориях современности.

И главное нам надо понять, не являются ли ошибкой наши вопросы, на которые может не быть ответа.

Литература

Леонтьев А.Н. *Философия психологии*. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Предисловие // Леонтьев А.Н. *Философия психологии: монография* / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 5–21.

References

Leontiev, A.N. (1994). *Philosophy of psychology*. M.: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A. (1994). Introduction. In A.N. Leontiev (Eds.), *Philosophy of psychology*. (pp. 5–21). Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.).

Статья получена: 16.12.2022

Получена после доработки: 23.03.2023

Принята в печать: 08.04.2023

Received: 16.12.2022

Revised: 23.03.2023

Accepted: 08.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Андреевич Иванников — доктор психологических наук, академик Российской академии образования профессор, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, vaiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7381-2599>

ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Ivannikov — Dr. Sci. (Psychology), Academician of the Russian Academy of Education, Full Professor, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, vaiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7381-2599>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-20>

УДК 159.9.01, 159.95

Живая субъективность и культурно-исторический метод: границы применимости

Е.В. Субботский

Университет Ланкастер, Ланкастер, Великобритания

Резюме

Актуальность. Любой метод исследования или воздействия имеет границы применимости. Определение границ применимости исследования психики на основе культурно-исторического метода позволит выявить новые феномены в изучении живой субъективности, которые не могут быть изучены в рамках культурно-исторического подхода к психике.

Целью работы было определение границ применимости культурно-исторического метода и описание новых феноменов психического, для изучения которых требуются принципиально другие методические подходы.

Методы. Методом исследования в области функционирования и развития сознания был логический анализ при сопоставлении культурно-исторического подхода к психике и подхода, основанного на интуитивно-рефлексивном самонаблюдении живой субъективности.

Результаты. Анализ показал, что культурно-исторический и производный от него социокультурный методы нацелены на управление субъективностью при помощи объективированных структур психики — знаково-символических образований, таких как речь, логическое мышление, научные понятия, социальные нормы или культурно-выработанные схемы восприятия. Эти «окаменелости живой субъективности» являются «психологическими орудиями», которые опосредствуют работу живой субъективности. Из разработки психологических орудий выросли основные направления отечественной психологии — утверждение ведущей роли речи в формировании высших психических функций (ВПФ) у Л.С. Выготского, понятие ориентировочной основы действия (ООД) у П.Я. Гальперина, школьные программы обучения понятиям Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, нейропсихологические методики А.Р. Лурия, исследования развития произвольных движений А.В. Запорожцем и др. Все это работало, но живая субъективность оставалась загадкой. Напротив, метод, применимый к изучению живой субъективности, можно назвать методом «высвобождающего воздействия» — эксперимента, осно-

ванного на самонаблюдении и отчете в условиях, когда испытуемый может свободно структурировать реальность.

Выводы. Культурно-исторический метод эффективен в обучении готовому знанию в школе, при формировании навыков, восстановлении утерянных когнитивных функций у больных или формировании когнитивных и социально-моральных форм поведения, основанных на внешнем контроле. Однако этот метод неприменим к живой субъективности — переживаниям, мотивационно-смысловой сфере, основанной на магических законах партиципации, эмоциональной сфере и творческому мышлению, поскольку рассматривает человека как объект. Предложены принципы изучения живой субъективности, проанализированы практические подходы к воздействию на живую субъективность и связанные с ними противоречия и опасности.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, психика, субъективность, культурно-исторический подход, границы применимости.

Для цитирования: Субботский Е.В. Живая субъективность и культурно-исторический метод: границы применимости // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 133–153. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-20>

THEORETICAL REFLECTIONS

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-20>

Living Subjectivity and Cultural-historical Method: Limits to Applicability

Eugene V. Subbotsky

Lancaster University, Lancaster, Great Britain

Abstract

Background. Any method of research or influence has limits of applicability. Determining the limits of applicability of the cultural-historical approach will reveal new phenomena in the study of living subjectivity that cannot be investigated within the framework of the cultural-historical approach to the psyche.

Objective of the study was to determine the limits of applicability of the cultural-historical method and to describe new mental phenomena, the study of which requires fundamentally different methodological approaches.

Methods. The material is the author's and his colleagues' long-term research in the field of functioning and development of consciousness. The method involved logical analysis when comparing the cultural-historical approach to psyche and the approach based on intuitive-reflective self-observation of living subjectivity.

Results. The analysis showed that cultural-historical method and socio-cultural method derived from it, aim at managing subjectivity with the help of objectified structures of the psyche — sign-symbolic formations such as speech, logical thinking, scientific concepts, social norms or culturally developed perceptual patterns. At the same time, the “fossils of living subjectivity” — symbols and signs, scientific concepts, schemes, algorithms, norms, theories, and others — are “psychological tools” that mediate the operation of living subjectivity. All directions in Russian psychology within this approach originated from this approach — the assertion of the leading role of speech in the development of the higher mental functions (HMF) by L.S. Vygotsky, the concept of the orienting basis of action (IBA) by P.Ya. Galperin, school programs for teaching concepts by D.B. Elkonin and V.V. Davydov, neuropsychological methods by A.R. Luria, studies of the development of voluntary movements by A.V. Zaporozhets and others. All these approaches worked; however, the living subjectivity remained a mystery. On the contrary, the method applicable to the study of living subjectivity can be called the method of “releasing impact” — an experiment based on self-observation and self-report in conditions where the subject can freely structure reality.

Conclusion. The cultural-historical method is effective in teaching ready-made knowledge at school, in developing skills, restoring lost cognitive functions in patients, or shaping cognitive and socio-moral forms of behavior based on external control. However, this method is not applicable to living subjectivity — experiences, the motivational-semantic sphere based on the magical laws of participation, emotional sphere and creative thinking, since this method considers a person as an object. The principles of studying living subjectivity are proposed, practical approaches to influence living subjectivity, as well as the contradictions and dangers associated with them are analyzed.

Keywords: A.N. Leontiev, psyche, subjectivity, cultural-historical approach, limits of applicability.

For citation: Subbotsky, E.V. (2023). Living Subjectivity and Cultural-historical Method: Limits of Applicability. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (2), 133–153. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-20>

Введение

Проблема

Любой метод исследования или воздействия имеет границы применимости. Например, метод эксперимента применим к повторяемым явлениям, но неприменим к уникальным, таким как возникновение Вселенной, порождение произведения искусства или судьба отдельного человека.

Возникает вопрос, к какой области психического применим культурно-исторический метод исследования и воздействия, и какая область находится за ее пределами?

Понятие психического

Как известно, понятие психического неразрывно связано с понятием жизни. Ведь только живое обладает психикой, и наоборот, любая форма жизни обладает какой-то формой психики. Даже растения и бактерии реагируют на окружающую среду, ищут питание, размножаются, некоторые даже активно передвигаются. По определению, данному в Психологическом словаре, «Психика (греч. *psychikos* — душевный) — свойство человека или животного субъективно отражать события объективной реальности для его ориентации и взаимодействия с окружающей средой» (Глоссарий. Психологический словарь). Но если жизнь мы можем изучать только с позиции 3-го лица, наблюдая за поведением и структурой живых организмов, то психику можно изучать и с позиций 1-го лица, то есть через самонаблюдение. В результате в психологии сложилось два подхода к изучению психического: субъективный, через самонаблюдение, и объективный, через наблюдение за поведением живых организмов. В России эти два подхода сложились как неокантианский, теоретическо-философский анализ психики через анализ феноменов самонаблюдения (Л.М. Лопатин, П.Е. Астафьев, Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов), и рефлексологический, сродни западному бихевиоризму (И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов, К.Н. Корнилов).

То, что я буду здесь называть *живой субъективностью* — это не поведение, а *ощущение себя живым, воспринимающим, мыслящим и желающим*, иначе говоря — субъективная реальность, а такая реальность может быть дана только в самонаблюдении. Характерными признаками живой субъективности являются ее недифференцированность, способность к порождению нового и чувство свободы. Ведь когда мы ощущаем, вспоминаем, мыслим, желаем или верим, мы не

используем какую-то специфическую психическую функцию: наоборот, в каждый акт живой субъективности вовлечены все известные нам функции. И каждый акт сопровождается рефлексией — особым чувством присутствия нашего внутреннего Я, как бы наблюдающего за актом субъективности с позиции «взгляд ниоткуда». Даже если я совершаю действие не по своей воле, а нахожусь в плену внешних сил (например, машина потеряла управление и тормоза отказали), я все равно ощущаю себя, наблюдающего за совершающимся со мной как бы со стороны.

Культурно-исторический подход

В 1930-х гг. наши учителя (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.) хотели найти нечто между неокантианством и бихевиоризмом, что имело бы отношение к «живой субъективности» и в то же время было доступно манипулированию, подобно тому, как физики манипулируют материей. Они нашли это в культуре — нормах, языках, понятиях и т.п. Отсюда выросли все направления — утверждение ведущей роли речи в формировании ВПФ у Л.С. Выготского, понятие ООД у П.Я. Гальперина, школьные программы обучения понятиям у Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, нейропсихологические методики А.Р. Лурия, исследования развития произвольных движений А.В. Запорожцем и др. Все это работало, но живая субъективность оставалась загадкой. Дело в том, что культурное — это как раз не живое, а, по выражению Николая Бердяева, «объективированное», то есть застывшее и окаменевшее. Ложка, компьютер, слово, научное понятие, двигательный навык — это тоже субъективность, но не живая, а «мертвая», превращенная в «коллективное» и доступное всем, то есть окаменевшее. Целью и функцией «окаменелостей субъективности» является управление живой субъективностью, направление ее по определенным каналам. Когда мы овладеваем логическим мышлением, научными понятиями или культурно-санкционированными формами восприятия или поведения, мы вынуждены отказаться от свободы нашего Я в пользу общекультурного МЫ.

Но живая субъективность как вода — с помощью механики воду можно направить куда угодно, заставить бить в фонтанах, но сама структура воды остается неизвестной для ученого-механика. Тут механики недостаточно, нужна химия. Поэтому изучение живой субъективности оставалось преимущественно в руках писателей, художников, и философов.

Попытки описать и исследовать живую субъективность в психологии

Однако и в психологии, в том числе и в российской, советской психологии, были исследования, в которых делались попытки описать и исследовать живую субъективность. Основная трудность и вопрос такой работы — как изучать то, что не имеет объективной структуры и устойчивого состояния? Ведь, как уже отмечено, простое наблюдение показывает, что живую субъективность нельзя расчленить на ощущение, восприятие, память, мышление, воображение, желание, волю и веру — в любом акте живой субъективности все эти формы задействованы одновременно. Иными словами, *структура живой субъективности состоит в том, что она не имеет структуры*. Так, в своей «Маленькой книжке о большой памяти» А.Р. Лурия описал феномен синестезии на примере мнемониста С.В. Шерешевского. В одном из примеров Шерешевский сообщает, что, подойдя к киоску с мороженым, он спросил у продавщицы, какое у нее мороженое. ««Пломбир!» — Она ответила таким голосом, что целый ворох углей, черного шлака выскочил у нее изо рта, — и я уже не мог купить мороженое, потому что она так ответила...» (Лурия, 1994, с. 54). Таким образом, синестезия — это феномен, показывающий, что в живой субъективности нет отдельных модальных форм восприятия, а все формы восприятия слиты воедино и перетекают друг в друга. В обыденной жизни об этом свидетельствует обычный феномен брезгливости: если во время еды мы увидим мертвое животное или почувствуем трупный запах, это может испортить вкус принимаемой пищи, даже если эта пища приготовлена изысканным кулинаром.

Когда читаешь «Проблемы развития психики» А.Н. Леонтьева, становится очевидным, что его смелое и новаторское исследование по формированию «кожной светочувствительности» не принадлежит к культурно-историческому подходу и стоит особняком от остальных исследований, вошедших в эту книгу и проведенных в достаточно традиционном ключе. На самом деле это попытка показать, что восприятие человека по существу немодально, и что возможно при помощи объективных методов доказать, что человек может буквально «видеть кожей». Как и многие подобные исследования, которые на Западе называют психологией аномальных явлений, это исследование не имело попыток репликации и стоит отдельно от господствовавшего в советской психологии культурно-исторического подхода к пси-

хике, например, от опубликованного в той же книге исследования по развитию высших форм запоминания.

Принципиальным шагом в ходе рассуждений А.Н. Леонтьева об исследовании психики является его выбор между двумя парадигмами: парадигмой 3-го лица (то есть объективного исследования поведения животных и человека) и парадигмой 1-го лица (то есть исследование путем использования самонаблюдения). Сам автор объясняет свой выбор второй парадигмы принадлежностью к традиции в психологии, которая требует «...пользоваться при установлении фактов чувствительности субъективным критерием» (Леонтьев, 1981, с. 70). Однако взятый в более широком теоретическом контексте выбор автором второй парадигмы показывает осознанное или не осознанное понимание им того фундаментального факта, что объяснение внешней реальности, будь то физический объект или психическое явление, начинается с «живой психики», в форме самонаблюдения. Чтобы это понять, достаточно открыть учебник физики для средней школы и почитать, как задаются базовые понятия физики — тело, масса, движение, энергия и т.п. Все они задаются через наблюдение ученика за своей живой субъективностью. Например, масса определяется как величина, показывающая, как тело сопротивляется изменению скорости, но ученик может это понять, только если у него есть личный опыт по отношению к понятиям и словам «сопротивляется» «изменение» и «скорость», который он получил в разных жизненных ситуациях. А это значит, что живая субъективность уже включена в понятия физики, и, следовательно, ее нельзя определить через них или свести к этим понятиям, не попадая в логический круг. К сожалению, физики-теоретики забывают школьные учебники и начинают думать, что все понятия, включая живую субъективность, можно описать на основе физики и математики. Конечно, и в психологии описать феномен чувствительности можно, лишь проецируя субъективные ощущения человека на других людей и животных.

Это и делает А.Н. Леонтьев. Он устанавливает экспериментально, что ощущение света может возникать на основе органа, не приспособленного эволюцией для реагирования на воздействие световых волн, причем критерием того, что поведенческие реакции испытуемых не были чисто рефлекторными, а свидетельствовали о наличии у них субъективной реальности ощущения, являлись вербальные отчеты испытуемых, то есть живая субъективность. На основе этих данных в своем последующем «Очерке развития психики» автор исследования проецирует понятие ощущения (как субъективного

отражения особенностей окружающей среды) на животных, хотя в изложении развития психики парадигма «от живой субъективности к реальности» им переворачивается и превращается в парадигму «от реальности (организм и его среда обитания) к психике и живой субъективности в виде сознания» (Леонтьев, 1947).

Интересно, что в примечании А.Н. Леонтьев упоминает западные исследования по экстрасенсорному восприятию, рассматривая их как ненаучные, поскольку они допускают возможность «восприятия воздействия без участия органов, раздражимых в отношении воздействующих агентов...» (Леонтьев, 1981, с. 73). Однако кожа ладони тоже изначально не раздражима в отношении видимого спектра электромагнитных волн, поэтому, по существу, доказательство того, что кожей руки можно ощущать свет, принципиально не отличается от предположения, что мыслью можно воспринимать мысли другого человека или воздействовать на материальный объект, а именно на этом предположении и основаны исследования по экстрасенсорному восприятию. Ведь о нашей способности мыслью воздействовать на физический объект (наше тело) свидетельствует наше любое произвольное действие, и мы не находим этот эмпирический факт удивительным. Таким образом, экспериментальное исследование А.Н. Леонтьева, по существу, проведено в парадигме «от наблюдения за живой субъективностью — к пониманию внешней реальности», хотя в построении модели развития психики этот принцип подменяется обратным.

Эффекты живой субъективности и эффекты в физике

Эффекты живой субъективности не имеют физических причин — это творческие эффекты, а такие эффекты всегда уникальны и не воспроизводятся с механической регулярностью. Даже в стандартных научных исследованиях, в которых измеряемые эффекты наблюдаются у сложных организмов — в биологии, фармакологии и психологии — воспроизводимость результатов гарантирована не всегда, и снижается со временем (Lehrer, 2010).

Итак, феномены живой субъективности реальны, но ими нельзя управлять так, как мы управляем физическими эффектами. Например, железный шарик, брошенный в воду, будет тонуть всегда. Способность же непосредственно воспринимать мысли других людей (телепатия) то появляется, то исчезает от эксперимента к эксперименту, даже если методика эксперимента не меняется. Существует лишь вероятность того, что данный эксперимент окажется успешным. Но

для нашей цели — проверить на основе объективного наблюдения возможность исследования живой субъективности — этих эффектов достаточно. Уникальность и невозпроизводимость вообще отличают явления живой субъективности от физических явлений. Мы не сомневаемся, что такие явления живой субъективности, как вера, надежда, любовь — существуют. Но ведь эти явления уникальны. А искусство? Работы Пикассо, Рембрандта, Модильяни уникальны и невозпроизводимы. Сюда же можно причислить сновидения. Ни один сон не повторяется дважды с точностью, с которой должны воспроизводиться феномены науки — и тем не менее мы видим сны.

Эффекты живой субъективности и когнитивная психология мейнстрима

Когнитивная психология мейнстрима подражает физическим наукам. В ней человек рассматривается среднестатистически, как биосоциокультурный объект. Когда психологи сообщают об исследованиях «нормальных» психологических процессов, предполагается, что результаты стабильны в течение всего времени эксперимента. Например, если мы хотим изучить, сколько из 10 элементов (например, цифр) человек может повторить сразу после того, как элементы отображаются на экране компьютера в течение короткого времени, а затем удаляются, мы приглашаем по 10 участников каждый день в течение 10 дней. Результаты покажут, что, хотя количество запоминаемых цифр варьирует от человека к человеку, среднее число, которое люди запомнили в каждый день тестирования, будет около 7, и это число будет оставаться примерно постоянным в течение всего периода тестирования, учитывая, что наш метод и отбор участников остаются прежними. Таким образом, когнитивная психология изучает не живую субъективность, а то в субъективности, что уже омертвело и автоматизировалось — то есть навыки в восприятии, мышлении и памяти. Это и обеспечивает результатам экспериментов в когнитивной психологии относительную устойчивость и воспроизводимость.

Напротив, эффекты живой субъективности могут значительно уменьшаться со временем тестирования, даже если условия эксперимента остаются постоянными. Тот факт, что такие эффекты не подчиняются физическим законам, объясняет, почему эти эффекты строго «локальны»: они проявляются только в специально созданных условиях, строго индивидуальны (в одних и тех же условиях некоторые субъекты проявляют эти эффекты, а другие — нет), и не

могут быть полностью воспроизведены. Эффекты живой субъективности также зависят от времени: они могут проявляться в начале эксперимента и исчезать в конце; один и тот же человек может проявить эти эффекты, а затем полностью потерять такую способность. В отличие от объективированной психики, где субъект и объект четко разделены, в живой субъективности это разделение исчезает. Хотя проявления живой субъективности активно исследуются, они стоят в стороне от психологии мейнстрима, поскольку имеют низкую степень воспроизводимости. Я лично, будучи первоначально настроенным скептически, провел несколько исследований в этой области, самостоятельно и в сотрудничестве, и пришел к выводу, что феномены живой субъективности, такие как непосредственное воздействие сознания на материю (Subbotsky, 2013) и «отдаленное видение» (Subbotsky, Ryan, 2015), реально существуют, но их выявление объективными методами очень сложно и не всегда воспроизводимо.

Задачи изучения живой субъективности

Помимо исследования указанных выше «аномальных явлений», отдельной задачей является изучение функционирования живой субъективности: исследование субъективного пространства, времени и причинности. В этом направлении достигнуты определенные результаты в новой области исследований — области *магического мышления* (Nemeroff, Rozin, 2000; Subbotsky, 2010; 2022; 2023; Субботский, 2015). Магическое мышление — это феномен живой субъективности, в котором разные элементы субъективности (например, восприятие и переживание или желание и действие) соединены не физическими силами, а по ассоциациям в субъективном пространстве и времени. В пространстве и времени живой субъективности можно путешествовать в прошлое и будущее или передвигаться со скоростью, превышающей скорость света в вакууме.

Наконец, необычной формой исследования живой субъективности является погружение в особые состояния сознания с помощью психотропных веществ (Pollan, 2018).

Практическое воздействие на живую субъективность и ее опасности

Что касается практического воздействия на живую субъективность, то она существует с начала времен, в форме магии и религии, а в медицине — в форме эффекта плацебо. Магия и эффект плацебо широко используются и в современной психотерапии, переименован-

ными в понятия психологической помощи и внушения. Для простоты назовем людей, воздействующих на живую субъективность другого человека, *терапевтами*. Терапевтом может быть религиозный лидер, маг, политик, врач, психотерапевт и всякий, пытающийся воздействовать на других при помощи слов, жестов, образов и другой символики. Любое воздействие на живую субъективность работает на основе симпатической магии — отождествлении клиента с содержанием сообщения терапевта. Изучение особенностей функционирования живой субъективности приводит к выводу, что в терапии, наряду с положительными моментами, таятся и серьезные опасности. Исключив из категории терапевтов откровенных мошенников, расплодившихся как мухи в наше трудное время, перечислю некоторые из опасностей, подстерегающих терапевтов с положительными намерениями относительно своих клиентов.

Перерождение

В ходе работы с клиентом у терапевта может возникнуть соблазн под видом психологической помощи решать свои собственные личные проблемы, как материальные, так и психологические (ощущение собственной власти и контроля над жизнью и поведением клиента). В таком случае терапия из психологической помощи превращается в магическую манипуляцию сознанием. Поскольку грань, которую при этом переходит терапевт, может быть незаметной как для клиента, так и для самого терапевта, необходима разработка форм контроля и самоконтроля, предотвращающие пересечение терапевтом этой невидимой грани. Разработка этих форм контроля и самоконтроля невозможна без понимания принципов работы живой субъективности.

Подвешенность

Вторая опасность, подстерегающая терапевта, работающего с живой субъективностью, состоит в отсутствии внешних опор для действия, поскольку в данном типе деятельности терапевт работает с магическим мышлением клиента, но и его собственное мышление подчиняется законам магии. Например, у физика или врача для ориентации в обращении с материей или телом человека есть объективные опоры во внешней реальности (законы физики или биологии). Такие же объективные опоры имеются у психолога, работающего в рамках культурно-исторического подхода: это логические структуры мышления, научные понятия и теории, социальные нормы поведения и общепринятые формы восприятия внешней реальности. У те-

рапевта живой субъективности такие опоры отсутствуют, поскольку у живой субъективности нет объективных законов. Поэтому терапевт вынужден действовать в соответствии с законами симпатической магии и «вкладывать» в клиента элементы своей собственной живой субъективности — свой опыт жизни и переживания, с которыми клиент может отождествиться, а может и не отождествиться. Иными словами, в работе с живой субъективностью терапевт движется «вслепую» и может судить об эффективности своих действий лишь по реакции клиента, который и является в итоге «последней инстанцией» и окончательным судьей эффективности терапевтического воздействия, что делает результат воздействия принципиально непредсказуемым, а лишь вероятностно прогнозируемым.

Передозировка влияния

Согласно психоанализу, любые сознательные действия человека требуют затраты психической энергии (Freud, 1935; Jung, 1960). Психическую энергию не следует смешивать с физической, которую мы затрачиваем, например, при совершении физических упражнений. Так, после трудного экзамена мы устаем как после тяжелой работы, не потратив при этом физической энергии. Недавние исследования в науках о мозге продемонстрировали, что такая энергия — не метафора, а вполне реальная сила, которая может быть измерена по сердечно-сосудистым и биохимическим показателям, таким как частота сердечных сокращений или уровень глюкозы в крови (Benton, Parker, Donohoe, 1996; Fairclough, Houston, 2004). Эксперименты показали, что любой акт самоконтроля заставляет уровень глюкозы в крови падать ниже оптимального уровня, что затрудняет последующие попытки самоконтроля. Затрата психической энергии происходит в любой деятельности, требующей усилия контроля над собой. Например, способность справляться с неприятными мыслями о смерти требует такого усилия, а это усилие расходует психическую энергию из имеющегося у человека ограниченного запаса. В серии специальных экспериментов, участников одной группы просили писать рассказ о смерти, а участников другой — рассказ на нейтральную тему. После этого участникам обеих групп предлагали выполнять одинаковые задания, требующие высокой степени самоконтроля. Оказалось, что писавшие о смерти выполнили задания на самоконтроль значительно хуже, чем писавшие на нейтральную тему (Gailliot, Baumeister, Schmeichel, 2006; Gailliot et al., 2007). Поскольку терапия живой субъективности требует от пациента больших затрат психи-

ческой энергии, чрезмерное вмешательство может привести к ее истощению и в итоге — к депрессии или, у больных с неврологическими нарушениями деятельности мозга — к ухудшению состояния.

«Энергетический вампиризм»

Психическая энергия живой субъективности может не только тратиться, но и передаваться другим через подчинение, восхваление и другие формы психологического взаимодействия. Так, человек, получивший награду или признание людей, испытывает прилив психической энергии. Поскольку в процессе психотерапии терапевт нуждается в безусловном доверии клиента, возникает опасность эксплуатации этого доверия. Незаметно для самого терапевта ощущение доверия к себе клиента может перерасти в наслаждение этим доверием и ощущение собственной власти над сознанием и чувствами человека. В своем крайнем варианте эта опасность, выйдя из-под контроля, может переродиться в «энергетический вампиризм» — подпитку терапевтом своей собственной психической энергии за счет эксплуатации внимания клиентов к своей особе (Csöff, 2022). Так, терапевт, не знакомый с принципами функционирования живой субъективности, может незаметно для себя превратиться из человека, подающего психологическую помощь, в энергетического вампира.

Нарушение приватности

Особенностью живой субъективности является ее приватность. Никто, если он не обладает уникальной способностью к телепатии, не имеет доступа к чужой живой субъективности. Поэтому доступ к своей живой субъективности, даже если он дан клиентом добровольно, может обернуться как добром, так и злом. Первоначально человек может чувствовать облегчение, поделившись с терапевтом своими секретами, но впоследствии почувствует разочарование. Метафорически говоря, раскрытие живой субъективности чужому человеку напоминает добровольное согласие невинной несовершеннолетней девушки на физическую близость с мужчиной. Это согласие может быть добровольным, но девушка может не понимать всех последствий такого согласия.

Обобщая этот далеко не полный список опасностей, подстерегающих работу с живой субъективностью, надо сказать, что практическая работа с живой субъективностью, которая не опирается на знание особенностей живой субъективности и ее психологические исследования — это «игра без правил», или своего рода искусство.

Но если произведение искусства приводит лишь к объективации живой субъективности художника, то «произведение» терапевта может необратимо отразиться на судьбе человека.

Личный опыт работы с живой субъективностью

В 1970-х гг. я был участником самого первого психотренинга в СССР (так называемой Т-группы), который проводил польский психотерапевт. И я был поражен, как легко терапевту пересечь грань между помощью и манипуляцией и стать жертвой «эффекта Зимбардо» (кстати, впервые опубликованного примерно в то же самое время). Было видно, что не все участники этой группы чувствовали себя в ней комфортно. В дальнейшем я многократно проводил демонстрации работы Т-групп в психологическом практикуме со студентами. В 1990-х гг. подобные группы, под видом «групп личностного роста», заполнили психологический рынок в России. Я присутствовал на лекциях приезжавшего в Москву Карла Роджерса, после чего всерьез увлекся изучением его типа «клиент-центрированной» психотерапии. Я наблюдал за эффектами, к которым приводили телесеансы Анатолия Кашпировского в 1980-х гг. Некоторые зрители сообщали об улучшении состояния (несомненный эффект плацебо), другие не чувствовали ничего, а у моей мамы, у которой ранее уже случился инсульт, произошло резкое ухудшение состояния, из которого ее пришлось выводить. Ну и конечно, неоднократно следил за телесеансами Алана Чумака, эффекты которых были основаны на плацебо в чистом виде. По существу, ощущение опасностей перерождения психологической помощи в манипуляцию или передозировку влияния, обычно слабо артикулированное, и лежит в основе необходимости регулирования статуса практического психолога, которое в США и Великобритании активно обсуждалось в 80-х годах прошлого века, а в России обсуждается сейчас.

Наконец, работая в Великобритании, я самостоятельно и в сотрудничестве проводил экспериментальные исследования влияния на живую субъективность (Subbotsky, Hysted, Jones, 2009; Subbotsky, Matthews, 2011; Subbotsky, Slater, 2011) и воздействия живой субъективности на внешнюю реальность (Subbotsky, 2013; Subbotsky, Ryan, 2015).

Границы применимости

Подводя итоги, хочу сказать, что, по моему мнению, культурно-исторический метод изучения психического и исследование живой

субъективности — это два принципиально разных подхода к изучению психики.

Культурно-исторический и производный от него социокультурный методы нацелены на управление субъективностью при помощи объективированных структур психики — знаково-символических образований, таких как речь, логическое мышление, научные понятия, социальные нормы или культурно-выработанные схемы восприятия. При этом «окаменелости живой субъективности» — символы и знаки, научные понятия, схемы, алгоритмы, нормы, теории и другие — являются «психологическими орудиями», которые опосредствуют работу живой субъективности. Такое опосредствование приводит к двум результатам. Во-первых, живая психика приспосабливается к требованиям социальной реальности, необходимым для общения с другими и для существования в социально-культурной среде. Во-вторых, живая психика теряет свою свободу, недифференцированность, спонтанность и способность генерировать творческие инновации.

В рамках культурно-исторического подхода предполагается, что сущность и личность человека определяется его принадлежностью к культуре: языком, уровнем образования и культурно-специфическими социальными и моральными ценностями. Культурно-исторический метод эффективен в обучении готовому знанию в школе, формировании навыков, восстановлении утерянных когнитивных функций у больных или формировании когнитивных и социально-моральных форм поведения, основанных на внешнем контроле.

Однако этот метод неприменим к живой субъективности — переживаниям, мотивационно-смысловой сфере, основанной на магических законах партиципации, эмоциональной сфере и творческому мышлению, поскольку этот метод рассматривает человека как объект.

Напротив, метод применимый к изучению живой субъективности можно назвать методом «высвобождающего воздействия» — эксперимента, основанного на самонаблюдении и отчете испытуемого в условиях, когда испытуемый может свободно структурировать реальность. В отличие от культурно-исторического метода, метод «высвобождающего воздействия» рассматривает человека как источник свободной и спонтанной активности, как существо буквально «делающее самого себя». Так понимаемый человек сам определяет, в ареале какого языка и в какой культуре ему хорошо, и если данное ему от рождения не устраивает его, он может от него отказаться или изменить его. В современной психологии такой метод используется в психоанализе (метод свободных ассоциаций и анализа фантазий

и сновидений) и в других направлениях, использующих проективные методики.

В отличие от культурно-исторического метода, при котором влияние на живую субъективность происходит путем принуждения, при методе «высвобождающего воздействия» влияние происходит в форме игры, фантазирования или свободного наблюдения. Например, в исследованиях показано, что наблюдение за фрагментами из фильмов про Гарри Поттера, которые содержат элементы сверхъестественного, приводит к активизации творческого мышления у детей (Subbotsky, Hysted, Jones, 2009), наблюдение за магическими эффектами в коммерческих клипах — к улучшению запоминания при узнавании коммерческих брендов (Subbotsky, Matthews, 2011), а игра в различие между реальными и фантастическими изображениями — к улучшению способности различать фантазии и реальность (Subbotsky, Slater, 2011). Это не значит, что воздействие культуры на живую субъективность не имеет значения, однако оно не меняет структуру живой субъективности, а проявляется в степени ее влияния на действия человека (Subbotsky, Quinteros, 2002).

Возвращаясь к А.Н. Леонтьеву, необходимо подчеркнуть, что он вполне осознавал принципиальные ограничения культурно-исторического подхода к психике, чему свидетельство его последняя книга «Деятельность. Сознание. Личность», в которой он подчеркивает ограниченность культурологического подхода, основанного на признании прямой детерминированности сознания культурными факторами — так называемом «постулате непосредственности»: «Происходит простая подстановка: место мира предметов теперь занимает мир выработанных обществом знаков, значений. Таким образом, мы снова стоим перед двучленной схемой S->R, но только стимул интерпретируется в ней как “культурный стимул”» (Леонтьев, 1975, с. 78). В противоположность этому подходу, А.Н. Леонтьев утверждает, что: «Сознание как форма психического отражения... не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений, которые, развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью субъекта. Значения и свернутые в них операции сами по себе, т.е. в своей абстракции от внутренних отношений системы деятельности и сознания, вовсе не являются предметом психологии. Они становятся им, лишь будучи взяты в этих отношениях, в движении их системы» (Леонтьев, 1975, с. 143). Можно предположить, что именно «внутренние отношения деятельности и сознания» и являются в терминах А.Н. Леонтьева эквивалентом

живой субъективности. Правда, в описании живой субъективности А.Н. Леонтьев не всегда последователен. В этой же работе он пишет: «Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, “что человеку нужно”, — от его потребностей, мотивов, установок, эмоций. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно проникать в реальность» (Леонтьев, 1975, с. 55–56). Однако ясно, что если живая субъективность объективно детерминирована, то она не является живой. Скорее то, что А.Н. Леонтьев хотел выразить — это то, что не всякая субъективность подчиняется творческому воздействию нашего внутреннего Я. Горы, деревья, галактики, научные понятия и даже наша личная боль и страсть недоступны прямым приказам нашего Я, хотя и представляют собой субъективные феномены (восприятия, мысли и чувства). Объективные факторы жизни человека, такие как культурная принадлежность, социальный статус, специальность, возраст, образование, отношения с другими людьми и т.п., конечно, влияют на субъективность, но не на живую, а на объективированную и застывшую в форме характера, темперамента, установок, привычек и других «окаменелостей сознания». Важно понять, что в каждый момент нашей сознательной жизни наша живая субъективность, сознательно или подсознательно, пересматривает и меняет все наше прошлое и все существующие «окаменелости», подтверждая, изменяя или отвергая их и строя «нового Себя».

Тем не менее А.Н. Леонтьев утверждает, что «Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту» и что «именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания — как объективное “поле” и объект его деятельности» (Леонтьев, 2007, с. 93). Хотя сам А.Н. Леонтьев не делает из этого утверждения столь далеко идущих выводов, по существу, это утверждение означает, что любое воздействие — физическое или культурное — существует лишь потому, что человек, прямо или косвенно, его осознает, если не в форме восприятия, то в форме мысли или представления. Если человек не осознает воздействие, то это воздействие в его субъективной вселенной не существует. Если человек умирает, то умирает и воздействующий на его субъективность внешний мир, со всеми галактиками, эволюцией и историей человечества. Конечно

Csöff, R. (2022). Energy Vampirism — An Issue for Psycho-Social Self-Care and Prevention. *Academia Letters*, Article 4590. <https://doi.org/10.20935/AL4590>

Fairclough, S.H., Houston, K. (2004). A metabolic measure of mental effort. *Biological Psychology*, 66, 177–190.

Freud, S. (1935). A general introduction to psychoanalysis. New York: Liveright.

Gailliot, M.T., Baumeister, R.F., DeWall, C.N., Maner, J.K., Plant, E.A., Tice, D.M., Brewer, L.E., Schmeichel, B.J. (2007). Self-control relies on glucose as a limited energy source: Willpower is more than a metaphor. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92, 325–336.

Gailliot, M.T., Baumeister, R.F., Schmeichel, B.J. (2006). Self-regulatory processes defend against the threat of death: Effects of self-control depletion and trait self-control on thoughts and fears of dying. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91, 49–62.

Jung, C.G. (1960). On psychic energy. In Jung, C.G. “On the nature of psyche”. New Jersey: Princeton University Press. (Original work published 1928).

Lehrer, J. (2010). The truth wears off. Is there something wrong with the scientific method? *New Yorker*, 13, 52–57.

Nemeroff, C., Rozin, P. (2000). The making of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In Rosengren, K.S., Johnson, C.N., Harris, P.L. (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Pollan, M. (2018). *How to change your mind: The new science of psychedelics*. New York: Penguin Press.

Subbotsky, E. (2010). *Magic and the mind. Mechanisms, functions and development of magical thinking and behavior*. New York: Oxford University Press.

Subbotsky, E. (2013). Sensing the future: Reversed causality or a non-standard observer effect? *SAGE open*, 1–17. (Retrieved from <https://openpsychologyjournal.com/VOLUME/6/PAGE/81/ABSTRACT>) (review date: 27.05.2022).

Subbotsky, E. (2022). *Faith Through the Prism of Psychology: A New Framework for Existentialism*. London; New York: Routledge.

Subbotsky, E. (2023). *Examining the Psychological Foundations of Science and Morality: Explaining the Inexplicable*. London; New York: Routledge.

Subbotsky, E., Hysted, C., Jones, N. (2009). Watching films with magical content facilitates creativity in children. *Perceptual and Motor Skills*, 111, 261–277.

Subbotsky, E., Matthews, J. (2011). Magical thinking and memory: Distinctiveness effect for TV advertisements with magical content. *Psychological Reports*, 109, 1–11.

Subbotsky, E., Quinteros, G. (2002). Do cultural factors affect causal beliefs? Rational and magical thinking in Britain and Mexico. *British Journal of Psychology*, 93, 519–543.

Subbotsky, E., Ryan, A. (2015). Motivation and belief in the paranormal in a remote viewing task. *The Open Behavioral Science Journal*, 15. (Retrieved from <https://benthamopen.com/ABSTRACT/TOBSJ-8-1>) (review date: 27.05.2022).

Subbotsky, E., Slater, E. (2011). Children's discrimination of fantastic vs realistic visual displays after watching a film with magical content. *Psychological Reports*, 112, 603–609.

References

- Benton, D., Parker, P.Y., Donohoe, R.T. (1996). The supply of glucose to the brain and cognitive functioning. *Journal of Biosocial Science*, 28, 463–479.
- Csőff, R. (2022). Energy Vampirism — An Issue for Psycho-Social Self-Care and Prevention. *Academia Letters*, Article 4590. <https://doi.org/10.20935/AL4590>
- Fairclough, S.H., Houston, K. (2004). A metabolic measure of mental effort. *Biological Psychology*, 66, 177–190.
- Freud, S. (1935). A general introduction to psychoanalysis. New York: Liveright.
- Gailliot, M.T., Baumeister, R.F., Schmeichel, B.J. (2006). Self-regulatory processes defend against the threat of death: Effects of self-control depletion and trait self-control on thoughts and fears of dying. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91, 49–62.
- Gailliot, M.T., Baumeister, R.F., DeWall, C.N., Maner, J.K., Plant, E.A., Tice, D.M., Brewer, L.E., Schmeichel, B. J. (2007). Self-control relies on glucose as a limited energy source: Willpower is more than a metaphor. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92, 325–336.
- Glossary. Psychological Dictionary. (Retrieved from [https://www.psychologies.ru/glossary/15/psihika/#:~:text="](https://www.psychologies.ru/glossary/15/psihika/#:~:text=)) (review date: 23.12.2022). (In Russ.).
- Jung, C.G. (1960). On psychic energy. In Jung, C.G. “On the nature of psyche”. New Jersey: Princeton University Press. (Original work published 1928).
- Lehrer, J. (2010). The truth wears off. Is there something wrong with the scientific method? *New Yorker*, 13, 52–57.
- Leontiev, A.N. (1975). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (1947). Essay on the development of the psyche. Moscow: Printing house of the Military Pedagogical Institute of the Soviet Army. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (1981). Problems of the development of the psyche. Moscow: Publishing. House of Moscow State University. (In Russ.).
- Leontiev, A.N. (2007). Lectures on general psychology. In D.A. Leontiev, E.E. Sokolova. (Eds). M.: Smysl: Publishing Center “Academy”. (In Russ.).
- Luria, A.R. (1994). Small book about great memory. Moscow: Eidos. (In Russ.).
- Nemeroff, C., Rozin, P. (2000). The making of the magical mind: The nature and function of sympathetic magical thinking. In Rosengren, K.S., Johnson, C.N., Harris, P.L. (Eds.), *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children* (pp. 1–34). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Omar Khayyam. Rubai. (Retrieved from http://www.epwr.ru/khayyam/txt_25.php) (review date: 12.05.2022). (In Russ.).
- Pollan, M. (2018). How to change your mind: The new science of psychedelics. New York: Penguin Press.
- Subbotsky, E. (2010). Magic and the mind. Mechanisms, functions and development of magical thinking and behavior. New York: Oxford University Press.
- Subbotsky, E. (2013). Sensing the future: Reversed causality or a non-standard observer effect? *SAGE open*, 1–17. (Retrieved from <https://openpsychologyjournal.com/VOLUME/6/PAGE/81/ABSTRACT>) (review date: 27.05.2022).

Subbotsky, E.V. (2015). I believe because it is absurd: The magic of religion. *Psikholog (Psychologist)*, 6, 76–115. (Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14239) (review date: 10.12.2022). (In Russ.).

Subbotsky, E. (2022). *Faith Through the Prism of Psychology: A New Framework for Existentialism*. London; New York: Routledge.

Subbotsky, E. (2023). *Examining the Psychological Foundations of Science and Morality: Explaining the Inexplicable*. London; New York: Routledge.

Subbotsky, E., Hysted, C., Jones, N. (2009). Watching films with magical content facilitates creativity in children. *Perceptual and Motor Skills*, 111, 261–277.

Subbotsky, E., Matthews, J. (2011). Magical thinking and memory: Distinctiveness effect for TV advertisements with magical content. *Psychological Reports*, 109, 1–11.

Subbotsky, E., Quinteros, G. (2002). Do cultural factors affect causal beliefs? Rational and magical thinking in Britain and Mexico. *British Journal of Psychology*, 93, 519–543.

Subbotsky, E., Ryan, A. (2015). Motivation and belief in the paranormal in a remote viewing task. *The Open Behavioral Science Journal*, 15. (Retrieved from <https://benthamopen.com/ABSTRACT/TOBSJ-8-1>) (review date: 27.05.2022).

Subbotsky, E., Slater, E. (2011). Children's discrimination of fantastic vs realistic visual displays after watching a film with magical content. *Psychological Reports*, 112, 603–609.

Поступила: 25.12.2022

Получена после доработки: 01.03.2023

Принята в печать: 25.04.2023

Received: 25.12.2022

Revised: 01.03.2023

Accepted: 25.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Васильевич Субботский — доктор психологических наук, ридер по психологии развития (эмеритус) факультета психологии университета Ланкастер, Великобритания, subbotsky@me.com, <https://orcid.org/0000-0002-5663-0517>

ABOUT THE AUTHOR

Eugene V. Subbotsky — Dr. Sci. (Psychology), Reader in Developmental Psychology (emeritus), Psychology Department, Lancaster University, United Kingdom, subbotsky@me.com, <https://orcid.org/0000-0002-5663-0517>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-21>

УДК 159.9.07, 159.953.8

Иерархическая регуляция непроизвольной памяти: включенность в деятельность, уровневые эффекты и судьба фоновых стимулов

**В.В. Нуркова^{✉1}, Г.Д. Взорин¹, Н.Б. Березанская¹,
С.А. Подоровская¹**

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ Nourkova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Деятельностная психология как общепсихологическая теория конкурирует с когнитивной психологией в объяснительной и прогностической мощности. Концептуальная репликация классических экспериментов П.И. Зинченко и Крейка — Локхарта позволит соотнести мнемические эффекты, возникающие непроизвольно в ходе деятельности, с фенотипически схожими данными об их зависимости от уровней переработки информации и установить применимость концептуального аппарата обеих теорий к результатам интегрированного по дизайну многофакторного исследования.

Цель. Сравнение выраженности мнемических эффектов включенности материала во немнемическую по своему характеру деятельность при различных требованиях к глубине обработки материала для сопоставления объяснительной мощности деятельностной психологии и теории уровневой переработки информации.

Выборка. 825 студентов вузов, 598 женщин (72,5%), 227 мужчин (27,5%).

Методы. Предъявлялись 15 частично перекрывающихся изображений предметов и чисел. Каждый из участников решал одну из шести задач, где варьировались направленность на числовой или наглядный материал и содержание цели действия (перцептивная, семантическая, самореференционная). Зависимой переменной выступало количество отсрочено верно воспроизведенных стимулов.

Результаты. Подтверждена универсальность открытого П.И. Зинченко закона преимущества объема воспроизведения материала, соответствующего содержанию цели предшествующего действия, по сравнению с фоновым.

Однако воспроизведение релевантного содержанию цели стимулов снижалось по мере углубления переработки информации, демонстрируя инверсию классического уровневого эффекта. Классический уровневый мнемический эффект для фонового материала (изображений) наблюдался после заданий на оперирование числами. Рассмотрение парности воспроизведения изображений как индикатора их объединения с числами в ходе решения числовой задачи показало, что, во-первых, повышение парности воспроизведения фоновых изображений связано с повышением успешности воспроизведения целевых чисел и, во-вторых, общее число воспроизведенных парами целевых и фоновых стимулов демонстрирует классический уровневый эффект. **Выводы.** Многофакторный эксперимент подтвердил приоритет детерминации произвольного запоминания релевантностью содержанию текущей деятельности и динамикой места материала в ее структуре. В соответствии с тезисом А.Н. Леонтьева о функциональной подвижности структурных единиц деятельности с усложнением заданий проявляется тенденция активно объединять целевые и фоновые стимулы в целостные операциональные единицы, переводя исходно фоновый материал в статус релевантного цели. Статистический контроль данной тенденции снимает наблюдаемую инверсию уровневого эффекта.

При анализе произвольной памяти получены аргументы в пользу большей объяснительной мощности деятельностного подхода по сравнению с когнитивным. Потенциал теории А.Н. Леонтьева использован для ассимиляции частных концептуальных схем когнитивной психологии в многоуровневую детерминацию порождаемых деятельностью произвольных мнемических эффектов.

Ключевые слова: А.Н. Леонтьев, деятельностный подход, произвольная память, П.И. Зинченко, когнитивная психология, теория Крейка-Локхарта, уровневая переработка, концептуальная репликация.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковника юстиции, доктора юридических наук Бессонова А.А., доцента кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина Комиссарову Я.В., доцента Сеченовского университета Салихову А.Б.

Для цитирования: Нуркова В.В., Взорин Г.Д., Березанская Н.Б., Подоровская С.А. Иерархическая регуляция произвольной памяти: включенность в деятельность, уровневые эффекты и судьба фоновых стимулов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. С. 154–182. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-21>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-21>

Hierarchical Regulation of Involuntary Memory: Involvement into Activity, Lop Effects, and the Fate of Background Stimuli

Veronika V. Nourkova¹✉, Gleb D. Vzorin¹, Natalia B. Berezanskaya¹,
Sofia A. Podorovskaya¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉Nourkova@mail.ru

Abstract

Background. Activity psychology as a metatheory competes with cognitive psychology in the explorative and predictive power. Phenotypical similarity of the results obtained by these two approaches in the research on involuntary memory requires a special analysis, which can be carried out by testing the applicability of the conceptual apparatus of both theories (with the highest relevance of the level of processing framework) in multifactorial studies.

Objective. The study was aimed at a direct experimental examination of the severity of involuntary memorization as an outcome of performing tasks with different requirements to the level of processing: perceptual, semantic, and self-referential.

Sample. Eight hundred twenty-five volunteer students participated in the study, 598 females (72.5%) and 227 males (27.5%).

Methods. A set of 15 visually overlapping dyads “picture-numeral” was presented. Each participant was randomly assigned to perform one of six tasks either focusing on pictures or numerals, and requiring either perceptual, semantic, or self-referential processing of targets. At test, the participants attempted to recall all the presented stimuli.

Results. P.I. Zinchenko’s thesis that activity determines involuntary encoding in the way that target stimuli are remembered much better than material perceived as a peripheral context was empirically replicated. The study revealed the inversion of typical LOP effect for the target material consisting in the decrease of subsequent recall in condition of deeper processing. However, there was a standard LOP effect for background pictorial material in numeral-targeted tasks. To examine the tendency to conjunct overlapping pictures and numerals into entire objects during task performance, we inspected the pairing of background and target stimuli at recall. The background pairing index predicted recall of target stimuli, increasing the percentage of explained dispersion from shadow to deep processing. In case

of control for this index, the sum remembering of pictures and numerals returned back to the standard LOP-effect.

Conclusion. The major contribution of activity to involuntary memorization was statistically confirmed. We explained the observed inversion of the standard LOP-effect for targeted numerical stimuli in terms of A.N. Leontiev's thesis on the fundamental functional mobility of structural units of activity. We examined a tendency to actively combine target and background stimuli into integral operational units, making the initially background material relevant to the goal of action. Statistical control of this tendency reversed the inversion of the LOP-effect so that the sum recalls gradually increased as processing deepened. Thus, we got arguments in favor of the greater explanatory power of the activity approach compared to the standard cognitive approach. The potential of A.N. Leontiev's theory was employed for the productive assimilation of particular conceptual schemes developed by cognitive psychology and clarifying their place in the multilevel determination of involuntary mnemonic effects generated by activity.

Keywords: A.N. Leontiev, activity approach, involuntary memory, P.I. Zinchenko, cognitive psychology, Craik-Lockhart theory, levels of processing theory, conceptual replication.

Acknowledgements. The authors are grateful to Dr.Sci. (Law) A.A. Bessonov, the Rector of Moscow Academy of Investigative Committee of Russian Federation, to Ya.V. Komissarova, Associate Professor of Kutafin University, and to A.B. Salikhova, Associate Professor of Sechenov University for their assistance in data collection.

For citation: Nourkova, V.V., Vzorin, G.D., Berezanskaya, N.B., Podorovskaya, S.A. (2023). Hierarchical Regulation of Involuntary Memory: Involvement into Activity, Lop Effects, and the Fate of Background Stimuli. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (2), 154–182. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-21>

Введение

Даже краткое перечисление достижений, экспериментально верифицирующих центральный тезис о деятельностной детерминации всей феноменологии психической жизни человека (Леонтьев, 2004), не оставляет сомнений в перспективности методологии данного подхода, в т.ч. для продуктивной ассимиляции результатов, полученных в рамках иных исследовательских парадигм (Нуркова, 2019; о методологических трудностях данной задачи см. Ромащук, 2017). Особенно впечатляющую эффективность методология деятельност-

ного подхода продемонстрировала в открытии базовых закономерностей явлений памяти.

Безусловной фундаментальной ценностью в контексте генетического аспекта исследования памяти человека как развивающейся высшей психической функции обладает универсальный закон «параллелограмма развития памяти» (Леонтьев, 1931), согласно которому продуктивность произвольной памяти обусловлена намеренным формированием опосредствованного культурными приемами мнемического цикла запоминания/доступа. Дальнейшую конкретизацию данный закон получил в концепции запоминания как конструирования мнемосхемы, включающей в себя процедуру кодирования и раскодирования материала согласно программирующему акт воспоминания плану субъекта (Ляудис, 2011). Критически значимы для понимания механизмов онтогенеза произвольной памяти результаты З.М. Истоминой о реципрокном освоении возможности регуляции памяти как стадийном формировании психологических новообразований, на каждом этапе по-новому интегрирующих мнемическую мотивацию и конкретный мнемотехнический прием (Истомина, 1953; Smirnov et al., 1971).

Однако совершенно особый статус важнейшей вехи на пути диалектического снятия до сих пор актуальной для психологии дихотомии произвольных и произвольных процессов (Соколова, 2021) имеет цикл работ П.И. Зинченко, посвященных функциональному анализу взаимосвязи произвольной памяти и осуществляемой субъектом деятельности (Зинченко, 1939; 1959; 1961). В духе принципиальных положений деятельностной психологии научно-исследовательская программа П.И. Зинченко преодолевает трактовку произвольной и произвольной памяти как противоположных или количественно различных психических феноменов за счет их интеграции в целостную структуру реальной деятельности, где функциональные роли мнемического действия или операции ведут к качественному своеобразию их результатов (конечно, не сводимому к параметру лучше-хуже). Как подчеркивают А.Н. Лактионов и Г.К. Середа: «Наследие П.И. Зинченко — это один из выразительных примеров не только “хорошо понятого”, “присвоенного” деятельностного подхода, но и богатой жизненной и научной интуиции, что отразилось в ясной по замыслу и филигранной по исполнению экспериментальной программе, итогом реализации которой было выявление теперь уже ставших классическими законов развития и функционирования произвольной памяти в ее взаимоотноше-

ниях с произвольной» (Лактионов, Середа, 1993, с. 103). Более того, согласно исторической реконструкции В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова (2013) на основании устных выступлений А.Н. Леонтьева, результаты экспериментов П.И. Зинченко предшествовали и во многом подготовили каноническую модель многоуровневого строения деятельности, где каждому из выделенных уровней соответствуют качественно специфические закономерности функционирования психического.

Таким образом, на наш взгляд, при обсуждении данного цикла исследований речь должна идти не только о заслугах в разотождествлении произвольного и случайного запоминания, установлении конкретных «взаимоотношений» между произвольными и произвольными процессами запоминания и воспроизведения, а о решающем вкладе в формулировку универсальных концептуальных принципов деятельностного подхода. Есть все основания утверждать, что исследования П.И. Зинченко полноценно воплотили идею о сквозной детерминации памяти человека семиотически опосредствованной деятельностью, то есть практически вынесли роль деятельности на высший уровень в регуляции функционирования спроектированной ходом культурного антропогенеза системы психики. В обобщающей монографии «Непроизвольное запоминание» П.И. Зинченко явно акцентирует этот итог своей работы, далеко выходящий за рамки безусловно значимого факта преимущества освоения материала в условиях его соответствия содержанию цели выполняемого действия, по сравнению с материалом, воспринятым в статусе фоновой стимуляции («присваивает субъект действия, а не субъект пассивного созерцания») (Зинченко, 1961, с. 157). Он пишет: «Непроизвольное запоминание является также всегда опосредствованным, хотя и иначе, чем произвольное запоминание, если исходить из того, что всякая деятельность, в которой осуществляется произвольное запоминание, всегда связана и с наличием соответствующих ее целям и содержанию средств» (там же, с. 125).

Масштабность и детальность научно-исследовательской программы П.И. Зинченко, реализованной в десятках экспериментов, порой исторически разделенных десятилетиями, тем не менее не означает завершенности его проекта в смысле исчерпывающего решения поставленных проблем. По результатам серии выполненных работ автором выстраивается континуум мнемических последствий деятельностного опосредствования памяти: характеристики деятельности субъекта задают качества мнемического продукта и в случае

наличия цели запомнить, и в случае осознаваемой необходимости оперирования с материалом для достижения немнемической по содержанию цели. Однако гораздо меньшей экспериментальной разработке подвергнута ситуация оценки релевантности актуальной цели формально фонового материала, как с отрицательным, так и с положительным результатом. Согласно базовому для когнитивной психологии взгляду на стратегии познания, любой доступный восприятию фоновый материал постоянно проходит «встроенный» в решение текущей задачи автоматический мониторинг потенциальной пригодности включения в основной информационный поток обеспечения выполнения действия (Treisman, 1964). Очевидно, что аналогичный мониторинг может быть и намеренным, представляющим собой побочную, параллельную основной линии деятельности (Neisser, 1979). Отсюда возникает ряд вопросов. Всегда ли запоминание фонового материала объясняется лишь колебаниями внимания? Или, при определенных условиях, в процессе решения задачи может происходить изменение статуса воспринимаемого материала — исходно релевантный цели материал временно становится фоновым и наоборот? Иными словами, может ли место материала в структуре деятельности динамично изменяться в связи с требованиями задачи и индивидуальной стратегией реализации цели субъектом?

Изучая зависимость произвольного запоминания от того «какие свойства, связи и отношения в материале раскрывает тот или иной способ деятельности» (Зинченко, 1961, с. 209), П.И. Зинченко показал линейное повышение воспроизведения вербального материала по мере включения в задачи, требующие все более абстрактных форм познавательной активности (генерация парных слов «по первой букве» — «по свойствам» — «по связям»). Однако в другой экспериментальной серии (там же, глава 4) были получены крайне провокативные данные о неаддитивном характере взаимодействия между требованиями решаемой задачи и местом материала в структуре немнемического действия в детерминации его произвольного запоминания. После решения задачи на выбор слова, находящегося с целевым в конкретной связи по типу «часть-целое», участники воспроизводили его хуже, чем отвергнутое слово, с которым потенциально могла быть установлена понятийная связь по типу «род-вид». Иными словами, положительный эффект связывания материала с целевым уровнем выполненного немнемического действия был выражен слабее в том случае, когда слово, формально не относящееся к поставленной цели, содержало возможность более абстрактного

анализа (которому, вероятно, реально и подвергалось). Возникает ассоциация об аналогии с известным эффектом Струпа, когда автоматическая актуализация семантической переработки (понимание значения слова) препятствует решению перцептивной задачи (называние цвета шрифта).

Наличие подобных неоднозначных результатов, делает особенно перспективным пересечение в едином многофакторном дизайне как развернутых, так и данных лишь «намеком» линий экспериментирования П.И. Зинченко. Это важно не только для прояснения возможной иерархии различных механизмов деятельностного опосредствования памяти, но и для сверки объяснительной силы близких по объекту исследования теорий, отчасти уже вступивших в диалог-дискуссию (см. Величковский, 1999; Крейк, Локхарт, 2009; Neisser, 1996; Yasnitsky, Falikman, 2011). Так, Б.Г. Мещеряков (2004), сопоставляя подход Зинченко и теорию уровневой переработки информации, разрабатываемую на методологической платформе когнитивной психологии, оценивает их как конвергирующие линии в исследовании памяти. Напомним, что данная теория рассматривает запоминание как следствие выполнения инициированных задач когнитивных операций, которые различаются как по основному — познавательному, так и по дополнительному — мнемическому эффектам. Напротив, сами авторы теории уровневой переработки информации, хотя и отдают должное результатам П.И. Зинченко как «важным предшественникам» своего подхода, (Craig, Lockhart, 1972; Крейк, Локхарт, 2009), скептически относятся к идее деятельностной детерминации, сводя роль деятельности к прямому влиянию актуальной мотивации. Напомним, что А.Н. Леонтьев убедительно теоретически и экспериментально доказывал, что изучение психики человека в оптике введенной им триады «деятельность — сознание — личность» позволяет разрабатывать не очередную частную теорию, рядоположенную другим уже существующим, а ведет к созданию научной теории более высокого уровня, задающей логику обогащения ее накопленными ранее и параллельно обнаруживаемыми фактами и закономерностями психической жизни, полученными учеными иных методологических ориентаций.

Обсуждаемое нами выше отсутствие четкой соотнесенности между деятельностной психологией памяти и когнитивной психологией (в частности, теорией уровневой переработки информации) требует гораздо более серьезного анализа. Необоснованной представляется и трактовка открытых в рамках обеих теорий мнемических

эффектов как аналогов, имеющих различное происхождение, но ведущих к идентичным выводам. Назрела необходимость системно-функционального анализа их соотношения как «фундаментальной теоретической схемы» и «частной теоретической схемы» (Степин, 2000). Приоритет мы отдаем деятельностной концепции детерминации явлений памяти, как «фундаментальной теоретической схеме».

Мы считаем, что поиск ответа на остающийся открытым вопрос о том, являются ли схожие результаты экспериментов лишь фенотипическими двойниками или они могут быть объяснены в рамках теории деятельности и соотнесены системно-иерархически, предполагает создание экспериментальной ситуации с противоречием прогнозов конкурирующих интерпретаций.

Подчеркнем, что прямые репликации исследований П.И. Зинченко роли включенности материала в деятельность (Зинченко, 1961) проводились отечественными коллегами (Иванова, Мажирина, 2008; Yasnitsky et al., 2008) и показали высокую воспроизводимость основного результата. В то же время эксперименты, наиболее созвучные модели уровневой переработки информации, насколько нам известно, не подвергались репликации.

Исходя из вышеизложенного, предпринятая нами концептуальная репликация (см. подробно о понятии Zwaan et al., 2018) преследовала двоякую **цель**: во-первых, прямое экспериментальное соотнесение эффектов включенности материала в деятельность и эффекта решения задач, требующих различной глубины обработки материала, и, во-вторых, фокусировка на тех результатах, относительно которых прогнозы деятельностной психологии памяти П.И. Зинченко и теории уровневой переработки информации будут существенно различаться.

В соответствии с фокусом исследования на взаимодействии разноуровневых механизмов непроизвольного запоминания после выполнения немнемического задания были сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Намеренное отсроченное воспроизведение материала более эффективно в том случае, когда с ним целенаправленно оперировали для решения задачи, по сравнению с тем случаем, когда он воспринимался в качестве фонового. Данная закономерность проявляется устойчиво и независимо от конкретных требований задачи, в которую был включен материал, что является доказательством реплицируемости приоритета положительного мнемического эффекта включенности материала в деятельность (эффекта П.И. Зинченко).

Гипотеза 2. Эффективность воспроизведения материала варьирует в зависимости от требований задачи (перцептивный, семантический, самореференционный уровень переработки), типа материала (числовой или наглядный), статуса материала в процессе решения задачи (целевой или фоновый) и времени работы с материалом.

Гипотеза 2а. Исходя из положений когнитивной психологии памяти в варианте уровневой теории переработки, следует предположить планомерное возрастание воспроизведения включенного в задачу материала по мере изменения требований задач с точки зрения глубины переработки информации (перцептивная / семантическая / самореференционная). Относительно фонового материала проявление уровневых эффектов не ожидается, так как данный материал должен стабильно подвергаться лишь поверхностной переработке с оценкой сенсорных качеств. Запоминание фонового материала носит инцидентный характер и обусловлено колебаниями внимания. Поскольку задачи, требующие более глубокой переработки информации, также являются более ресурсоемкими относительно внимания, объем инцидентного запоминания фонового материала будет снижаться при переходе от перцептивной к семантической и самореференционной задаче.

Гипотеза 2б. Исходя из положений деятельностной психологии памяти, следует допустить возможность вариативности продуктивности воспроизведения как целевого, так и фонового относительно требований задачи материала в связи с индивидуальными стратегиями организации познавательной деятельности в ходе решения задач разного типа. Запоминание фонового материала может носить как инцидентный характер, обусловленный колебаниями внимания, так и отражать согласующееся с тезисом о принципиальной подвижности структурных единиц деятельности переход фонового материала в статус релевантного цели.

Выборка

В исследовании по межгрупповому плану приняли участие 825 студентов московских вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова — 375, Московская академия Следственного Комитета РФ — 206, Сеченовский университет — 94, МГППУ — 72, другие вузы — 78), в возрасте от 16 до 29 лет ($M = 19,87$ лет, $\delta = 2,960$), 598 женщин (72,5%), 227 мужчин (27,5%). Участники были случайным образом распределены на 6 групп: группа 1 — 86; группа 2 — 102; группа 3 — 198; группа 4 — 144; группа 5 — 167; группа 6 — 128 человек. Неравное представительство

участников в группах связано с организацией исследования: участники случайно выбирали условие из 6 вариантов.

Методы

Эксперимент был реализован в качестве интернет-приложения на языке JavaScript. Каждый участник проходил все процедуры индивидуально по предоставленной ему ссылке (https://msu-memory-lab.ru/zin_research/), используя доступный ему ноутбук и выбирая серию эксперимента в соответствии с сообщенным ему распределением в одну из шести групп.

Стимульным материалом выступала матрица, состоящая из 15 изображений, каждое из которых включало в себя частично перекрывающиеся друг друга предмет и число (рис. 1). Было разработано 5 различных матриц для элиминации возможного влияния более высокой запоминаемости каких-либо предметов, чисел, либо их сочетания.

В зависимости от распределения в экспериментальные группы участники получали одну из шести инструкций (рис. 2). Инструкции были составлены таким образом, чтобы сочетать факторы материала, на который направлено действие (числа или предметы) и содержания цели действия (перцептивная, семантическая, самореференционная задачи). Уточним, что расположение чисел в порядке убывания рассматривалось как перцептивная задача в связи с установленным фактом автоматического перевода пропозиционной репрезентации визуально воспринимаемого числа в его наглядный количественный аналог (Dehaene, Akhavein, 1995). От испытуемых требовалось при помощи компьютерной мыши переместить элементы в соответствующие области экрана. Фиксировалось время выполнения задания.

После завершения выполнения основного задания участникам предлагалось выполнить моторную задачу GO/NOGO, входящую в стандартную батарею диагностики ингибиторного компонента исполнительных функций (Виленская, 2016; Величковский, 2009). Задача GO/NOGO была реализована программно средствами PsyToolkit (Stoet, 2010; 2017). Согласно инструкции от участников требовалось нажимать на клавишу «пробел» при появлении на экране зеленого стимула и воздерживаться от нажатия при появлении красного стимула. Выполнение задания включало 30 проб и занимало около 30 сек. В данной статье данная задача рассматривается как филлерная и результаты ее выполнения не анализируются. По окончании моторной пробы участников просили письменно воспроизвести

Рис. 1. Пример стимульного материала исследования (Набор 4)

Fig. 1. Sample stimulus material (Set 4)

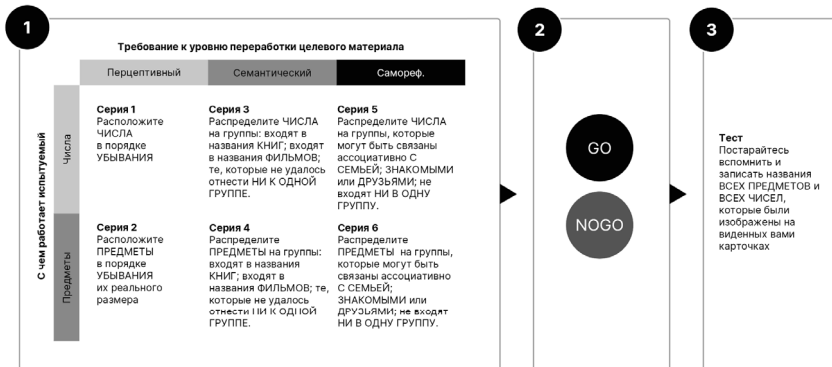

Рис. 2. Схема проведения исследования

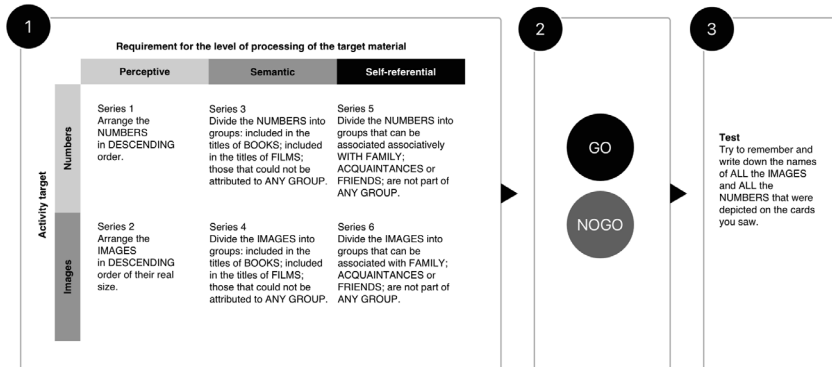

Fig. 2. Experimental design

в произвольном порядке все объекты (числа и предметы) из предъ-
 явленной матрицы.

Результаты

Описательная статистика полученных эмпирических данных о
 продуктивности воспроизведения представлена в табл. 1.

Таблица 1

Описательная статистика продуктивности воспроизведения в зависимости
 от включенности материала в деятельность и типа решенной задачи (max
 15 шт.)

	Тип задачи		
	Перцептивная	Семантическая	Самореференционная
	Среднее (δ), шт.	Среднее (δ), шт.	Среднее (δ), шт.
Число — объект	8,326 (2,892)	7,551 (3,702)	5,431 (3,952)
Число — фон	2,833 (3,357)	3,597 (3,825)	2,070 (2,848)
Предмет — объект	11,373 (3,922)	9,271 (3,259)	9,516 (3,425)
Предмет — фон	3,023 (2,774)	6,586 (3,636)	7,623 (3,593)

Table 1

Descriptive statistics of correct recall by inclusion in the task and task
 requirements (max 15 items)

	Task		
	Perceptual	Semantic	Self-referential
	Mean (δ)	Mean (δ)	Mean (δ)
Numeral — target	8.326 (2.892)	7.551 (3.702)	5.431 (3.952)
Numeral — ground	2.833 (3.357)	3.597 (3.825)	2.070 (2.848)
Picture — target	11.373 (3.922)	9.271 (3.259)	9.516 (3.425)
Picture — ground	3.023 (2.774)	6.586 (3.636)	7.623 (3.593)

Универсальность положительного мнемического эффекта включенности в задачу

Для проверки Гипотезы 1 о преимуществе воспроизведения мате-
 риала, включенного в выполненную задачу, по сравнению с фоновым
 был проведен многофакторный дисперсионный анализ MANOVA для
 продуктивности воспроизведения чисел и предметов с межгрупповы-
 ми факторами включенности материала в решение задачи (материал
 является объектом, материал является фоном) и типа задачи (перцеп-

тивная, семантическая, самореференционная) с введением времени выполнения задания в качестве ковариаты. Включение данной ковариаты было обусловлено существенными различиями во времени выполнения заданий с различными инструкциями ($F(5, 818) = 24,422$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,240$). Максимально длительным было выполнение семантического задания ($p < 0,001$), при отсутствии значимых различий между перцептивным и самореференционным заданиями ($p = 0,338$).

Анализ выявил наличие главных эффектов обоих факторов, их взаимодействие и значимое влияние ковариаты. Для чисел: фактор включенности ($F(1, 818) = 258,930$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,240$), фактор типа задачи ($F(2, 818) = 20,458$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,048$), взаимодействие факторов ($F(2, 818) = 6,719$, $p = 0,001$, $\eta_p^2 = 0,016$), время выполнения задания ($F(1, 818) = 22,749$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,027$). Для предметов: фактор включенности ($F(1, 818) = 300,336$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,269$), фактор типа задачи ($F(2, 818) = 9,174$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,022$), взаимодействие факторов ($F(2, 818) = 51,719$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,112$), время выполнения задания ($F(1, 818) = 8,070$, $p = 0,005$, $\eta_p^2 = 0,010$). Дополнительный сфокусированный анализ показал, что с учетом поправки Бонферрони на множественные сравнения, продуктивность воспроизведения релевантных содержанию цели чисел выше воспроизведения фоновых чисел и после решения перцептивной задачи, и после решения семантической задачи, и после решения самореференционной задачи ($p < 0,001$ для всех сравнений). Аналогично, продуктивность воспроизведения релевантных содержанию цели предметов выше воспроизведения фоновых предметов во всех задачах ($p < 0,001$ для всех сравнений). Таким образом, Гипотеза 1 была полностью поддержана эмпирическими данными. Следовательно, можно уверенно констатировать, что фактор включенности в задачу является высоко значимым и генерирующим основные различия между условиями как для абстрактного числового, так и для наглядного материала. Полученный результат наглядно представлен на рис. 3.

Инверсия мнемического эффекта уровней переработки информации

Согласно прогнозу теории уровневой переработки информации (Гипотеза 2а), воспроизведение включенного в задачу материала должно было планомерно возрастать при сравнении мнемического эффекта перцептивной / семантической и семантической / самореференционной задач. Однако описанный выше главный эффект фактора типа задачи проявился в наших данных по-иному.

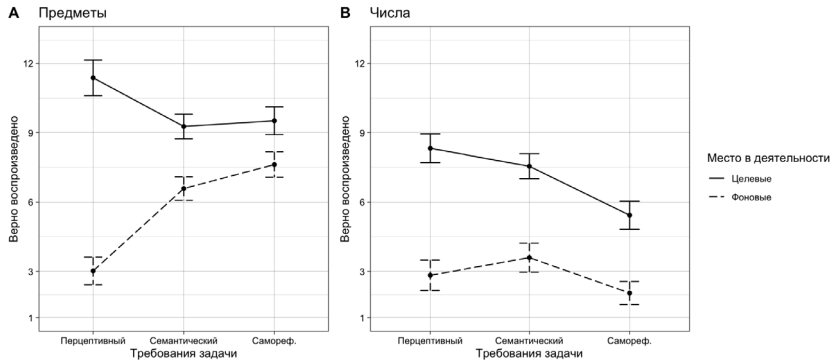

Рис. 3. Средние значения продуктивности воспроизведения стимулов каждого вида в зависимости от включенности в деятельность и типа задачи (максимум 15 шт.). Диаграммы размаха на графиках обозначают доверительные интервалы 95%

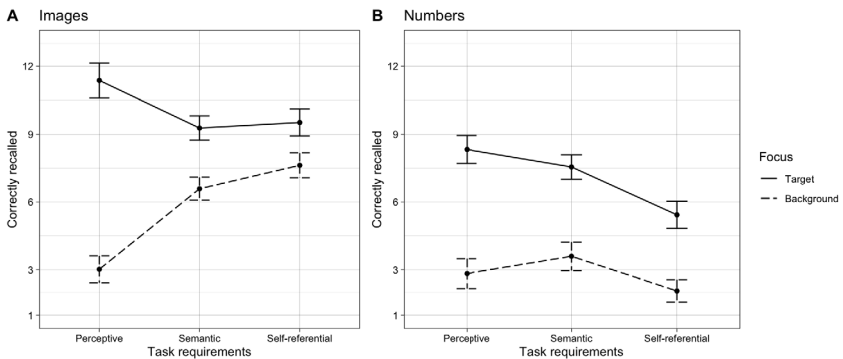

Fig. 3. Mean memory performance for pictures and numerals by involvement in activity and the type of the task (max. 15 items). Error bars represent 95% confidence intervals

Для включенного в задачу числового материала зафиксирована полная инверсия классического уровневого эффекта, то есть воспроизведение после выполнения направленной на числа перцептивной задачи было выше, чем после семантической ($p = 0,05$), которое, в свою очередь, было выше, чем после самореференционной задачи ($p < 0,001$). Для фонового числового материала после выполнения заданий с предметами уровневый эффект не наблюдается. Уровень значимости указан во всех случаях с учетом поправки Бонферрони

на множественные сравнения и ковариаты длительности выполнения задания.

Для включенного в задачу наглядного материала зафиксирована частичная инверсия классического уровневого эффекта, которая заключается в снижении продуктивности воспроизведения после выполнения направленных на предметы семантической и самореференционных задач по сравнению с перцептивной ($p = 0,001$). Парадоксальным с позиций теории уровневой переработки образом, классический уровневый эффект наблюдался для наглядного материала в статусе фонового по отношению к решению направленных на числовой материал задач. В этом случае воспроизведение предметов планомерно повышалось после решения семантической задачи по сравнению с перцептивной ($p < 0,001$) и после решения самореференционной задачи по сравнению с семантической ($p < 0,010$). Подчеркнем, что уровневый эффект для наглядного фонового материала после решения самореференционной задачи являлся настолько сильно выраженным, что в рамках данного условия участники эксперимента воспроизводили фоновый материал лучше целевого ($F(1, 165) = 31,917, p < 0,001, \eta_p^2 = 0,162$). Соотношение продуктивности воспроизведения целевого и фонового материала после выполнения задач представлено на рис. 4.

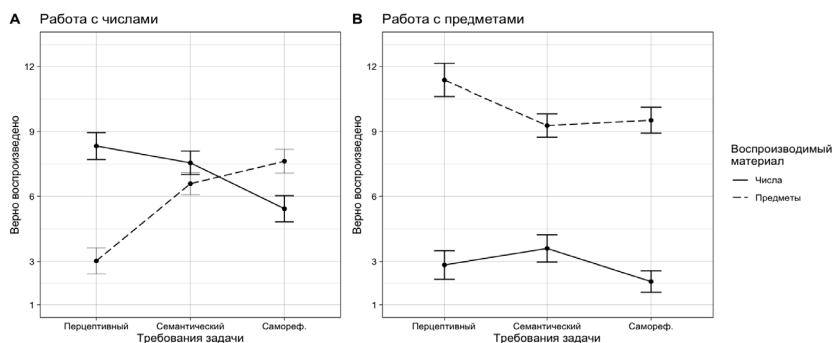

Рис. 4. Средние значения продуктивности воспроизведения стимулов в рамках задач с различной направленностью в зависимости от включенности в деятельность и типа задачи (максимум 15 шт.). Диаграммы размаха на графиках обозначают доверительные интервалы 95%

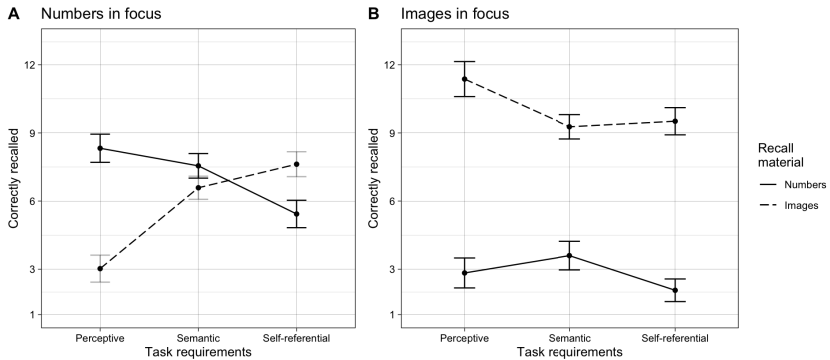

Fig. 4. Average recall performance for tasks focused on pictures and numerals by involvement in activity and the type of the task (max. 15 items). Error bars represent 95% confidence intervals

Гипотеза о подвижности места материала в структуре деятельности в зависимости от стратегии решения задачи

Обнаруженная в данном исследовании инверсия уровневого мнемического эффекта, безусловно, требует объяснения, так как противоречит основному прогнозу теории уровневой переработки информации.

Одним из таких объяснений может быть то, что совмещение в визуальном поле целевого и фонового стимулов требует расходования дополнительного ресурса на выделение указанной в инструкции «фигуры» из фона. В более ресурсоемких задачах это может привести к дефициту доступной «дополнительной мощности» внимания и, как следствию, недостаточному кодированию целевого материала (Fisk, Derrick, Schneider, 1982). Сходные данные были получены Р.С. Шилко (2003) при тестировании продуктивности воспроизведения стимульного материала задачи Струпа: при возрастании когнитивной нагрузки в условии конфликта семантики слов и цвета шрифта, объем воспроизведения значительно снижлся. Согласно интерпретации автора, когнитивный аппарат в данном случае «жертвовал» запоминанием как побочным продуктом деятельности в пользу качественного решения основной задачи. Указанная интерпретация выглядит приемлемой в случае задачи, где целевым материалом выступали предметы (инверсия уровневого эффекта для целевого материала в сочетании с отсутствием эффекта для фонового материала). Однако повышение воспроизведения наглядного материала в задачах,

направленных на числовой материал, противоречит предположению об универсальности «дефицитарного» механизма.

Другое объяснение может быть связано с тем, что при выполнении более сложных заданий участники начинают чаще отвлекаться на фоновый материал, что ведет к повышению его инцидентного запоминания. Такая трактовка, наоборот, применима к задачам, направленным на числовой материал (синхронное понижение воспроизведения целевого материала и повышение воспроизведения фонового), но противоречит результатам в задачах с целевым наглядным материалом, где повышение воспроизведения фонового материала отсутствует.

С позиций тезиса деятельностного подхода о подвижности «образующих» системы деятельности (Леонтьев, 2004), в т.ч. в связи с динамикой ее микрогенеза, обоснованным представляется еще один вариант. Возможно, усложнение требований задачи актуализирует тенденцию к активному оперированию не только целевыми, но и фоновыми стимулами, что делает последние также релевантными целевому уровню деятельности. Иными словами, при решении задачи человек может не ограничиваться формально заданными инструкцией параметрами (например, решать задачу с числами), но стремиться расширить зону поиска для потенциального использования большего объема информации. Результатом такой поисковой активности может быть интеграция изолированных ранее стимулов в целостные более информационно насыщенные единицы. Вследствие перехода к оперированию такими более высокоуровневыми объектами, воспроизводиться впоследствии будут не независимые друг от друга ряды стимулов (числа и предметы), а спаянные включенностью в решение задачи композиты (число-предмет).

Приведем несколько примеров в поддержку нашего предположения. Участник ЛДР (N 146, перцептивная задача — предметы) в окне ответов выражает недоумение «А там были числа?» после чего верно воспроизводит 13 предметов. Аналогично, участница НИВ (N 157, перцептивная задача — предметы) указывает «Я не смотрела на числа», после чего воспроизводит 14 предметов и ни одного числа. Напротив, показавший высокий уровень воспроизведения как целевого, так и фонового материала (14 чисел и 10 предметов) участник АИА (N 324, семантическая задача — числа) генерирует ответы попарно, чередуя число и соответствующий ему в предъявленной матрице предмет (40, апельсин, 5, дом, 47, планета, 10, кольцо, 1, дерево, 72, таблетка, 80, лебедь, 50, меч, 34, кот, 38, яйцо, 99, 12). Участник ВЕВ

(N 330, семантическая задача — числа) с близкими к максимально-му значению результатами (14 чисел и 14 предметов) также строит свой ответ попарно, хотя и в иной последовательности (50, меч, 12, муравей, 24, кот, 99, наушники, 38, яйцо, 80, лебедь, 5, дом, 72, таблетка, 47, планета, 2, шкаф, 40, апельсин, 10, кольцо, 1, дерево, 34, свеча). Показательно также, что все участники с максимально возможными показателями воспроизведения стимульного материала (30 правильных ответов, 10 случаев: NN 182 ФАА, 340 ИАГ, 353 МАА, 354 МВН, 365 ПГА, 374 СКЭ, 382 ШКЮ, 496 ЛВЕ, 498 ЛВВ, 648 ВЮС), во-первых, следовали указанной попарной стратегии воспроизведения и, во-вторых, решали семантическую задачу с числами (кроме N 182, перцептивная — предметы).

Полученный порядок воспроизведения, по нашему мнению, является зеркальным по отношению к стратегии решения задач и свидетельствует об активном включении фонового материала в поиск решения.

Для статистической проверки реалистичности описанной гипотезы мы ввели в анализ дополнительную переменную — коэффициент парности фонового материала, вычисляемый как отношение числа правильно воспроизведенных пар к числу воспроизведенных фоновых стимулов. Значение данной переменной показывает, насколько закономерным (парным) или инцидентным был воспроизведенный фоновый материал. Приближение значения данного коэффициента к 1 свидетельствует о том, что участник эксперимента реализовывал интегрирующую стратегию решения, в то время как приближение значения к 0 — о ведущей роли отвлечений в запоминании фоновых стимулов.

В условиях направленности деятельности на числа, регрессионные уравнения для каждого типа задач обнаружили, что коэффициент парности фонового материала (предметов) является положительным предиктором эффективности воспроизведения целевого материала (чисел) с планомерно нарастающими показателями процента объясняемой дисперсии. В случае решения перцептивной задачи данная переменная объясняла лишь 14,3% дисперсии ($F(1, 85) = 14,064$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,143$, $\beta = 0,379$), в то время как в случае семантической задачи — уже 37,5% дисперсии ($F(1, 196) = 117,761$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,375$, $\beta = 0,613$), а в случае самореференционной задачи процент объясненной дисперсии достигал 66,7% ($F(1, 165) = 330,455$, $p < 0,001$, $R^2 = 0,667$, $\beta = 0,817$). Таким образом, чем большую пропорцию фоновых предметов участник воспроизводил как пары к целевым числам,

тем больше чисел он был способен воспроизвести. Причем мощность этой закономерности кратно растет при переходе от перцептивных к семантическим и самореференционным задачам. Кажется логичным заключить, что стратегия укрупнения единиц оперирования за счет распространения целесообразности на прежде фоновый материал давала совокупный положительный мнемический эффект. Показательно, что многие участники ретроспективно отчитывались о попытках решить основную задачу «с числами», привлекая совмещенные с ними изображения.

Данное рассуждение приводит нас к предположению о том, что наблюдаемая инверсия уровневого эффекта после решения числовых семантической и самореференционной задач является отчасти иллюзорной, поскольку парно воспроизведенные «фоновые» стимулы корректно было бы рассматривать в совокупности с целевыми. В соответствии со сделанным прогнозом, ANOVA для совокупности всех правильно воспроизведенных стимулов (числа + слова) после решения числовых задач с межгрупповым фактором типа задачи (перцептивная, семантическая, самореференционная) и введением коэффициента парности фонового материала (предметов) и времени выполнения заданий в качестве ковариат показал значимость главного эффекта типа задачи ($F(2, 447) = 6,216, p = 0,02, \eta_p^2 = 0,027$) и ковариат: коэффициента парности фонового материала ($F(1, 447) = 148,171, p < 0,001, \eta_p^2 = 0,249$) и времени выполнения заданий ($F(1, 447) = 4,491, p = 0,035, \eta_p^2 = 0,010$). Причем эффект ковариат коэффициента парности фонового материала проявляется в том, что суммарная продуктивность воспроизведения воспринятого материала оказывается выше после решения семантической и самореференционной задачи по сравнению с перцептивной ($p = 0,001$ после поправки Бонферрони на множественные сравнения). Соотношение суммарной продуктивности воспроизведения в числовых задачах с учетом вклада ковариат представлено на рис. 5.

Таким образом, выдвинутая гипотеза находит поддержку в качестве вероятного объяснения наблюдаемых фактов инверсии уровневого эффекта для целевого материала и классического уровневого эффекта для фонового материала для задач, которые, согласно инструкции, были направлены на оперирование с числами.

В условиях направленности деятельности на предметы аналогичная последовательность регрессионных уравнений не демонстрировала сходной динамики. Коэффициент парности фонового материала (чисел) объяснял здесь стабильно низкий процент дисперсии коли-

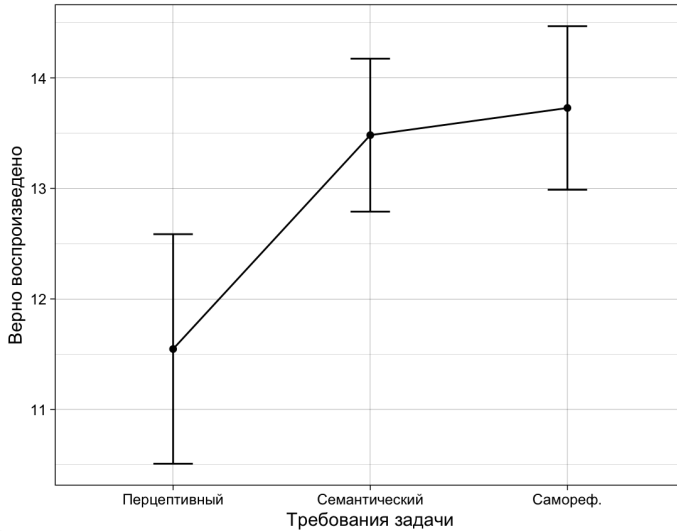

Рис. 5. Среднее значение суммы воспроизведенных стимулов в задачах, направленных на оперирование числами при контроле коэффициента парности воспроизведения фоновых стимулов (предметов). Диаграммы размаха на графиках обозначают доверительные интервалы 95%

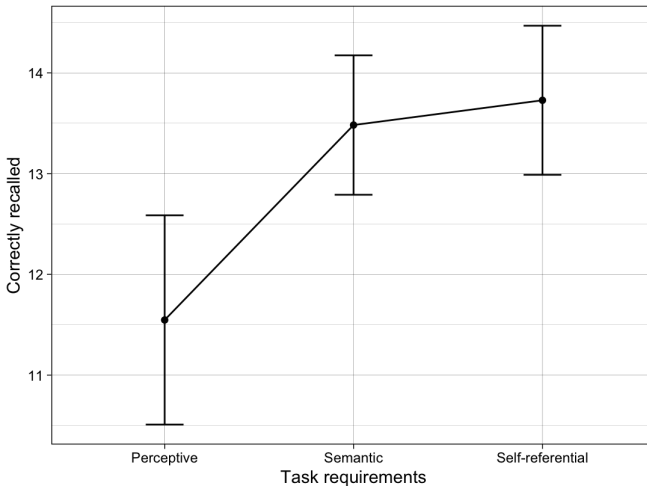

Fig. 5. Mean of sum recall performance in numeral tasks in control for coefficient of pairing in background stimuli. Error bars represent 95% confidence intervals

чества правильно воспроизведенных предметов: в условии перцептивной задачи ($F(1, 100) = 16,526, p < 0,001, R^2 = 0,142, \beta = 0,377$), в условии семантической задачи ($F(1, 142) = 34,773, p < 0,001, R^2 = 0,197, \beta = 0,444$), в условии самореференционной задачи ($F(1, 123) = 20,709, p < 0,001, R^2 = 0,141, \beta = 0,376$).

Обсуждение результатов

Проведенная концептуальная репликация классического исследования П.И. Зинченко (1961) зависимости произвольного мнемического эффекта от формы включенности материала в деятельность на масштабной выборке в 825 участников подтвердила универсальность открытого автором закона преимущества объема воспроизведения материала в условиях его соответствия содержанию цели предшествующего действия по сравнению с восприятием в статусе фонового. С учетом того, что модифицированный дизайн исследования отличался от оригинального: 1) введением трех типов задач, предполагающих различную глубину переработки материала (перцептивную, семантическую, самореференционную); 2) идентичностью требований задач для числового и наглядного материала; 3) наличием заполненного филлерным заданием интервала между завершением выполнения основной задачи и произвольным воспроизведением материала, 4) совмещением целевого и фонового материала в зрительном поле и 5) контролем времени выполнения заданий, полученные результаты подтверждают фундаментальный характер закона П.И. Зинченко.

В отличие от прогноза наличия положительного уровневого эффекта для целевого материала и его отсутствия для фонового материала, получены данные об инверсии уровневого эффекта для релевантных содержанию цели стимулов в задачах, направленных на оперирование числами. Воспроизведение релевантных цели числовых стимулов планомерно снижалось от перцептивной к семантической и от семантической к самореференционным задачам. В то же время в этих задачах получен классический уровневый мнемический эффект для фонового материала (предметы). Для задач, направленных на оперирование наглядным материалом (предметы), получен сходный эффект снижения воспроизведения целевых стимулов при переходе от перцептивной к семантической задаче с сохранением эквивалентного воспроизведения после решения семантических и самореференционных задач. Изменений воспроизведения в за-

висимости от типа решенной задачи для фоновых стимулов в этих задачах не наблюдалось.

Для объяснения полученных результатов, проблематизирующих совместимость, общий тезис деятельностного подхода о подвижности структурных единиц деятельности был конкретизирован относительно микрогенеза решения задач с предположением о его закономерных мнемических следствиях. Была сформулирована гипотеза о динамике использования предъявленного материала в задачах различного типа. Ожидалось, что усложнение задачи актуализирует тенденцию к активному оперированию не только целевыми, но и фоновыми стимулами, что делает последние релевантными целевому уровню деятельности. В качестве индикатора подобной стратегии интеграции целевых и фоновых стимулов предложено рассматривать коэффициент парности воспроизведения фонового материала. Данный коэффициент показывает пропорцию инцидентного и закономерно связанного с целевым воспроизведением фоновых стимулов. Выдвинутая гипотеза нашла подтверждение для тех задач, которые были направлены на оперирование с числами.

Получены данные о том, что при переходе от перцептивной к семантической и от семантической к самореференционной числовым задачам кратно возрастает прогностическая сила показателя коэффициента парности воспроизведения фонового материала относительно успешности воспроизведения целевого материала. Таким образом, доказано, что стратегия укрупнения единиц оперирования за счет перехода фонового материала в статус целевого ведет к положительному мнемическому эффекту. Снятие формального противопоставления целевого и фонового материала в рамках гипотезы о механизме реорганизации познавательной деятельности при решении задач различного типа и, следовательно, анализ суммарного объема правильно воспроизведенных стимулов показал, что наблюдаемая инверсия уровневого эффекта после решения числовых семантической и самореференционной задач является отчасти иллюзорной. Суммарная продуктивность воспроизведения целевого и фонового материала, при учете характеризующего индивидуальный способ организации познавательной деятельности коэффициента парности воспроизведения фонового материала, оказывается выше после решения семантической и самореференционной задачи по сравнению с перцептивной.

Таким образом, предложено одно из возможных объяснений обнаруженному факту нетривиального взаимодействия вкладов

факторов соответствия содержанию цели и уровня переработки в произвольное запоминание.

Выводы

В результате проведения многофакторного экспериментального исследования получены новые данные о детерминации произвольного запоминания релевантностью содержанию текущей деятельности и динамикой места материала в ее структуре.

Статистически подтвержден приоритет вклада фактора включенности материала в деятельность в продуктивность произвольного запоминания. Зафиксировано снижение продуктивности воспроизведения целевых стимулов при переходе к задачам с требованиями более глубокой переработки материала, что объясняется индивидуальными стратегиями организации познавательной деятельности в ходе выполнения заданий разного типа. Показано, что в соответствии с тезисом А.Н. Леонтьева о принципиальной функциональной подвижности структурных единиц деятельности с усложнением заданий проявляется тенденция активно объединять целевые и фоновые стимулы в целостные операциональные единицы, переводя исходно фоновый материал в статус релевантного цели.

Статистический контроль данной индивидуальной тенденции снимает наблюдаемую инверсию уровневого эффекта, так что суммарное воспроизведение стимулов после выполнения и семантического, и самореференционного заданий превосходит воспроизведение после выполнения перцептивного задания.

Таким образом, при обращении к анализу экспериментальной феноменологии произвольной памяти получены аргументы в пользу большей объяснительной мощности деятельностного подхода по сравнению с когнитивным. Потенциал теории А.Н. Леонтьева использован для продуктивной ассимиляции частных концептуальных схем когнитивной психологии, установлено их место в многоуровневой детерминации порождаемых деятельностью произвольных мнемических эффектов.

Литература

Величковский Б.М. От уровней обработки к стратификации познания // Вопросы психологии. 1999. Т. 45, № 4. С. 58–75.

Величковский Б.Б. Возможности когнитивной тренировки как метода коррекции возрастных нарушений когнитивного контроля // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2, № 3. С. 78–91.

Виленская Г.А. Исполнительные функции: природа и развитие // Психологический журнал. 2016. Т. 37, №4. С. 21–31. doi:10.33910/2687-0223-2019-1-2-143-151

Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Петр Иванович Зинченко (1903—1969): его жизнь и труды (К 110-летию со дня рождения П. И. Зинченко) // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 2. С. 1–23.

Зинченко П.И. Проблема непроизвольного запоминания // Научные записки Харьковского педагогического института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 145–213.

Зинченко П. И. Вопросы психологии памяти, в сб.: Психологическая наука в СССР в 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.

Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М.: Изд. АПН РСФСР, 1961.

Иванова Е.Ф., Мажирин Е.С. Развитие непроизвольной памяти: повторение исследований П.И.Зинченко // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4, № 1. С. 48–57.

Истомина З.М. К вопросу о развитии произвольной памяти у детей дошкольного возраста // Дошкольное воспитание. 1953. № 4. С. 33–39.

Крейк Ф., Локхарт Р. Уровни обработки и подход П.И. Зинченко к исследованию памяти // Культурно-историческая психология. 2009. Т.5, № 2. С. 14–18. doi:10.2753/RPO1061-0405460605

Лактионов А.Н., Середа Г.К. Деятельностная парадигма и вопросы памяти в трудах П. И. Зинченко // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 102–108.

Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психических функций. М.: Учебно-педагогическое издательство, 1931.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.

Ляудис В.Я. Память в процессе развития. М.: Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 2011.

Мещеряков Б.Г. Память человека: эффекты и феномены. М.: Вопросы психологии, 2004.

Нуркова В.В. Эволюционный поворот культурно-исторической психологии и теория когнитивных гаджетов: аналоги или гомологи? // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 29–40.

Ромашук А.Н. О прайминге научных терминов и установке на решение научной проблемы // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4, №1. С. 33–43.

Соколова Е.Е. Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева) : дисс. ... док. психол. наук. Москва, 2021.

Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция. 2000.

Шилко Р.С. Динамика внимания при кратковременном запоминании: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2003.

Craik, F.I., Lockhart, R.S. (1972). Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 11(6), 671–684. doi:10.1016/S0022-5371(72)80001-X

Dehaene, S., Akhavan, R. (1995). Attention, automaticity, and levels of representation in number processing. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21(2), 314–326. doi:10.1037/0278-7393.21.2.314

Fisk, A.D., Derrick, W.L., Schneider, W. (1982). The Use of Dual Task Paradigms in Memory Research: A Methodological Assessment and an Evaluation of Effort as a Measure of Levels of Processing (Tech. Rep. No. HARL-ONR-8105). University of Illinois, Human Attention Research Laboratory, Champaign.

Neisser, U. (1979). The control of information pickup in selective looking. In A.D. Pick (Eds), *Perception and its development: A tribute to Eleanor J. Gibson*. (pp. 201–219). Lawrence Erlbaum; Hillsdale, NJ: 1979.

Neisser, U. (1996). Remembering as doing. *Behavioral and Brain Sciences*, 19(2), 203–204. doi:10.1017/S0140525X00042308

Smirnov, A.A., Istomina, Z.M., Mal'tseva, K.P., Samokhvalova, V.I. (1971). The development of logical memorization techniques in the preschool and young school child. *Soviet Psychology*, 10(2), 178–195. doi:10.2753/RPO1061-04051002178

Stoet, G. (2010). PsyToolkit — A software package for programming psychological experiments using Linux. *Behavior Research Methods*, 42(4), 1096–1104. doi:10.3758/BRM.42.4.1096

Stoet, G. (2017). PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments. *Teaching of Psychology*, 44(1), 24–31. doi:10.1177/0098628316677643

Treisman, A. (1964). Monitoring and storage of irrelevant messages in selective attention. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 3(6), 449–459. doi:10.1016/S0022-5371(64)80015-3

Yasnitsky, A., & Falikman, M. (2011). Guest Editors' Introduction: Contemporary Research on Learning, Remembering, and Forgetting: The Scientific Legacy of PI Zinchenko Today. *Journal of Russian & East European Psychology*, 49(3), 3–10. doi:10.2753/RPO1061-0405490300

Yasnitsky, A., Falenchuk, O., Mazhirina, E. S., & Ivanova, E. F. (2008). What Can Replication Research Tell Us About the Historical Development of Mental Functions?: PI Zinchenko's (1939) Case Revisited. *Journal of Russian & East European Psychology*, 46(6), 61–79. doi:10.2753/RPO1061-0405460606

Zwaan, R., Etz, A., Lucas, R., & Donnellan, M. (2018). Making replication mainstream. *Behavioral and Brain Sciences*, 41, E120. doi:10.1017/S0140525X17001972

References

Craik, F.I., Lockhart, R.S. (1972). Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 11(6), 671–684.

Craik, F., Lockhart, R. (2009). Levels of Processing and Zinchenko's Approach to Memory Research. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 5(2), 14–18. (In Russ.).

Dehaene, S., Akhavein, R. (1995). Attention, automaticity, and levels of representation in number processing. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21(2), 314–326.

Fisk, A.D., Derrick, W.L., Schneider, W. (1982). The Use of Dual Task Paradigms in Memory Research: A Methodological Assessment and an Evaluation of Effort as a Measure of Levels of Processing (Tech. Rep. No. HARL-ONR-8105). University of Illinois, Human Attention Research Laboratory, Champaign.

Istomina, Z.M. (1953). K voprosu o razvitií proizvod'noi pamyati u detei doshkol'nogo vozrasta. *Doshkol'noe vospitanie (Preschool education)*, 4, 33–39. (In Russ.).

Ivanova, E.F., Mazhirina, E.S. (2008). Involuntary Memory Development: Replication of P.I. Zinchenko's Experiments. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 4(1), 48–57. (In Russ.).

Laktionov, A.N., Sereda, G.K. (1993). Activity paradigm and memory research in the work of P. I. Zinchenko. *Voprosy psikhologii (Issues in Psychology)*, 4, 102–108. (In Russ.).

Leontiev, A.N. Activity, Consciousness, and Personality. M.: Smysl, 2004. (In Russ.).

Leontiev, A.N. Memory development. Experimental study of higher mental functions. M.: Pedagogika, 1983. (In Russ.).

Lyaudis, V.Ya. Memory in development. M.: Voronezh: MPSI; MODEK, 2011. (In Russ.).

Neisser, U. (1979/2019). The control of information pickup in selective looking. In A.D. Pick (ed). Perception and its development: A tribute to Eleanor J. Gibson. (pp. 201–219). Lawrence Erlbaum; Hillsdale, NJ: 1979.

Neisser, U. (1996). Remembering as doing. *Behavioral and Brain Sciences*, 19(2), 203–204.

Nourkova, V.V. (2019). The Evolutionary Turn in Cultural-Historical Psychology and Theory of Cognitive Gadgets: Analogies or Gomologies. *Voprosy psikhologii (Issues in Psychology)*, 4, 29–40. (In Russ.).

Romaschuk, A.N. (2017). About the Priming of Scientific Terms and the Set towards Solving Scientific Problems. *Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki (The Russian Journal of Cognitive Science)*, 4 (1), 33–43. (In Russ.).

Shilko, R.S., Dynamics of attention during short-term memorization: diss. Cand. Sci. (Psychology). Moscow, 2003.

Smirnov, A.A., Istomina, Z.M., Mal'tseva, K.P., Samokhvalova, V.I. (1971). The development of logical memorization techniques in the preschool and young school child. *Soviet Psychology*, 10(2), 178–195.

Sokolova, E.E. Formation and ways of development of the psychology of activity (school of A.N. Leontiev): diss. Dr. Sci. (Psychology). Moscow, 2021. (In Russ.).

Stepin, V.S. (2000). Theoretical Knowledge. M.: Progress-Traditziya. (In Russ.).

Stoet, G. (2010). PsyToolkit — A software package for programming psychological experiments using Linux. *Behavior Research Methods*, 42(4), 1096–1104.

Stoet, G. (2017). PsyToolkit: A novel web-based method for running online questionnaires and reaction-time experiments. *Teaching of Psychology*, 44(1), 24–31.

Treisman, A. (1964). Monitoring and storage of irrelevant messages in selective attention. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 3(6), 449–459.

Velichkovsky, B. M. (1999). From levels of processing to stratification of cognition. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 45(4), 58–75. (In Russ).

Vilenskaya, G.A. (2016). Executive functions: Nature and development. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*, 37(4), 21–31. (In Russ).

Yasnitsky, A., & Falikman, M. (2011). Guest Editors' Introduction: Contemporary Research on Learning, Remembering, and Forgetting: The Scientific Legacy of P.I. Zinchenko Today. *Journal of Russian & East European Psychology*, 49(3), 3–10.

Yasnitsky, A., Falenchuk, O., Mazhirina, E.S., & Ivanova, E.F. (2008). What Can Replication Research Tell Us About the Historical Development of Mental Functions?: P.I. Zinchenko's (1939) Case Revisited. *Journal of Russian & East European Psychology*, 46(6), 61–79.

Zinchenko, P.I. (1961). Involuntary memory. M.: Izd-vo APN RSFSR. (In Russ.).

Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G. (2013). Peter Ivanovich Zinchenko (1903–1969): His Life and Works. *Psikhologicheskii zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna» (Dubna Psychological Journal)*, 2, 1–23. (In Russ.)

Zwaan, R., Etz, A., Lucas, R., & Donnellan, M. (2018). Making replication mainstream. *Behavioral and Brain Sciences*, 41, E120.

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. Richardson (Eds.), (pp. 241–258.). New York: Greenwood.

Поступила: 09.02.2023

Получена после доработки: 28.02.2023

Принята в печать: 25.03.2023

Received: 09.02.2023

Revised: 28.02.2023

Accepted: 25.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вероника Валерьевна Нуркова — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Nourkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>

Глеб Дмитриевич Взорин — аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, g.vzorin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2034-8007>

Наталья Борисовна Березанская — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, bereznat@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0934-2046>

Софья Андреевна Подоровская — студентка кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, undo1617@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4986-3992>

ABOUT THE AUTHORS

Veronika V. Nourkova — Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Nourkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081>

Gleb D. Vzorin — Postgraduate Student at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, g.vzorin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2034-8007>

Natalia B. Bereznanskaya — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, bereznat@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0934-2046>

Sofia A. Podorovskaya — Undergraduate Student in Psychology at the Department of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, undo1617@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4986-3992>

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-22>

УДК 159.938.26

Психофизический анализ возникновения кожной чувствительности к световому воздействию: пилотное исследование

В.А. Разживин¹, А.И. Ковалев^{✉1}, А.П. Разживин¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ artem.kovalev.msu@mail.ru

Резюме

Актуальность. Исследование механизмов возникновения ощущений при воздействии светового стимула на человека является классической задачей для психологической науки. Однако, если зрительные реакции достаточно хорошо изучены, то переживанию ощущений, возникающих при световом воздействии на кожную поверхность, уделялось небольшое внимание, несмотря на феноменальные результаты, полученные в известной серии экспериментов отечественного психолога А.Н. Леонтьева. Задача исследования кожно-оптической чувствительности с использованием современной элементной базы экспериментального оборудования является актуальной с точки зрения развития общепсихологической теории деятельности и понимания протекания сенсорно-перцептивных процессов формирования ощущений вследствие светового воздействия.

Целью исследования стало изучение способности испытуемых реагировать на воздействие света на кожную поверхность.

Методы. Использовалась специально сконструированная для целей исследования экспериментальная установка, включающая в себя светодиодный источник света и управляющую программу. Участники определяли, в какой из двух последовательных проб на кожу ладони предъявлялся световой стимул, методом двухальтернативного вынужденного выбора. Основной эксперимент состоял из трех серий: сначала были предъявлены 10 циклов для фиксации исходного состояния испытуемого; затем следовали 100 циклов основной серии предъявления стимулов; далее — 10 циклов для фиксации конечного состояния испытуемого.

Выборка. В эксперименте приняли участие 12 человек.

Результаты показали, что количество правильных ответов при определении фазы цикла, соответствующей включению светодиода, значимо больше 50 % ($t = 10,992$, $df = 1414$, $p < 0,001$).

Выводы. Подтверждены выводы А.Н. Леонтьева и Н.Б. Познанской о возможности формирования кожной чувствительности к световому воздействию. Предложена биофизическая гипотеза, объясняющая полученный результат.

Ключевые слова: кожная чувствительность, световое излучение, тепловое излучение, кожно-оптическое чувство, терморепцепция.

Информация о финансировании. Исследование выполнено в рамках Научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

Для цитирования: Разживин В.А., Ковалев А.И., Разживин А.П. Психофизический анализ возникновения кожной чувствительности к световому воздействию: пилотное исследование // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 183–201. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-22>

EMPIRICAL STUDIES

Scientific Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-22>

Psychophysical Analysis of the Skin Sensitivity to Light Exposure: a Pilot Study

Vladislav A. Razzhivin¹, Artem I. Kovalev¹✉, Andrei P. Razjivin¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ artem.kovalev.msu@mail.ru

Abstract

Background. The study of the mechanisms of sensation, primarily visual, emergence under the influence of a light stimulus on a person is a classic task for psychological science. At the same time, little attention has been paid to the sensations arising from light exposure of the skin surface, despite the surprising results obtained in a well-known series of experiments by Russian psychologist A.N. Leontiev. The task of studying skin-optical sensitivity with the modern element base of experimental equipment is relevant from the point of view of the development of the general psychological theory of activity and understanding sensory-perceptual processes of sensation formation due to light exposure.

Objective of the study was to investigate the ability of subjects to recognize the effect of light on their skin surface.

Methods. A specially designed experimental setup was used for the purpose of the study, which included a LED light source and a control programme. The experimental procedure involved the psychophysical method of two-alternative forced choice. The main experiment consisted of three series of cycles for each participant: first, 10 cycles were presented to fix the initial state; 100 cycles followed to train the subject; then, 10 cycles were used to fix the final state.

Sample. 12 participants took part in the experiment.

Results. showed that the number of correct answers when determining the cycle phase corresponding to the LED switching on, is significantly more than 50% ($t = 10,992$, $df = 1414$, $p < 0.001$).

Conclusion. The conclusions of A.N. Leontiev and N.B. Poznanskaya about the possibility of skin sensitivity to light exposure were confirmed. A biophysical hypothesis is proposed to explain the result.

Keywords: skin perception, thermal radiation, light radiation, skin-optical sense, thermoreception.

Funding. The research was supported by The Scientific School of Lomonosov Moscow State University “Brain, cognitive systems and artificial intelligence”

For citation: Razzhivin, V.A., Kovalev, A.I., Razjivin, A.P. (2023). Psychophysical Analysis of the Skin Sensitivity to Light Exposure: a Pilot Study. Lomonosov Psychology Journal, 46 (2), 183–201. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-22>

Введение

Изучение механизмов возникновения ощущений у человека под воздействием светового стимула является классической задачей для психологии и нейронауки (Arnheiter, 1998). Однако подавляющее большинство работ в этой области посвящено исследованию воздействия света на фоторецепторы и вопросам зрительного восприятия (Ramirez et al., 2011). При этом более 80 лет назад механизмы возникновения ощущений при световом раздражении кожной поверхности тела человека рассматривались в ракурсе формирования чувствительности у живых организмов в известных работах А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1940). Результаты, полученные А.Н. Леонтьевым, позволили сформулировать научные проблемы исследования механизмов возникновения чувствительности к стимулу, действие которого ранее не приводило к появлению каких-либо ощущений, а также вопросы о психофизиологических процессах, которые эти механизмы обе-

спечивают. Тем не менее эта проблематика на сегодняшний день не только остается недостаточно исследованной, но и не представлена заметным числом научных изысканий. Поэтому продолжение экспериментов в русле подхода А.Н. Леонтьева или их репликация на новом техническом уровне является важной и актуальной задачей с точки зрения как развития общепсихологической теории деятельности, так и понимания сенсорно-перцептивных механизмов такого явления, как кожно-оптическая чувствительность.

С практической точки зрения актуальной является задача оценки возможностей использования оптического воздействия в первую очередь в качестве сигнализирующего механизма для оперативной передачи информации человеку. Хорошо известны попытки предъявления такой информации посредством вибрации органов управления, например рулевого колеса при пересечении автомобилем линий разметки (Li et al., 2020), или применение слабого электрического тока в костюмах виртуальной реальности (Loughran, 2017). Однако тактильные ощущения обладают невысокой степенью дифференцированности и не всегда однозначны, поэтому существует задача расширения спектра возможных сигналов, в том числе с использованием других модальностей, например, путем действия светом на кожную поверхность. В этой связи изучение механизмов кожно-оптической чувствительности является перспективным.

Первые встречающиеся в литературе упоминания о кожной оптической чувствительности связаны с работами натурфилософа, химика, физика и богослова Р. Бойля и относятся к XVII веку. В одной из его книг (Boyle, 1664) упоминается 33-летний мужчина, Джон Вермаасен, полностью потерявший зрение в детстве. Данный мужчина, ощупывая пальцами, отличал друг от друга лоскуты одинаковой ткани, различающиеся по цвету (черный, белый, красный, синий, зеленый, желтый и серый). Важно отметить, что уже в этих работах в первую очередь рассматривался вопрос различения человеком объектов, окрашенных разными цветами, и, таким образом, была задана определенная методология подобных исследований. Форму чувствительности, при которой человек определял цвет объекта посредством прикосновения или потирания пальцами, можно классифицировать как контактную. Данная форма чувствительности принципиально отличается от восприятия человеком света различной длины волны, исходящего напрямую от источника, поскольку при контактной форме сам по себе источник оказывается фактически отгороженным от наблюдателя. Кроме контактной некоторые авторы

выделяют дистантную форму — распознавание цвета достигается поисковыми движениями руки над цветной поверхностью, а также проникающую — устанавливается цвет поверхности, находящейся за непрозрачным для видимого света экраном (Farage et al., 2019). Несмотря на наличие такой условной классификации, исследований, посвященных глубокому анализу возникновения ощущений при описанных формах взаимодействия светового стимула и поверхности кожи, было предпринято до сих пор недостаточно (Tsutsumi et al., 2009).

Первой попыткой системного научного исследования вопроса о чувствительности кожи к световому воздействию в СССР можно считать работы биофизика Н.Б. Познанской, одного из основателей космической биологии. В статье 1936 г. Н.Б. Познанская пишет: «Несмотря на большое количество исследований, посвященных температурному чувству, кожная чувствительность к лучистому теплу и вообще к лучистой энергии еще очень мало изучена» (Познанская, 1936, с. 368). В ее работах были определены две основные психофизические характеристики чувствительности кожи к световому воздействию — минимальное количество энергии, воспринимаемое испытуемыми (порог чувствительности), и минимальная различаемая разница интенсивности светового потока (порог различения). В экспериментах использовались два разных источника лучистой энергии — лампа «Соллюкс» (лампа накаливания) и электрическая печка, нагретая до красного каления. Первый источник испускал значительную часть энергии в виде светового излучения, а второй источник — в виде теплового излучения в области более 1 микрона (инфракрасный диапазон). Облучению подвергалась кожа на лопатке испытуемого. Как выяснилось в ходе этих экспериментов, абсолютная чувствительность кожи испытуемых, неподготовленных к этим видам воздействия (тепловому и световому), примерно одинаковая, если сравнивать эти воздействия по количеству переданной энергии (начала кривых) (рис. 1) (Познанская, 1938). Но обучение испытуемых позволяло добиться улучшения чувствительности к световому воздействию более чем в 14 раз, в то время как чувствительность к тепловому воздействию улучшалась только примерно в 3 раза. При этом наибольшая чувствительность к световому воздействию в экспериментах Н.Б. Познанской наблюдалась для видимой (зеленой) части спектра (Познанская, 1938). Эти эксперименты, выполненные в строгой психофизической парадигме, наглядно продемонстрировали важный факт существования обучения, или снижения порогов возникновения ощущений при световом воздействии на кожную поверхность.

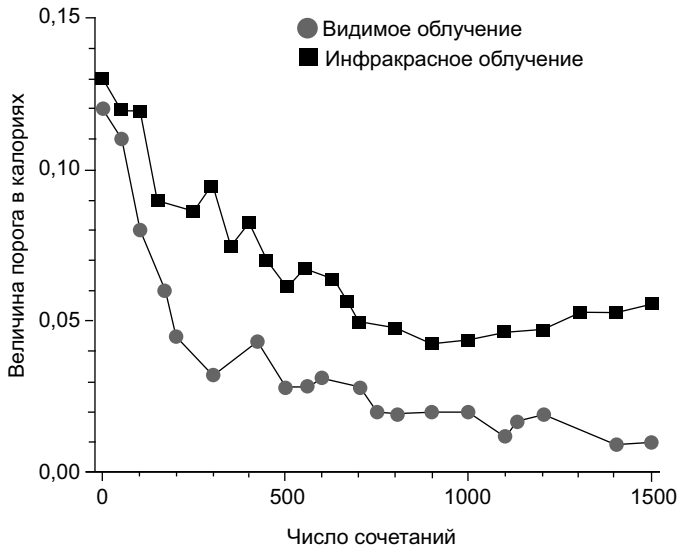

Рис. 1. Влияние тренировки на пороги абсолютной чувствительности к видимому и инфракрасному облучению

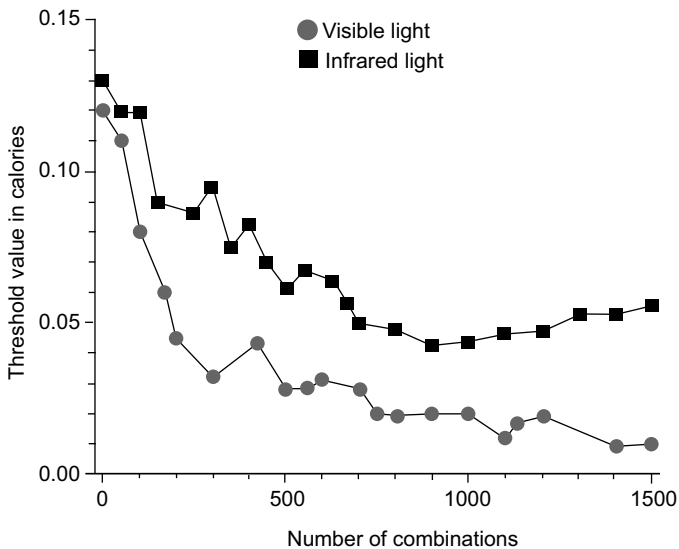

Fig. 1. Effect of training on thresholds of sensitivity to visible and infrared irradiation

Дальнейшее развитие данная тематика получила в известных работах А.Н. Леонтьева, во многом направленных именно на изучение процесса «возникновения чувствительности к световому воздействию» и условий, при которых эта чувствительность возникает (Леонтьев, 1940). Для целей экспериментов Алексей Николаевич использовал оригинальные экспериментальные установки. Ниже пример одной из них, приведенный в виде авторского рисунка из текста диссертации А.Н. Леонтьева (рис. 2). Принципиально важный результат, полученный в серии экспериментов, в том числе в совместных экспериментах с Н.Б. Познанской, как известно, заключается в формулировке вывода о возникновении кожной чувствительности к световому воздействию в условиях активного поиска сигнала раздражителя.

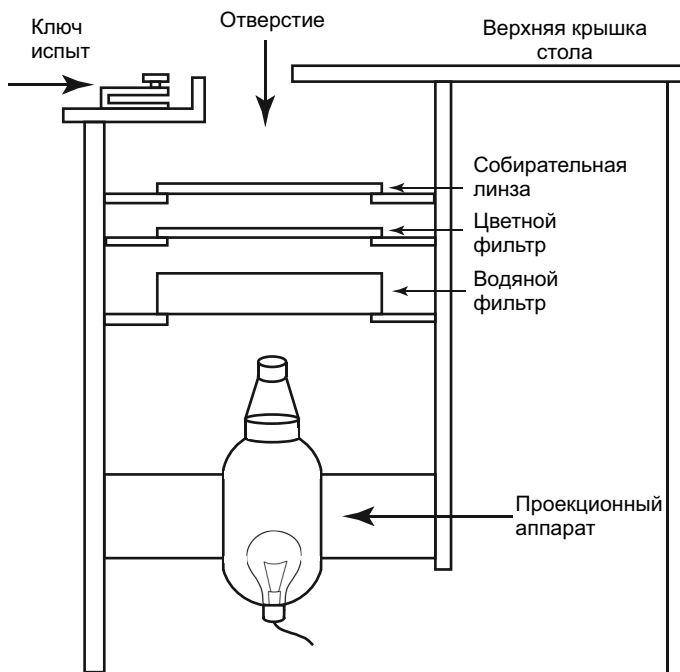

Рис. 2. Схема экспериментальной установки первого исследования А.Н. Леонтьева

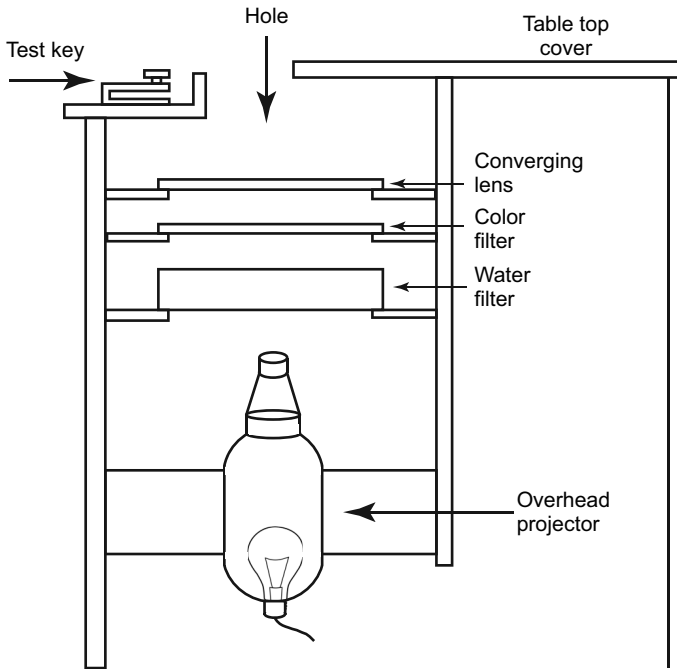

Fig. 2. Scheme of the experimental installation of the first study conducted by A.N. Leontiev

Несмотря на значимость полученного А.Н. Леонтьевым результата для понимания процессов генезиса психических актов в области восприятия, возможности его интерпретации ограничены как в связи с небольшим числом испытуемых, так и в части контроля побочных воздействий в конструкции экспериментальной установки. Поэтому можно считать, что на современном этапе развития научного знания требуется репликация исследования для дополнительной проверки эффекта, полученного А.Н. Леонтьевым.

Цель настоящего исследования

Целью является изучение наличия и возможности формирования способности испытуемых распознавать воздействие света на кожную поверхность. Можно сказать, что текущее исследование представляет собой повторение эксперимента А.Н. Леонтьева по формированию условий возникновения ощущений в результате воз-

действия света на кожную поверхность, выполненное на современной элементной базе.

Для достижения данной цели были поставлены следующие принципиальные задачи:

- а) Разработать и сконструировать экспериментальную установку с использованием современных источников света.
- б) Выбрать адекватную психофизическую методику измерения.
- в) Провести экспериментальную проверку выдвинутой гипотезы о том, что некоторые испытуемые будут способны различать воздействие света на ладонную поверхность кожи.

Методы

В качестве источника света использовался 3-ваттный зеленый светодиод с максимумом излучения в области 520 нм и шириной на полувысоте ~37 нм. По сравнению с лампой накаливания полупроводниковый светодиод почти не создает теплового излучения, испускает мощный и стабильный световой поток в узком диапазоне длин волн, позволяет практически мгновенно включать и выключать световое воздействие, имеет миниатюрные размеры световыделяющего элемента. Маленькие размеры и отсутствие колбы позволяют эффективно охлаждать световыделяющий элемент. Для улучшения охлаждения светодиод был установлен на дюралевый радиатор, а между ним и задней частью светодиода была нанесена термопаста КПТ-8. Светодиод был подключен к сети переменного тока 220В через драйвер (источник тока PSM-650ma-3W). Светодиод с радиатором были закреплен на дне низкого цилиндрического корпуса. Расстояние от верха светодиода до поверхности корпуса составило 2,4 см. Рука испытуемого располагалась на столе так, что светодиод находился напротив центра ладони испытуемого. При этом рука испытуемого была накрыта двумя слоями светонепропускающего материала.

Электрическая схема экспериментальной установки состояла из нескольких компонентов (рис. 3). Светодиод (LED-003W-05C-100-130LM-EL-PS) получал электрическое питание (3,12В, 0,60-0,61А) от драйвера. В цепь переменного напряжения 220В, подаваемого на драйвер, было включено мощное МОП-реле (К293КП12БП), управляемое постоянным напряжением 1,1–1,5В. Это управляющее напряжение поступало от многофункционального устройства ввода-вывода NI USB-6009 (National Instruments Ltd, США), которое, в свою очередь, было подключено к компьютеру через кабель USB 2.0.

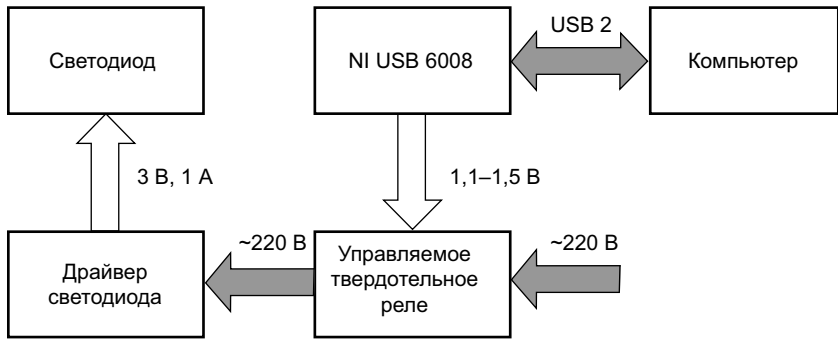

Рис. 3. Электрическая схема экспериментальной установки. Темными однонаправленными стрелками показаны линии переменного напряжения 220В; светлыми однонаправленными стрелками показаны низковольтные линии постоянного тока; двунаправленной стрелкой показан USB канал передачи сигналов ввода-вывода

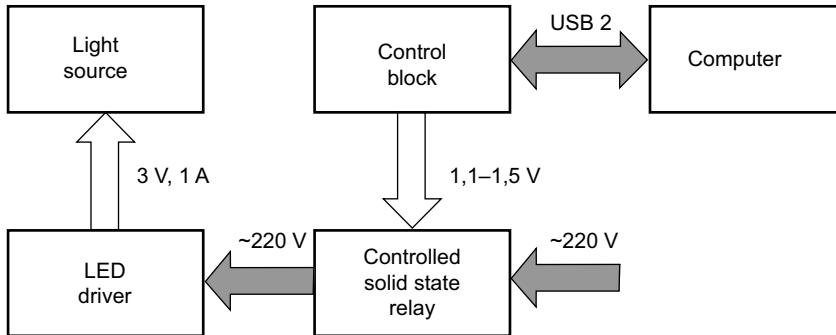

Fig. 3. Electrical diagram of the experimental installation. Dark unidirectional arrows show ac voltage lines of 220V; light unidirectional arrows show low-voltage DC lines; The bidirectional arrow shows the USB channel for transmitting I/O signals

Программа управления экспериментальной установкой, сбора и обработки результатов измерений была создана в среде программирования LabView фирмы National Instruments. Блок-схема программы приведена ниже (рис. 4). При запуске программы (в начале цикла испытания) включался генератор случайных чисел, на выходе которого получалось число в диапазоне от 0 до 1, это число поступало

в блок сравнения и, если оно было больше 0,5, то в переменную X записывалось значение «1». Если это число было меньше или равно 0,5, то записывалось «2». Затем подавалась команда на выдачу первого звукового сигнала ноутбуком. После этого сигнал поступал на первый цикл по условию («Фаза № 1»), в котором анализировалась переменная X — если $X = 1$, то подавался сигнал на включение светодиода на 5 с, если $X = 2$, то программа ожидала 5 с. После окончания первой фазы работы цикла программа ожидала 1 с, после чего издавался второй звуковой сигнал ноутбуком, а сигнал отправлялся на второй цикл по условию («Фаза № 2»). Во втором цикле по условию снова анализировалась переменная X — если $X = 2$, то отправлялся сигнал на включение светодиода на 5 с, если $X = 1$, то программа ожидала 5 с. Потом издавался третий звуковой сигнал ноутбуком, а затем сигнал отправлялся на блок ожидания ответа оператора. Результат нажатия испытуемым кнопок «1» или «2» на клавиатуре ноутбука записывался как значение переменной V . Далее переменная V поступала на блок сравнения, где проверялось равенство $X = V$. Результат сравнения заносился в протокол эксперимента. На этом цикл одного испытания заканчивался.

Фактически в каждой пробе испытуемому предъявлялась последовательность из двух 5-секундных фаз, начинавшихся со звукового сигнала, в одной из которых (определенной случайным образом) осуществлялось стимульное воздействие светом на ладонь. Задачей испытуемого было определить, в какой из фаз — в первой или во второй — присутствовал сигнал. Таким образом, процедура эксперимента представляла собой реализацию метода двойного слепого вынужденного выбора, основанного на методе двухальтернативного вынужденного выбора (Mamassian, 2020).

Окончательный вариант методики работы с испытуемыми состоял из следующих этапов:

1. Испытуемый был подробно проинформирован об условиях эксперимента и характере воздействующего стимула.
2. Далее следовало короткое обучение обращению с установкой в виде тренировочной серии из нескольких циклов. В ходе этого обучения испытуемому предъявлялась обратная связь об успешности распознавания им включения светового стимула.
3. После этого проводился основной эксперимент, состоящий из трех серий циклов для каждого испытуемого: сначала были предъявлены 10 циклов для фиксации исходного состояния; затем следовали 100 циклов основной серии предъявления стимула; далее — 10 циклов для фиксации конечного состояния.

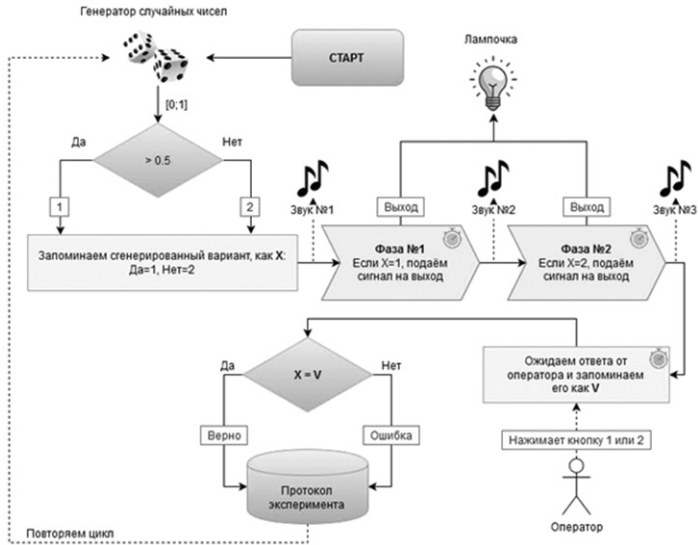

Рис. 4. Блок-схема программы управления экспериментом

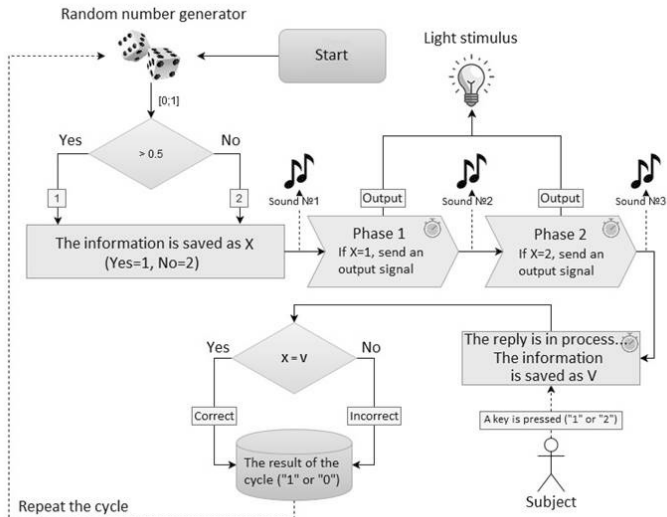

Fig. 4. Flowchart of the experiment control programme

Выборка

Всего в эксперименте приняли участие 12 человек (2 мужчин, 10 женщин, средний возраст составил 26 лет).

Результаты

На первом этапе рассмотрения полученных результатов были проанализированы данные последних, третьих, серий, состоявших из 10 циклов, для всех 12 испытуемых (рис. 5). Результаты позволяют разделить испытуемых на две группы — на тех, кто, по всей видимости, чувствует свет кожей ладони (5 человек, которые дали 8 и более правильных ответов в 10 циклах последней серии), и на тех, кто не чувствует (7 человек, давших 5–6 правильных ответов из 10).

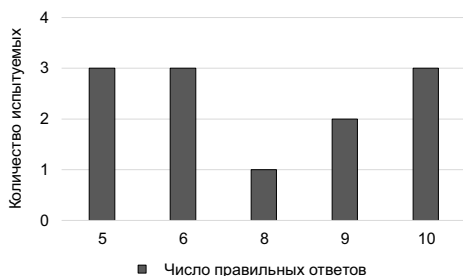

Рис. 5. Число испытуемых, давших N правильных ответов по определению фазы цикла, соответствующей включению светодиода, в 10 циклах последней серии

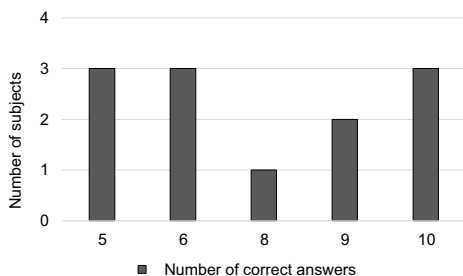

Fig. 5. The number of correct answers of the subjects in 10 cycles of the last series

Следующим этапом рассмотрения полученных результатов стал анализ всех ответов испытуемых, полученных за все время измерений

во всех циклах. Общее количество циклов по всем участникам составило 1415. С помощью применения одновыборочного t-критерия было показано, что количество правильных ответов значимо больше 50 % ($t = 10,992$, $df = 1414$, $p < 0,001$). Далее были проанализированы усредненные значения для всех испытуемых по каждому из циклов основной обучающей серии (из 100 циклов). Для большей наглядности результат этого анализа представлен в виде накопительного графика (рис. 6). Было обнаружено, что в ходе обучающей серии из 100 циклов среднее количество правильных ответов испытуемых возрастает.

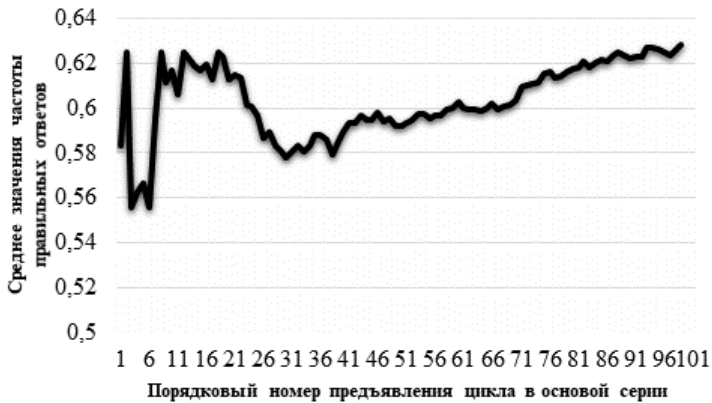

Рис. 6. Накопительный график среднего значения частоты правильных ответов

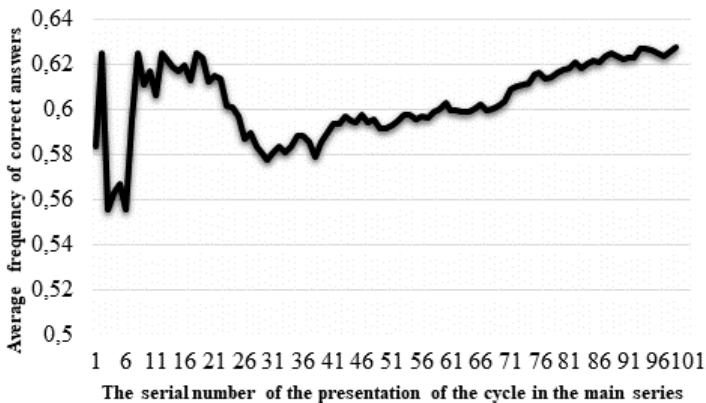

Fig. 6. Cumulative schedule of the average frequency of the correct answers

Обсуждение результатов

Представленные выше результаты в целом позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу — по крайней мере, некоторые испытуемые способны достоверно чувствовать свет видимого спектра кожей ладонной поверхности руки, поскольку количество правильных опознаний статистически значимо превышает количество правильных ответов, которые могли бы быть получены случайно. Механизм данного выявленного феномена требует дальнейших детальных исследований. Подробный анализ результатов последней проверочной серии из 10 предъявлений стимула отдельных испытуемых позволил выделить две группы участников эксперимента — были выделены те, кто правильно опознал включения света в 8 и более случаях из 10, и те, кто правильно опознал включение стимула не более чем в 6 случаях из 10. Данный факт свидетельствует в первую очередь о том, что некоторые испытуемые способны различать воздействие света на ладонную поверхность кожи руки. Это согласуется с результатами, полученными в работах А.Н. Леонтьева.

Вторым важным результатом является то, что испытуемые продемонстрировали обучение этой способности в ходе эксперимента. Данный результат, в свою очередь, согласуется с результатами Н.Б. Познанской. При этом эффект обучения был показан уже при 100 повторениях предъявления стимула.

В качестве возможного объяснения полученных результатов можно предложить следующую гипотезу, требующую, конечно, дополнительных экспериментов для ее проверки. Существующие морфологические данные не подтверждают наличие в коже человека специализированных зрительных рецепторов (Dalesio et al., 2018; Grzybowski, Kupidura-Majewski, 2019). Однако, как известно (Suh, Choi, Atanaskova-Mesinkovska, 2020), в коже находятся опсины, способные поглощать свет в видимом диапазоне. Также известно (Теренин, 1967), что молекулы красителей, к которым относятся и опсины, при поглощении кванта света переходят в возбужденное электронное состояние. Затем они могут терять поглощенную энергию за счет испускания кванта флуоресценции или межмолекулярного переноса энергии или за счет колебательных и вращательных переходов конвертировать поглощенную энергию в тепловую и передавать ее окружающим молекулам, например, молекулам воды. Локальный скачок температуры микроокружения молекулы красителя после поглощения кванта света может достигать десятков и более градусов

(Valkunas, Gulbinas, 1997). Также известно (Romanovsky, 2007), что в коже человека есть тепловые и холодовые рецепторы, способные реагировать на локальные изменения температуры. Поэтому, если в коже человека находятся тепловые рецепторы, а вокруг них — опсины, способные поглощать свет и вызывать локальный нагрев среды, то в случае если они расположены близко друг к другу, видимый свет, проникая в кожу человека, возможно, способен вызывать локальный разогрев, достаточный для срабатывания тепловых рецепторов. Это косвенно подтверждается описаниями испытуемых, участвовавших в экспериментах по чувствительности ладони руки к видимому свету. Они отмечали некоторое последствие ощущения. Данная гипотеза открывает возможность ее проверки как в теоретическом, так и в экспериментальном плане в ходе дальнейших исследований.

Выводы

Таким образом, изучение процессов возникновения чувствительности кожи к световому воздействию является междисциплинарной задачей, требующей всестороннего рассмотрения данной проблемы на молекулярном, клеточном, физиологическом и психологическом уровнях. В данной работе ставилась узкая задача проверки наличия у человека способности ощущать воздействие света ладонной поверхностью кожи. Результаты работ А.Н. Леонтьева и Н.Б. Познанской в области этой тематики позволили сформулировать гипотезы о механизмах возникновения чувствительности, однако экспериментальные возможности 1930–40-х гг. были ограничены уровнем развития техники того времени, к тому же исследования проводились с небольшим количеством испытуемых. Отличительной особенностью настоящей работы в первую очередь стала реализация эксперимента с применением современной элементной базы. Использование современных светодиодов, излучение которых сосредоточено в узком диапазоне длин волн видимого спектра, позволило практически исключить воздействие излучения в инфракрасной области спектра (теплого излучения), в отличие от ламп накаливания, которыми ранее вынуждены были пользоваться исследователи. Также был использован адекватный поставленной задаче психофизический метод двухальтернативного слепого вынужденного выбора. Благодаря тому, что экспериментальная установка была полностью спроектирована и собрана заново, удалось организовать эксперименты таким образом, что общее время работы с одним испытуемым обычно составляло менее часа, в сравнении с экспериментами А.Н. Леонтьева,

длительность которых составляла несколько часов в день в течение недели. В связи с этими фактами полученные результаты отличаются высокой степенью валидности и дают перспективы для продолжения исследовательской работы в рамках данной парадигмы.

Литература

Леонтьев А.Н. Развитие психики: очерк теории: в 2-х т.: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 1940.

Познанская Н.Б. Кожная чувствительность к инфракрасным и к видимым лучам // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1936. Т. 2, Вып. 5. С. 368–369.

Познанская Н.Б. Кожная чувствительность к видимому и инфракрасному облучению // Физиологический журнал СССР. 1938. Т. 14, Вып. 4. С. 780–783.

Теренин А.Н. Фотоника молекул красителей и родственных органических соединений. Л.: Наука, 1967.

Arnheiter, H. (1998). Eyes viewed from the skin. *Nature*, 391 (6668), 632–633.

Boyle, R. (1664). Experiments and Considerations Touching Colours, with Observations on a Diamond that Shines in the Dark. The Project Gutenberg EBook.

Dalesio, N.M., Barreto Ortiz, S.F., Pluznick, J.L. et al. (2018). Olfactory, taste, and photo sensory receptors in non-sensory organs: it just makes sense. *Frontiers in physiology*, 9, 1673.

Farage, M.A. (2019). The prevalence of sensitive skin. *Frontiers in medicine*, 6, 98.

Grzybowski, A., Kupidura-Majewski, K. (2019). What is color and how it is perceived? *Clinics in dermatology* 37 (5), 392–401.

Li, F., Valero, M., Clemente, J. et al. (2020). Smart sleep monitoring system via passively sensing human vibration signals. *IEEE sensors journal*, 21 (13), 14466–14473.

Loughran, J. (2017). Virtual reality: 5G headset coupled with full-body suit promises complete virtual immersion. *Engineering & Technology*, 12 (3), 13–13.

Mamassian, P. (2020). Confidence forced-choice and other metaperceptual tasks. *Perception*, 49 (6), 616–635.

Ramirez, M.D., Speiser, D.I., Pankey, M.S. et al. (2011). Understanding the dermal light sense in the context of integrative photoreceptor cell biology. *Visual neuroscience*, 28 (4), 265–279.

Romanovsky, A.A. (2007). Thermoregulation: some concepts have changed. Functional architecture of the thermoregulatory system. *American Journal of Physiology. Regulatory, Integrative and Comparative Physiology*, 292 (1), 37–46.

Suh, S., Choi, E.H., Atanaskova-Mesinkovska N. (2020). The expression of opsins in the human skin and its implications for photobiomodulation: A Systematic Review. *Photodermatol Photoimmunol Photomed*, 36 (5), 329–338.

Tsutsumi, M., Ikeyama, K., Denda, S. et al. (2009). Expressions of rod and cone photoreceptor like proteins in human epidermis. *Experimental dermatology*, 18 (6), 567–570.

Valkunas, L., Gulbinas, V. (1997). Nonlinear exciton annihilation and local heating effects in photosynthetic antenna systems. *Photochemistry and Photobiology*, 66 (5), 628–634.

References

- Arnheiter, H. (1998). Eyes viewed from the skin. *Nature*, 391 (6668), 632–633.
- Boyle, R. (1664). Experiments and Considerations Touching Colours, with Observations on a Diamond that Shines in the Dark. *The Project Gutenberg EBook*.
- Dalesio, N.M., Barreto Ortiz, S.F., Pluznick, J.L. et al. (2018). Olfactory, taste, and photo sensory receptors in non-sensory organs: it just makes sense. *Frontiers in physiology*, 9, 1673.
- Farage, M.A. (2019). The prevalence of sensitive skin. *Frontiers in medicine*, 6, 98.
- Grzybowski, A., Kupidura-Majewski, K. (2019). What is color and how it is perceived? *Clinics in dermatology*, 37 (5), 392–401.
- Leontiev, A.N. (1940). Development of the psyche: an essay on theory: in 2 volumes: dissertation... Doctors of Pedagogical Sciences. Moscow. (In Russ.).
- Li, F., Valero, M., Clemente, J. et al. (2020). Smart sleep monitoring system via passively sensing human vibration signals. *IEEE sensors journal*, 21 (13), 14466–14473.
- Loughran, J. (2017). Virtual reality: 5G headset coupled with full-body suit promises complete virtual immersion. *Engineering & Technology*, 12 (3), 13–13.
- Mamassian, P. (2020). Confidence forced-choice and other metaperceptual tasks. *Perception*, 49 (6), 616–635.
- Poznanskaya N.B. (1936). Cutaneous sensitivity to infrared and visible rays. *Bulletin of Byulleten' eksperimental'noi biologii i meditsiny (Experimental Biology and Medicine)*, 2 (5), 368–369. (In Russ.).
- Poznanskaya N.B. (1938). Cutaneous sensitivity to visible and infrared radiation. *Fiziologicheskii zhurnal SSSR (Physiological Journal of the USSR)*, 14 (4), 780–783. (In Russ.).
- Ramirez, M. D., Speiser, D.I., Pankey, M.S. et al. (2011). Understanding the dermal light sense in the context of integrative photoreceptor cell biology. *Visual neuroscience*, 28 (4), 265–279.
- Romanovsky, A.A. (2007). Thermoregulation: some concepts have changed. Functional architecture of the thermoregulatory system. *American Journal of Physiology. Regulatory, Integrative and Comparative Physiology*, 292 (1), 37–46.
- Suh, S., Choi, E.H., Atanaskova-Mesinkovska, N. (2020). The expression of opsins in the human skin and its implications for photobiomodulation: A Systematic Review. *Photodermatol Photoimmunol Photomed*, 36 (5), 329–338.
- Terenin, A.N. (1967). Photonics of dye molecules and related organic compounds. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Tsutsumi, M., Ikeyama, K., Denda, S. et al. (2009). Expressions of rod and cone photoreceptor like proteins in human epidermis. *Experimental dermatology*, 18 (6), 567–570.

Valkunas, L., Gulbinas, V. (1997). Nonlinear exciton annihilation and local heating effects in photosynthetic antenna systems. *Photochemistry and Photobiology*, 66 (5), 628–634.

Поступила: 24.12.2022

Получена после доработки: 25.02.2023

Принята в печать: 03.04.2023

Received: 24.12.2022

Revised: 25.02.2023

Accepted : 03.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владислав Андреевич Разживин — специалист по учебно-методической работе факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, vladislav.razzhivin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7213-5105>

Артем Иванович Ковалев — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, artem.kovalev.msu@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1592-2035>

Андрей Павлович Разживин — доктор физико-математических наук, заведующий отделом фотосинтеза и флуоресцентных методов исследований НИИ физико-химической биологии имени А.Н. Белозерского Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, razjivin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0957-5292>

ABOUT THE AUTHORS

Vladislav A. Razzhivin — Specialist in Educational and Methodological Work, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, vladislav.razzhivin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7213-5105>

Artem I. Kovalev — Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Work Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, artem.kovalev.msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1592-2035>

Andrei P. Razjivin — Leader of the Department of Photosynthesis and Fluorescent Methods of Investigation, Belozersky Research Institute of Physico-Chemical Biology, Lomonosov Moscow State University, razjivin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0957-5292>

ИЗ АРХИВА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-23>

УДК 159.9

«Самозавещание»

А.Н. Леонтьев

Вступление к публикации

Публикуемый ниже текст представляет собой рукописные заметки на трех листах бумаги, написанные по следам одной из многочисленных бесед автора с его младшим другом и соседом по даче (Поселок Писателей, Красная Пахра Московской области) писателем Владимиром Тендряковым (эти беседы были отражены в воспоминаниях Тендрякова об А.Н. Леонтьеве: Тендряков В.Ф. Проселочные беседы // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983, с. 266–274).

Эти заметки печатаются одновременно впервые и не впервые. Их текст, подготовленный к печати А.Г. Асмоловым, был включен в первое посмертное издание трудов А.Н. Леонтьева — двухтомник «Избранные психологические произведения» под редакцией В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, М.П. Леонтьевой и А.В. Петровского (М.: Педагогика, 1983, т. 2, с. 240–242), и с той поры на него часто ссылаются. Название «Из дневниковых записей» было дано редакторами книги. Однако при публикации этот текст, как и другие включенные в книгу работы, подвергся существенной редакторской правке, не обозначенной в тексте; он был сокращен примерно на 15% объема. Поэтому мы решили восстановить и впервые опубликовать исходный авторский текст по рукописи.

Стоит остановиться лишь на одной редакторской правке. В публикации 1983 г. стоят слова: «Личность (...), ее коперниканское понимание: я нахожу/имею свое «я» не в себе самом (его видят во мне другие), а вовне меня существующем...» (с. 241). В оригинальной рукописи написано иначе: «Личность (я=я), ее птоломеевское понимание: я нахожу/имею свое «я» не в себе самом (его *другие* видят во мне!), а в других, в другом, вне меня существующем». Коперниканское гелиоцентрическое понимание противоположно птоломеевскому, ставящему Землю в центр мироздания. Вместе с тем замена одного слова прямо противоположным по смыслу, которая по духу действительно соответствует взглядам А.Н. Леонтьева, вероятно, связана с неточным прочтением фразы в целом. Вероятно, слова «птоломеевское понимание» в ру-

кописи относятся к традиционным, расхожим представлениям о личности «(я=я)», которым А.Н. Леонтьев противопоставляет другое, свое, раскрывающееся после двоеточия («я нахожу/имею свое «я» не в себе самом...»), и которое вполне правильно назвать коперниканским.

«Феномен епископа», упоминаемый в последней фразе, отсылает к историческому анекдоту, который часто вспоминал А.Н. Леонтьев, в котором речь шла об уважаемом пожилым епископе, который по мере старения начал сомневаться в том, что его ум остается так же ясен, как и раньше, и просил своего слугу сказать ему, если он начнет говорить что-то не то. Это случилось во время одной из проповедей, и слуга сказал об этом епископу. Епископ разгневался, сказал, что он прочитал одну из лучших проповедей в своей жизни, и прогнал слугу.

Рукопись подготовлена к печати Д.А. Леонтьевым. Им же сделаны добавления в угловых скобках. Нумерованные сноски принадлежат автору.

Ключевые слова: самозавещание, А.Н. Леонтьев, автоматизация, управление, информация, личность.

Дмитрий Леонтьев

Для цитирования: Леонтьев А.Н. «Самозавещание» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 2. С. 202–207.
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-23>

FROM THE ARCHIVE OF A.N. LEONTIEV

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-23>

“Self-Testament”

Alexey N. Leontiev

Introduction

The text published below is handwritten notes on three standard sheets of paper made after one of the author’s numerous conversations with writer Vladimirt Tendryakov, his younger friend and neighbor by the country residence (Writers’ settlement, Krasnaya Pakhra, Moscow region). These conversations have been described in Tendryakov’s recollections of A.N. Leontiev (Tendryakov, V.F. (1983). *Proselochnye besedy* (Country road talks). In: A.V. Zaporozhets et al. (eds.) *A.N. Leontiev i sovremennaya psikhologiya* (A.N. Leontiev and contemporary psychology). (pp. 266–274). Moscow: Moscow University Press.

These notes are being published for the first and not for the first time. This text, prepared for publication by Alexander Asmolov, was included into the first posthumous edition of A.N. Leontiev’s works — “Selected psychological writings” in 2 volumes, ed. by V.V. Davydov et al., Moscow: Pedagogika, 1983 — and is rather often referred to. The title “from the journal notes” was given by the editors of the 1983 book. However, in course of that publication this text, like other works included into the book, underwent substantial editing which was not marked in the book; about 15% of the text has been cut. Hence we decided to restore and publish for the first time the initial author’s text in line with the manuscript.

One editorial correction should be mentioned specially. 1983 publication says: “Personality (...), its Copernican understanding: I find/have my “self” not in myself (others see it in me) but rather in that exists outside me” (p. 241). In the original manuscript it was articulated differently: Personality (I=I), its Ptolemean understanding: I find/have my “self” not in myself (*others* see it in me) but rather in others, in the other that exists outside me”. Copernican heliocentric understanding is the opposite of the Ptolemean one, which puts the Earth to the center of the Universe. The substitution of the word for the one with the opposite meaning is probably due to wrong reading of the whole sentence. Most likely, the words “Ptolemean understanding” on the manuscript refer to the traditional, common ideas of personality (“I=I”), to which A.N. Leontiev contrasted another one, articulated after the colon (“I find/have my “self” not in myself”...), and which would be correct to call a Copernican one.

“The bishop phenomenon”, mentioned in the last sentence, refers to a historical anecdote, which A.N. Leontiev used to recollect. A respected elderly bishop, as he was getting older, started to worry whether his mind was as clear as before, and asked his servant to tell him if he start saying something inappropriate. This happened during one of the sermons, and the servant said it to the bishop. The bishop got angry, said that it was one of his best sermons ever, and fired the servant. The manuscript was prepared for publication by D. Leontiev. His are also the additions in angle brackets. Numbered footnotes belong to the author.

Keywords: self-testament, A.N. Leontiev, automation, management, information, personality

Dmitry Leontiev

For citation: Leontiev, A.N. (2023). “Self-Testament”. *Lomonosov Psychology Journal*, 46 (2), 202–207. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-23>

Поселок писателей, 8 августа <19>74 г.

Очень важный разговор с <В.Ф.>Т<ендряковым>, начавшийся с фантастической литературы: он когда-то пробовал написать сценарий на научно-фантастическую тему.

Разговор перешел на техническую революцию, суперавтоматизацию.

Результаты научно-технической революции как явления *всеобщего* — и по ту и по другую сторону.

Тезисы о влиянии НТР на телесную жизнь ч<елове>ка, экологию etc. — только часть, сторона дела и не самая важная.

Другой тезис: высвобождение человека, его времени. Да, но предполагается, что речь идет об освобождении от нетворческого труда для творческого, след<овательно>, для обогащения личности, духовной жизни человека.

Упущена другая сторона. Она вот в чем:

1. НТР, автоматизация систем ведет к росту управленческих функций человека, увеличению *аппарата* управления. Это статистический факт¹. Но это создает «бюрократизацию» функций = **ролей**, власти ролей над человеком². *Ситуация конвейера понята, а это — еще не понято.* Хотя это много опаснее с точки зрения *сдвига ценностей*, который дает такие явления, как «потребительская психология». А на другом полюсе — бунты леваков, хиппизм как идеологию и т. д. И то, и другое — обнищание **души** при обогащении **информацией** (термин-то какой!), ума-знания. (Образ: человек с огромной головой и маленьким, маленьким сердцем.)

2. Здесь примечательно влияние науки на общественные явления, общественные следствия науки, **социальные** следствия *через изменение концепции ч<елове>ка*. *Люди склоняются перед своими творениями.* Теперь новая техника — их вершина и кажущееся завершение. Они сейчас «видят себя» в работе автоматов, суперЭВМ. Думают о себе по подобию с ними. Теряют себя в них. Учатся у них уму и *равнодушию*. Развивается психология «до лампочки». Разверзается новая трещина, которая проходит между «я=функция» и «я=я». В поглощающей ч<елове>ка системе управления (в определяемой ею жесткой функции), оправдывается «я=я»; даже гитлеровские функционеры искали в этом оправдания — в «выполнении приказа».

¹ Кажется, в 1970 г. в США более 50% занятых не в непосредственном производстве, а в управлении.

² Госуд<арственный> аппарат, аппарат супертрестов.

<нрзб> А ведь приказы-то только **кажутся** отдаваемыми лицом или лицами; на самом деле эти лица только персонифицируют Систему (с большой буквы), которая командует в силу объективного развития ее требований к исполняющим ее людям.

3. Все это ставит архиважную психологическую (или, можно сказать, социально-психологическую) проблематику. Она охватывает самые основания психологии *современного* человека, которые суть *общие* основания психологии как ведущей науки о человеке (до сих пор она не осознавала себя как ведущую, не была ею).

Пункты, над которыми я бился 40 лет, и которые создают **элементы**, «подпочву» для конкретной (т. е. развитой) науки, понимающей происходящее.

а) Теория движения сознания: **чувственная ткань**; значения, их равнодушие и их «психологизация», т.е. жизнь в человеке, их *человеческое бытие*. Как они становятся орудием пристрастности жизни — вопрос о личностном смысле, который они получают.

б) Потребности и эмоции: их развитие, существование и трансформации (извращения в том числе!) в деятельности индивидов, в их **общении** (что такое потребности в обществе потребления — «мебельные гарнитуры»; закон превращения потребностей в *уловия* и отсюда, вместе с тем, закон роста «отрицательных потребностей» = потребностей в нелишении условий)

Личность (я=я), ее птоломеевское понимание: я нахожу/имею свое «я» не в себе самом (его *другие* видят во мне!), а в других, в другом, вне меня существующем — в собеседнике, в любимом, в природе, и.....в компьютере, в Системе.

4. Психология личности есть психология **драматическая**. Подпочва и центр этой драмы — борьба *жизни* личности против своего духовного разрушения. Эта борьба исторически не уничтожается. Суть в том, что существуют эпохи ее заострения. Сейчас мы вступаем (вступили?) в такую эпоху.

[Беглые соображения о культурах как типах путей (или тупиков) глобальных решений всех заострений. Путь отрешения от внешнего — индуизм, дзен; религия средиземноморской культуры — христианство; социальные концепции — общество будущего (и здесь **две** противостоящие, борющиеся концепции). Характерная, однако, черта: все они обращены к будущему, хотя в разной форме и мере; даже самая низменная — «суперменская», ницшеанская, — и то ориентируется на завтра].

Замечание: нужно будет возвратиться к сартровскому экзистенциализму. Интересно в нем то, что схвачены изменения, которые претерпевает личность при переходе от эпохи жизненного действия к эпохе устроения, организации жизни (у Сартра от борьбы в рядах Сопротивления к жизни после победы над нацистами). Вспомнить опыт Кауровского госпиталя: как жили раненые, когда мы его строили, и как они стали жить, когда он был устроен, налажен. Комсомольцы <19>20-х годов — нынешние.

Всего здесь не запишешь. Нужно садиться за «регулярное», писать «по принятой на себя функции», в ее границах. А это оставить самозавещанием: а вдруг будет возможность написать сочинение, которое будет называться «Объяснение», объяснение внутреннего смысла своих статей и книг — того, что **за ними**.

Все это еще нужно проговаривать и проговаривать. Не скрывается ли за здесь написанным «феномен епископа»?

Поступила: 30.01.2023

Принята в печать: 10.03.2023

Поступила: 30.01.2023

Accepted: 10.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979) — доктор психологических наук, профессор, основатель и первый декан (1966–1979) факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei N. Leontiev (1903–1979) — Dr. Sci. (Psychology), Professor, the founder and the first Dean (1966–1979) of the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University.

ИЗ АРХИВА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Научная статья
<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-24>

УДК 159.9

Заметки к диссертации А.Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности»¹

А.Н. Леонтьев

Вступление к публикации

Эти заметки на полях диссертации и заключение отчетливо передают как неповторимый интеллектуальный стиль работы Алексея Николаевича со своими учениками, так и его действенное соучастие в порождении ключевых гипотез исследования. Весьма знаменательно, что для А.Н. Леонтьева исходно важно осмыслить место разноликих феноменов установок как инерционных моментов, обеспечивающих устойчивость движения деятельности. Именно уникальная функция обеспечения устойчивости деятельности и стабилизации ее направленности приоткрывает исключительную роль установочных эффектов в психологии. Дискуссии о природе установки, взаимоотношениях между установкой и деятельностью с представителями научной школы классика отечественной психологии Дмитрия Николаевича Узнадзе продолжают по сей день.

Важно также отметить, что в своих замечаниях, датированных 1976 г., А.Н. Леонтьев очерчивает перспективы исследования психологии личности как смысловых образований, в принципе не сводимых к лабораторным экспериментам.

Было бы бессмысленно мне, как ученику А.Н. Леонтьева, спустя без малого 47 лет впадать в опасный жанр «комментарии к комментариям учителя». Позволю себе лишь сказать, что любовь к моему учителю озаряет все, что я делал, делаю и, надеюсь, какое-то время еще буду делать. А поскольку, как заметил в день защиты диссертации «О месте установки в структуре деятельности» замечательный грузинский психолог Шота Александрович

¹ Публикуемый ниже текст представляет собой заключение и комментарии Алексея Николаевича Леонтьева к тексту кандидатской диссертации А.Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» (1976 г.). Текст после знаков ХХХ представляет собой написанный на отдельном листе бумаги фрагмент, явно по содержанию примыкающий к отзыву, видимо написанный в ходе приготовления к его написанию. Рукопись подготовлена к печати А.Г. Асмоловым и Д.А. Леонтьевым, публикуется впервые по авторской рукописи.

Надирашвили, любовь – это установка, то признаю, что установка любви к Алексею Николаевичу Леонтьеву придала устойчивость всей моей профессиональной и личной жизни.

Александр Асмолов

Ключевые слова: отзыв на диссертацию, А.Г. Асмолов, деятельность, теория деятельности, установка, теория установки, уровни анализа.

Для цитирования: Леонтьев А.Н. Заметки к диссертации А.Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. С. 208–214. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-24>

FROM THE ARCHIVE OF A.N. LEONTIEV

Scientific Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-23-24>

On A.G. Asmolov's thesis “On the role of set in the structure of activity”¹

Alexey N. Leontiev

Introductory notes

These notes on the margins of Ph.D. Thesis which are being published here, and the supervisor's review of the Thesis clearly explicate both A.N. Leontiev's unique intellectual style of work with his disciples and his active involvement into the generation of key hypotheses of the study. It is remarkable that from the beginning A.N. Leontiev's central intention was making sense of multifaceted phenomena of set as inertia instances ensuring the stability of the dynamics of activity. It is the unique function of ensuring the stability of the direction of activity reveals the role of the effects of set in psychology. Discussions on the nature of set and the relationships between set and activity with the representatives of the scientific school of Dmitry Uznadze, classic of Soviet psychology, are still going.

¹ This publication contains the supervisor's review and preliminary handwritten comments on the text of Alexander G. Asmolov's Ph.D. Thesis “On the place of set in the structure of activity” (1976). The piece of text following the symbols XXX is a handwritten fragment on a separate sheet of paper associated with the review text and apparently written in course of its preparation. This is the first publication based on the author's manuscript, prepared by Alexander Asmolov and Dmitry Leontiev.

It is worth noting, that in his notes of 1976 A.N. Leontiev sketched the perspectives of investigating personality as a system of meaning-related formations. Such an investigation cannot be reduced to laboratory experiments, in principle.

It would make little sense if I, A.N. Leontiev's disciple, would "comment on my teacher's comments" in 47 years. Love to my teacher illuminates everything I did, do, and hopefully, will be doing some more time. In the day of defense of this dissertation brilliant Georgian psychologist Shota Aleksandrovich Nadirashvili noted that love is a set. I should confess that the set of love to Alexey Nikolaevich Leontiev provided the stability of all my professional and private life.

Aleksander Asmolov

Keywords: dissertation review, A.G. Asmolov, activity, activity theory, set, set theory, levels of analysis.

For citation: Leontiev, A.N. (2023). On A.G. Asmolov's thesis "On the role of set in the structure of activity". *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 208–214. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-24>

1. О мотивировке

Альтернатива <—> главная задача «облечь в плоть» теорию деятельности, **обогащать** ее разработкой таких проблем, как целеобразование, функции значений в формировании образа и т.п. — в частности проблема установки как упущенное пока звено.

<—> главная задача — сделать менее абстрактной теорию установки, снять ее слабые стороны, **обогатив ее** теорией деятельности.

На что ставить ударение? — на первое или на второе? Т.е. на обогащение т<еории> деятельности или на обогащение т<еории> установки?

Конечно, будет происходить и то, и другое. Но **в изложении** альтернатива эта сохраняется.

(В «резюме», которое будет приниматься советом, речь скорее пойдет о вкладе в теорию деятельности, а не о вкладе в теорию установки)

— Вероятно, эту ниточку нужно тянуть, начиная с введения.

2. О композиции

Следует, на мой взгляд, сделать композицию более **жесткой**.

После первого чтения (т.е. совершенно предварительно) у меня возникают такие соображения:

1) Ввести содержательную **гипотезу** о необходимости допустить в диалектике движения существования «стабилизаторов» — закрепления и **инерции** процессов; того, что составляет «сопротивляющееся», что выполняет **эту функцию**. В психологии эта функция всегда выступала (и это хорошо показано в тексте диссертации)

2) Наиболее адекватное, устоявшееся описание этого выражено в термине установка, а этот термин получил свое научное уточнение и наполнение особенно у Узнадзе. Установка Узнадзе — то, к чему мы апеллируем.

3) Для этого нужно проанализировать понятие установки в работах **Узнадзе** и **школы** Узнадзе.

4) Об идеях Узнадзе.

5) Их судьба.

6) «Новый взгляд» на установку Узнадзе: с позиции деятельности. **Очень важно**: не на деят<ельность> с позиции теории установки, а vice versa.

3. О характере изложения

Нужно **во чтобы то ни стало** избежать интерпретации в духе «объединения» концепций У<знадзе> и Л<еонтьева>, в духе «стирания границ», «примирения» (это — в стиле Бассина).

Жестче показать принципиальное различие в подходах, т.е. излагать не по схеме «двух разных путей, ведущих в Рим», а по схеме **«либо** от явлений, законов etc сознания к порождаемой ими деятельности, **либо** от деятельности, ее строения etc. к порождаемым ею явлениям сознания, к психике».

Следует помнить, что позиция «и то, и другое», т.е. позиция непротиворечия, **есть** позиция узнадзевцев (и к тому же по отношению к **любой** иной концепции — в зависимости от ситуации: то динамические стереотипы, то «функ<иональные> системы», то деятельность).

Кстати: установка, «разложенная» по уровням и поставленная в связь с **моментами** деятельности (ее «образующими»), позволяет осуществлять некоторые законные **сведения** явлений установки даже к физиол<огическим> стереотипам на подоперационных уровнях! Неоправданные сведения Установки с большой буквы, становятся оправданными по отношению к термину «установка» с малой буквы.

Все сказанное имеет в виду **разрушение** понятия об установке как о **центральном, основном, все объясняющем** понятии — от моторных **установок** или сенсорных персевераций и антиципаций до личности.

4. Редакционные вопросы

1) В дисс<ертации> слишком мало **резюмирующих** абзацев, как частных (§§), так и более общих (главы).

Более отчетливо выразить в них различия, противопоставления, оценки etc.

2) Нужно пометить, оговаривать отступления для того чтобы уменьшить вызываемые ими прерывания в развитии главной мысли.

3) Мелкие лит<ературно>-редакционные погрешности: у меня возник ряд предложений и по этой части.

4) Обсудить: оправдывает ли себя система 1,1 — 1,2 — 2,1 — 2,2 — 2,3 и т.д.? Мне думается, что она а) сковывает изложение, б) затеняет необходимость пояснения переходов там, где такие пояснения желательны.

V О соотношении «реферата» и «анализа»

- Часть изложенного материала по установке попытаться перенести в гипотезу, по принципу: «тогда уясняется, что...» «Подтверждения мы находим в данных... (из установки)».

VI Понятия «целевая» (это «цель») ↔ «смысловая» (от мотива) ↔ «операциональная» установка (от задачи, а не от «условий»)

(см. оглавление!)

Мотив и установка

Термин: «явление, кот<орое> наз<ывается> «установкой»

Отзыв о диссертации А.Г. Асмолова

«О месте установки в структуре деятельности»

Диссертация А.Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности», выдвигаемая на соискание ученой степени кандидата психологических наук, представляет собой исследование, опирающееся на тщательно проанализированные обширные научно-литературные источники, среди которых центральное место занимают работы Д.Н. Узнадзе и его школы. Автор критически рассматривает также данные об установочных явлениях, накопленные в современной зарубежной психологии. Задача, которой посвящена диссертация А.Г. Асмолова, состоит в том, чтобы ввести понятие установки в психологическое исследование деятельности, вскрыть ту функцию, которую выполняют в деятельности установочные явления. В этой связи автор развивает ту мысль, что возникающие установки придают процессам деятельности необходимую устойчивость по отношению к влиянию измененных условий ее протекания и что такая относи-

тельная устойчивость составляет обязательный момент ее движения, ее развития.

Новый вклад, который вносит диссертация А.Г. Асмолова в теорию установки, составляет развиваемая автором гипотеза об уровнях установки. Он показывает, что различные проявления установок зависят от того, какому функциональному уровню процессов деятельности они отвечают. Они проявляются и на уровне общей направленности деятельности, ее личностного смысла, и на уровне действия — в форме целевых установок, и на уже чисто операциональном, и, наконец, на уровне психофизиологических механизмов. Нужно отметить, что эта гипотеза, охватывающая личностные явления, описываемые в психологической литературе как установочные, устраняет односторонние их истолкования разными авторами и обогащает само понятие установки.

С другой стороны, эта гипотеза конкретизирует основной замысел диссертации — ввести теорию установки в психологический анализ деятельности, так как не различая уровней установочных явлений сделать это нельзя. В качестве универсального понятия установка неизбежно выступает в качестве некоторого отдельного объяснительного начала.

Последнее обстоятельство и дает автору основание подвергнуть критическому анализу концепции, универсализирующие это понятие. Он ставит следующий коренной вопрос: можно ли рассматривать установку как первичное, порождающее деятельность или же установочные явления порождаются развитием самой деятельности? Вопрос этот представляется остро дискуссионным, вставшим в разных формах, в частности при обсуждении теории Д.Н. Узнадзе. Автор диссертации подробно останавливается на этом вопросе, обосновывая положение о вторичной природе установок, которые необходимо являются содержательными; но они могут приобрести данную содержательность только во взаимодействии субъекта с миром, в развитии его деятельности.

Следует отметить, что положения, развиваемые в диссертации А.Г. Асмолова, обосновываются привлекаемым обширным материалом, в том числе впервые использованным в советской научной психологической литературе (автор приводит свыше 170 цитируемых им источников).

Диссертант проявил себя в качестве очень инициативного исследователя, обладающего незаурядными способностями к творче-

скому анализу, и его работа представляет собой существенный вклад в психологию.

Работа А.Г. Асмолова написана хорошим языком и отличается своеобразным авторским стилем изложения.

Нет никакого сомнения в том, что диссертация А.Г. Асмолова отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор бесспорно заслуживает искомой им ученой степени.

Научный руководитель
Заведующий кафедрой общей психологии
факультета психологии МГУ,
профессор А.Н. Леонтьев

Х Х Х

*В этой главе мы привели некоторые дополнительные данные, полученные заруб<ежными> исслед<ователями> разных направле<ний>, которые безотносительно к облекающим их теорет<ическим> концепциям легко укладываются представление о различных уровнях установочных явлений, согласуются с **уровнями анализа** деятельности и сознания человека.*

*Что личностные смысловые установки — не результат **лаб.<ораторного>** экспер<имента>, но м<ожет> б<ыть> именно потому, что они суть выражение личности как социального смыслового образования, чтобы их изучить, просто нужны исследования **личности!** Ибо: не из уст<ановки> — личность, а из личности — л<ичностные> установки.*

Поступила: 30.01.2023

Принята после доработки: 12.02.2023

Принята в печать: 13.04.2023

Received: 30.11.2022

Revised: 12.02.2023

Accepted: 13.04.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1979) — доктор психологических наук, профессор, основатель и первый декан (1966–1979) факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei N. Leontiev (1903–1979) — Dr. Sci. (Psychology), Professor, founder and first Dean (1966–1979) of the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University.

Памяти Александра Ивановича Донцова (15.10.1949 — 08.03.2023)

8 марта 2023 г. ушел из жизни Александр Иванович Донцов — наш Учитель, наш коллега, наш друг. Александр Иванович — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, академик РАО, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, талантливый ученый и педагог.

А.И. Донцов родился 15 октября 1949 г. во Львове в семье служащих. Его родители — отец Иван Иванович Донцов, экономист, и мать Мария Алексеевна Донцова, преподаватель русского языка и литературы, — в значительной степени повлияли на развитие интеллектуальных способностей, формирование и становление интересов сына.

После окончания средней физико-математической школы № 52 во Львове А.И. Донцов поступил на факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончил в 1972 г. Большое влияние на его формирование как ученого оказали профессора Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальперин.

Интересным фактом его научной биографии является то, что он был зачислен аспирантом кафедры социальной психологии еще до подписания приказа об образовании самой кафедры. Его научным руководителем стала Галина Михайловна Андреева — основательница кафедры и первый ее заведующий.

После окончания аспирантуры и защиты в 1975 г. кандидатской диссертации «Теоретические принципы и опыт экспериментального исследования групповой сплоченности», выполненной под руководством профессора Г.М. Андреевой, А.И. Донцов преподает в МГУ, сначала в должности ассистента, затем доцента кафедры социальной психологии.

В 1988 г. А.И. Донцов защищает докторскую диссертацию «Психологические основы интеграции коллектива». В 1989 г. становится профессором, в 2002 г. — заслуженным профессором МГУ.

Продолжая вести большую научную и педагогическую работу, с 1989 по 2006 г. А.И. Донцов является заведующим кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ, с 2000 по 2006 г. — деканом факультета психологии МГУ.

Важнейшей его заслугой в те годы стало то, что психологическая наука, оставаясь в рамках академических тенденций, поддержала,

помогла подняться и развиваться прикладным психологическим исследованиям различных областей современной жизни.

А.И. Донцов являлся ярким представителем отечественной академической психологии, его научные интересы охватывали многие ключевые области социально-психологического знания: психологию малых групп и коллективов, психологию межличностных отношений, психологию массового сознания, социальную психологию личности.

В исследованиях А.И. Донцова удачно сочетались академизм и открытость новому. Проявления академизма как опоры на традиции, точности концептуальных построений, надежности методического аппарата, уважения к научным фактам и, одновременно, умение увидеть новое в обыденном, подвергать научному сомнению сложившиеся представления позволяли достигать научных результатов, которые приобрели статус классических и вошли в отечественные учебники по социальной психологии.

За свой труд А.И. Донцов награжден государственной наградой «Медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени» (2005), отраслевыми наградами: «Медалью К.Д. Ушинского» (2003), «Медалью имени Л.С. Выготского Российской академии образования» (2014), «Медалью Л.С. Выготского» Министерства просвещения РФ (2019), а также ведомственными наградами — медалью Министерства обороны РФ «Генерал армии Комаровский» (2016), знаком «За содействие МВД России» (2017). Кроме того, А.И. Донцов был удостоен премии «Профессор года» в номинации «Заслуженный профессор» Общероссийской общественной организации «Российское профессорское собрание» (2019).

Александр Иванович Донцов был членом Европейской ассоциации социальной психологии. В профессиональной психологической деятельности он выступал в качестве организатора психологии как науки: был президентом Российского психологического общества (2001–2007), заместителем председателя диссертационного совета Д 501.001.95 на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (2007–2017), исполнял обязанности академика-секретаря отделения психологии и возрастной физиологии РАО, много и плодотворно работал в экспертном совете по педагогике и психологии ВАК РФ, был председателем экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии (2015–2021).

А.И. Донцов являлся членом редколлегий ведущих российских психологических журналов («Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Вопросы психологии», «Социальная

психология и общество» и других), автором и соавтором более 250 значимых научных, научно-методологических, научно-экспериментальных, научно-эмпирических и учебно-методических опубликованных трудов по различным отраслям психологии, прежде всего по социальной психологии.

А.И. Донцовым разработана оригинальная концепция интеграции малой функциональной группы, предложен подход к анализу межличностного конфликта, сформулирован новый взгляд на проблему социального влияния меньшинства, на изучение закономерностей массового сознания.

Научно-экспериментальная концепция мотивационно-ценностного единства коллектива, созданная им, интегрирована в содержательные и процессуальные теории мотивации, в современные подходы в области корпоративной и организационной культуры, в современные практики группообразования, группового сплочения, коучинга и другие.

А.И. Донцов являлся разработчиком проблематики социальных эмоций, одним из видных современных исследователей в области психосоциальных и политико-экономических аспектов безопасности личности, общества и государства.

Книги Александра Ивановича Донцова, вышедшие в последнее десятилетие его жизни, — «Феномен зависти: Homo invidens?» (М.: Эксмо, 2014); «Родословная советского коллектива» (М.: АСТ, 2019), написанная в соавторстве с сыном Дмитрием Донцовым, и его заключительная фундаментальная монография «Судьба: психология мифа» (М.: Изд-во МГУ, 2022) — стали настоящим научным явлением, праздником для коллег и научного сообщества.

Эти книги выходят далеко за рамки собственно психологического исследования и обращены в пространство современного междисциплинарного знания. В них отражены совокупность его научных интересов, масштаб интеллектуальной деятельности и личности автора, они являются примером преданности научному познанию, примером того, как многогранно и разнопланово могут быть исследованы сложные психологические феномены.

Важной стороной деятельности А.И. Донцова являлась педагогическая работа. В течение почти 50 лет своего преподавания на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова он читал курсы лекций «Социальная психология», «Психология малых групп», «Психология конфликта», «Психология массового сознания», «Методологические проблемы современной социальной психологии»,

«Психология мифа». С лекциями А.И. Донцов выступал в ведущих европейских университетах: во Франции, Испании, Германии, Венгрии, превосходно ориентируясь в направлениях, школах и персоналиях зарубежной социальной психологии.

Александр Иванович много и плодотворно работал со студентами и аспирантами, руководил курсовыми и дипломными работами. Под его научным руководством защищено 20 кандидатских диссертаций. Для студентов и аспирантов общение с Александром Ивановичем было настоящей научной школой. Он выступил научным консультантом пяти докторских диссертаций.

А.И. Донцов обладал редким талантом — умением мгновенно погрузиться в научную проблему (иной раз далекую от его профессиональных интересов), увидеть ее «корень», четко сформулировать возможности и направления ее исследования. Именно этот его талант, дар убеждения помогал не только студентам, аспирантам, но и коллегам, которые обращались к Александру Ивановичу за помощью и советом. Еще один, особый человеческий талант Александра Ивановича делал его для нас настоящим другом, отзывчивым, всегда готовым помочь. Любой из нас мог обратиться к нему, а у него для каждого находились нужные слова и реальная помощь. Он также являлся для нас примером человеческой мудрости, мужества, жизнестойкости, оптимизма, умения «держать удар» в сложных ситуациях.

Александр Иванович был щедрым на общение, он дарил всем радость участия в событиях: на презентациях его книг, на его дни рождения собирались десятки человек. Общение с Александром Ивановичем доставляло огромное человеческое и научное удовольствие всем нам: его студентам, ученикам и коллегам.

Александр Иванович был активным, артистичным, харизматичным Ученым и Педагогом.

Александр Иванович Донцов навсегда останется яркой личностью в отечественной психологии, представителем высокого звания Профессора Московского университета.

Все психологическое сообщество, коллеги, друзья, ученики скорбят об уходе Александра Ивановича и приносят искренние соболезнования его семье, его родным и близким.

Коллектив факультета психологии